

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.1 · №4 · ОКТЯБРЬ – ДЕКАБРЬ · 2003

Содержание

Годовой отчет *Федор Лукьянов* 5

Комментарии

Мир завтрашнего дня *Гельмут Шмидт* 8

Внутренняя политическая стабильность – необходимое условие того, чтобы в России появилась гибкая, но устойчивая и эффективная государственная система. Стремление к стабильности означает, что в течение достаточно длительного времени тип правления в этой стране будет скорее авторитарным.

Открытая Европа *Александр Квасневский* 15

Европейский союз и впредь останется сообществом, открытым для всех тех стран Старого Света, которые готовы выполнить условия членства в ЕС. Если такую готовность проявит российский народ, двери, безусловно, должны быть открыты и для него.

Бесконечный передел *Константин Сонин* 22

Попытки сгладить неравенство путем пересмотра результатов приватизации или посредством полного изъятия природной ренты не приведут к успеху. В лучшем случае Россия будет втянута в бесконечный цикл переделов собственности и ее последующей концентрации.

Мировое устройство

Сотрудничать, бомбить или угрожать? *Мадлен Олбрайт* 32

После атак 11 сентября 2001 года администрация Буша оказывает давление на все страны мира, ставя их перед простым выбором: «С кем вы – с Соединенными Штатами или с террористами?» Столь жесткая постановка вопроса сочетается со стремлением расширить войну с террором. Однако в результате распространения ее и на Ирак Вашингтон отвратил от себя многих естественных и потенциальных союзников и осложнил борьбу с «Аль-Каидой». Такое не должно было случиться. Белый дом повел себя так, будто его не волнует, что думают другие. И за эту ошибку приходится платить.

Стратегическая стабильность в эпоху глобализации 53

Юрий Балуевский

Международная стабильность времен холодной войны, в основе которой лежал принцип гарантированного взаимного уничтожения СССР и США в случае ядерного конфликта, ушла в прошлое. Как теперь обеспечить стратегическую стабильность? И насколько вообще устойчиво мироустройство, в котором больше нет соперничества двух сверхдержав?

Коллективные стенания и имперское искушение 64

Томас Эксуорси

Мировое сообщество любит сетовать на чрезмерную силу Америки и односторонний характер ее политики. Лучше бы сторонники коллективных действий приложили усилия к тому, чтобы создать новую, жизнеспособную международную систему взамен существующей.

Международная финансовая система: конец единовластия 72

Ольга Буторина

В ближайшие десять-пятнадцать лет мировая гегемония доллара будет разрушена. Костяк новой международной системы составят два-три десятка наиболее значимых валют, замкнутых в высокоэффективную сеть скоростных расчетов. Такая смена формата может кардинально улучшить позиции российского рубля и сменить ориентиры национальной валютной политики.

Восток и Запад

Куда идет Центральная Азия? *Аскар Акаев* 88

Исторический путь тернист, но и на новом витке развития Центральная Азия придет к особым отношениям с Россией. Без тесного сотрудничества с этим давним и проверенным соседом у стран Центрально-Азиатского региона просто нет будущего. Однако движение должно быть встречным. Только в таком случае — и это проверено многовековой практикой — можно достичь максимального эффекта.

Холодная война возвращается *Ариэль Коэн* 97

Терроризм и исламский экстремизм не победить одной лишь военной силой. Победа должна быть одержана прежде всего в сфере идеологии, а для этого придется вспомнить опыт холодной войны. Причем прежние противники — Москва и Вашингтон — обязаны объединить свои усилия и возможности для борьбы против общего врага.

Критическое мышление и обновление ислама *Рафаэль Хакимов* 108

В Средние века вся Европа внимала мудрости мусульманских ученых, но впоследствии такие понятия, как «творчество», «рационализм», «обновление», выпали из лексикона ислама. Критическое, аналитическое мышление оказалось под запретом. Табу на новые толкования Корана консервировало и мысль, и общественные отношения.

Знание как религиозный долг

Мусульманская вера не только не противопоставляет себя знаниям, но и призывает людей стремиться к просвещению. Отставание в развитии, характерное для государств Ближнего Востока, — не порождение ислама, а результат проводимой политики, считают авторы второго Доклада о человеческом развитии в арабском мире.

Как сделать Персидский залив безопасным *Кеннет Поллак* 127

Стремительная военная победа США в Ираке подготовила почву для создания новой системы безопасности в Персидском заливе. Однако, по иронии судьбы, даже несмотря на уход Саддама с политической сцены, проблемы будут в определенной мере усугубляться. Три основных вызова состоят в следующем: власть в Ираке, иранская программа по созданию ядерного оружия и внутренняя нестабильность в государствах — членах Совета по сотрудничеству стран Залива. Ни одна из этих проблем не имеет простого решения, не говоря уж обо всех трех сразу.

Глобальная экономика

- Следующая цель — мировой рынок газа 146
Даниэл Ергин, Майкл Стоппард

Зарождающийся глобальный рынок природного газа способен удовлетворить растущий спрос на электрическую энергию во всем мире. Собственные американские запасы газа истощаются, но огромные неразрабатываемые источники этого сырья в других местах планеты становятся доступными как никогда. Сегодня газ может подвергаться сжижению, перевозке и быть эффективно использован. Новая энергетическая взаимозависимость создаст новые риски — но каждый из них можно регулировать посредством надлежущей диверсификации.

- Глобальный газовый рынок — взгляд из России 160
Владимир Фейгин

Россия по определению будет самым влиятельным игроком на глобальном газовом рынке: крупнейшие в мире запасы голубого топлива принадлежат именно ей. Формирование всемирного рынка торговли газом неизбежно, однако на этом пути следует ожидать множество проблем.

Полемика

- Реальность глобализации и критика антиглобалистов 170
Сергей Долгов
- Модель на выброс *Надежда Арбатова* 181
- Объективное познание Европы *Тимофей Бордачёв* 188
- России нужна не реформа армии, а новая армия 192
Александр Храмчихин

Рецензии и обзоры

- «Воспоминания» о настоящем *Владислав Иноземцев* 196
- Памятка избранным и избирающимся *Марк Шкундин* 206
- Дипломатия на ветру перемен *Федор Лукьянов* 209
- Когда воротимся мы в Портленд? *Станислав Кувалдин* 213
- «Еврорусский» мост *Татьяна Игнаточкина, Очир Манджиков* 216
- «Малый народ» и теория заговоров *Алексей Пименов* 219
- Киотский протокол: за и против (Обзор конференции) 223
- Содержание журнала «Россия в глобальной политике» за 2002—2003 годы 229

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

председатель

попечительского совета

ВАЙНШТОК С.М.

ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНИЯ Р.К.

«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.

ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.

председатель постоянной

Комиссии Госдумы РФ по защите
прав инвесторов

ЕВТУШЕНКОВ В.П.

АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.

«Новые программы и концепции»

КУЗЯЕВ А.Р.

«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.

ОАО «Аэрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.

ФК «НИКойл»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕРОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
в МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:

Россия, 103873, Москва

ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»

Тел.: (095) 206-8573

Факс: (095) 206-8661

E-mail: info@globalaffairs.ru

http://www.globalaffairs.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель редакционного совета*

АРБАТОВ А.Г.

АХТИСААРИ Маргги

(Финляндия)

БЕЛОУСОВ Л.С.

заместитель председателя

БЕРГСТЕН ФРЕД (США)

БИЛЬДТ Карл (Швеция)

ГРИГОРЬЕВ В.В.

(в личном качестве)

ЖУКОВ А.Д.

ЗВЕРЕВ С.А.

ИВАНОВ И.С.

(в личном качестве)

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.

*председатель**научно-консультативного**совета*

КАЙЗЕР КАРЛ

(Германия)

КОЖОКИН М.М.

КОКОШИН А.А.

КОЛЬ ГЕЛЬМУТ

(Германия)

КОМИССАР М.В.

КОПЬЕВ В.В.

КУЗЬМИНОВ Я.И.

ЛИВШИЦ А.Я.

ЛУКИН В.П.

ЛУКЬЯНОВ Ф.А.

главный редактор

МАУ В.А.

МОНБРИАЛЬ ТЬЕРРИ де

(Франция)

НИКОНОВ В.А.

заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.

ОЗЕРОВ М.В.

заместитель председателя

ПОЗНЕР В.В.

ПРИМАКОВ Е.М.

ПРИХОДЬКО С.Э.

(в личном качестве)

РЫЖКОВ В.А.

ТЕЛЬЧИК ХОРСТ

(Германия)

ТОРКУНОВ А.В.

УОЛЛЕС УИЛЬЯМ, лорд

(Великобритания)

ХАКАМАДА И.М.

ХОУГ ДЖЕЙМС (США)

ЭЛЛИСОН ГРЭМ (США)

ЮРГЕНС И.Ю.

ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.

(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.

председатель

АДАМИШИН А.Л.

БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.

ЛОМАНОВ А.В.

МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.

ЭНТИН В.Л.

ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов

«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Главный редактор Федор Лукьянов

Заместитель главного редактора Наталья Костромская

И.о. генерального директора

Ирина Палехова

Автор макета

Константин Радченко

*Англоязычное издание**Russia in Global Affairs**Ответственный редактор*

Александр Кузьяков

Верстка

Наталья Заблочките

Сергей Трубкин

Редактор

Ринат Якубов

*Завотделом**переводной литературы*

Любовь Рыклина

Проверка и корректура

Арнольд Кун

Стилист

Роберт Бридж

*Референт председателя**редакционного совета*

Елена Блиникова

Интернет-редактор

Павел Житнюк

portal@rosbalt.ru

Корректор

Людмила Купченко

Ответственный секретарь

Ксения Михайлова

Подписка и распространение

Владимир Астафьев

тел.: (095) 292-1101

subscribe@globalaffairs.ru

Иллюстрации

Fotobank

Годовой отчет

Федор Лукьянов, главный редактор

Вот и наступил наш маленький праздник: журнал, который вы держите в руках, завершает первый полный год существования «России в глобальной политике». Когда в ноябре 2002-го мы в обстановке паники и страшного аврала «на коленках» доделывали пилотный выпуск, казалось, что нам не дожить не то что до четвертого, а даже и до первого регулярного номера. Отчасти это настроение было связано с техническими проблемами, неизбежными на старте любого издания. Но гораздо большую неуверенность порождали сомнения принципиального характера: найдет ли журнал своего читателя, нужен ли вообще кому-то серьезный анализ международной политики, проблем мирового развития, места и роли в нем России? Прошедший период доказал, что интерес к этим вопросам в российском обществе растет. Страна уже стала частью глобального мира, и многие события, происходящие далеко от национальных границ, напрямую влияют на жизнь наших соотечественников. Успех России во многом зависит от того, насколько качественную, объективную информацию об окружающей действительности получают ее граждане — от простых

обывателей до политического руководства и бизнес-элиты. Залог же будущего прогресса — в воспитании нового поколения россиян, четко понимающих национальные интересы, но при этом осознающих себя частью мирового сообщества. Поэтому особенно приятно, что среди наших читателей много молодых людей — студентов и аспирантов, а также жителей российских регионов — от Новосибирска и Кирова до Калининграда. Воплощается в жизнь то, ради чего создавался журнал, — осуществление просветительской, образовательной миссии. Выполняется и вторая из поставленных перед нами задач — создать независимую площадку для диалога между российскими и иностранными экспертами, политиками, журналистами. Мы не обошли вниманием ни одну важную тему из тех, что волновали мир в минувшем году. Горячие дискуссии шли не только заочно, на страницах журнала и на сайте www.globalaffairs.ru, но и «живьем» — на многочисленных и очень представительных мероприятиях, проводившихся под эгидой «России в глобальной политике». Мы не справились бы со всем этим, если бы не помощь многих людей и

организаций, разделяющих идеи издания и принимающих близко к сердцу его проблемы. Прежде всего это наши попечители — крупные компании и частные лица, согласившиеся финансировать благотворительный проект, зная, что он не принесет материальной отдачи.

Предприниматели рассматривают это как своего рода «общественное поручение», инвестиции в развитие страны, в ее интеллектуальный потенциал. Существование журнала «Россия в глобальной политике» — убедительное доказательство того, что большой бизнес осознает свою социальную ответственность и готов вносить вклад в совершенствование общества.

Журнал вряд ли стал бы заметным общественным явлением без поддержки наших учредителей — Российского союза промышленников и предпринимателей, газеты «Известия» и особенно Совета по внешней и оборонной политике. Своим богатым опытом охотно делился наш американский партнер — легендарный журнал *Foreign Affairs*. Отдельное спасибо коллегам-журналистам, которые не только проявляли интерес к нашим материалам и мероприятиям, но и помогали их популяризации.

Успеху журнала, конечно, весьма способствовала обстановка в мире, международная и внутренняя политика, которая не давала скучать и все время подбрасывала нам новые

темы. Однако главное богатство издания — это его первоклассные авторы. Нам доверяли «авансом», при одном взгляде на внушительный состав редакционного совета. А звездная «команда» данного номера свидетельствует: «Россия в глобальной политике» добралась до высшего мирового уровня: **Гельмут Шмидт, Александр Квасьневский, Юрий Балуевский, Мадлен Олбрайт, Аскар Акаев, Кеннет Поллак...**

Преодолев трудности начального периода, мы выходим на «проектную мощность» — с января журнал «Россия в глобальной политике» будет выпускаться раз в два месяца.

Заранее ясно, что недостатка в темах у нас не будет.

2004 год — это президентские выборы в России и США, расширение Европейского союза, ожесточенная схватка за власть на Украине, новые бурные события на Ближнем Востоке и очередные попытки развязать корейский узел... Новому руководству нашей страны предстоит принять важные решения во внутренней и внешней политике, которые определят направление развития на десятилетия вперед.

Мы надеемся сохранить поддержку тех, кто помогал нам и верил в наши перспективы. Оставайтесь с нами. Мы рассчитываем, что второй год жизни принесет нам новых читателей и подписчиков. Присоединяйтесь к нам. Не пожалеете.

Комментарии

Гельмут Шмидт выступает перед читателями
журнала «Россия в глобальной политике». Москва, июнь 2003 года
Фото А. Галеева

“ В развивающемся мире выигрывают главным образом те страны, где у власти находятся просвещенные в экономическом отношении, но авторитарные правительства. Я полагаю — хотя и не вполне уверен, — что Россия также окажется в этом ряду государств ”

Мир завтрашнего дня *Гельмут Шмидт*

8

Открытая Европа *Александр Квасьневский*

15

Бесконечный передел *Константин Сонин*

22

Мир завтрашнего дня

Гельмут Шмидт

Пророчества всегда внушают сомнения, особенно если они исходят от нас, экономистов. Экономистам можно доверять лишь тогда, когда они говорят о прошлом. К их рассуждениям о настоящем следует относиться с определенной осторожностью. А уж когда экономисты говорят о будущем, осторожность должна быть максимальной.

Тем не менее я рискну заглянуть в будущее. А в доказательство того, что я не лишен некоторых прогностических способностей, приведу один пример. Недавно я перечитал текст собственной речи, с которой выступал в Пекине 20 лет назад, в эпоху Дэн Сяопина и Юрия Андропова. Я предсказал, что в конце столетия будут существовать три мировые державы глобального значения — США, Китай и Россия. Сегодня это предсказание сбылось, хотя некоторые в Америке не хотят это признать, а в отношении России сохраняется известная неопределенность.

Как бы долго ни продлился нынешний период внутривнутриполитической и экономической слабости России, она все равно останется мировой державой благодаря своей огромной территории, большому количеству государств-соседей, богатым нефтяным, газовым и прочим минеральным ресурсам, равно как и благодаря колоссальному военному потенциалу, включающему тысячи единиц ядерного оружия. Конечно, российская экономика еще не достигла оптимальной формы. Однако я думаю, что российский народ и Владимир Путин найдут собственные способы сделать страну конкурентоспособной на мировой арене и интегрировать ее в глобальные рынки — и не только в нефтегазовой отрасли.

Лучшее, что мы можем сделать на Западе, — это продемонстрировать уважение к русской нации с ее тысячелетней историей и предоставить ей возможность сотрудничать с нами на равноправной основе.

Гельмут Шмидт — канцлер ФРГ в 1974–1982 гг., почетный председатель InterAction Council (Совет бывших глав государств и правительств). Данная статья представляет собой сокращенный вариант лекции, прочитанной 24 июня 2003 г. в Москве.

Очевидно, что президент Путин готов к международному сотрудничеству и стремится стать заслуживающим доверия партнером. Его, правда, несколько тревожит процесс расширения НАТО, а также — хотя и в меньшей степени — Европейского союза, происходящий за счет восточноевропейских государств. Запад лишь поступит в соответствии с собственными интересами, если проявит благоразумие и постарается избежать всякого унижения России, будь то в области вооружений и разоружения или в любой другой сфере, в частности торговли и финансов. Мое предупреждение или увещание, касающееся необходимости соблюдать принцип равенства, имея дело с Россией, обращено не только к правительствам, но и к частным западным корпорациям, банкам и инвесторам. Хотя, конечно, они очень неохотно будут вести бизнес с теми, кого сами россияне именуют русской мафией. Тем более что судебная система в России также пока далека от совершенства.

Вместе с тем российские макроэкономические показатели за последние несколько лет внушают оптимизм. Это относится, например, к реальному темпу роста, формированию фиксированного капитала, активному салдо по текущим расчетам, уменьшению внешней задолженности, а также увеличению валютных резервов.

Кажется нормальным, что время от времени происходит экономический спад. Однако в долговременной пер-

спективе нам предстоит, я полагаю, увидеть умеренный экономический рост в России. Конечно, мировые цены на нефть остаются важным фактором российской экономики. Другим важным фактором по-прежнему является темп институциональных и внутренних реформ. Создание гибких и устойчивых институтов потребует времени, что, безусловно, зависит от внутренней политической стабильности. Между тем мне представляется, что можно рассчитывать на достаточную степень стабильности, а это означает, что, вероятно, в течение длительного периода, который займет годы, тип правления будет скорее авторитарным.

Мы, немцы, чувствуем облегчение из-за того, что, несмотря на две кровопролитные войны XX века, взаимная ненависть между нашими народами, кажется, исчезла. Ее заменила демонстрируемая обеими сторонами воля к честному партнерству, которое опять-таки представляет собой позитивный фактор, в том числе и для будущего России.

За плечами у немецкой нации — примерно тысяча лет истории, и этим она похожа на русский народ. Вот уже полвека Германия все больше интегрируется в Европейский союз, который прежде называли Европейским экономическим сообществом. Застой в деятельности Европейского союза сегодня очевиден, равно как и внутренний раскол в нем, вызванный различными подходами стран-членов

к войне в Ираке. Но все же статус, обретенный Евросоюзом, — а в него сейчас входят пятнадцать государств (в недалеком будущем их станет двадцать пять), — следует рассматривать как огромный успех. На мой взгляд, общий рынок и общая валюта, евро, будут устойчивыми. Хотя и с несколько меньшей уверенностью, но я предполагаю, что Европейский союз преодолет нынешний кризис. Ведь ни одно из европейских национальных государств не сможет само, на свой страх и риск противостоять глобальным вызовам. Лидеры осознают этот факт и поймут, что создание хорошо функционирующего союза необходимо для того, чтобы отстаивать фундаментальные интересы каждой отдельной нации.

Тем не менее на разработку эффективного общего внешнеполитического курса может уйти от 30 до 50 лет. В частности, пока неясна будущая роль Великобритании. Для разработки общей оборонной политики, возможно, необходим более длительный период. С того момента, когда мы начали этот процесс, прошло полвека. И если нам потребуется еще столько же времени, чтобы превратить Евросоюз в дееспособный целостный организм, будет не так уж плохо.

Это принесло бы пользу и нашему общему соседу, польскому государству. Поляки недавно проголосовали за членство своей страны в Европейском союзе. В течение более чем двух столетий Польша подвергалась

угнетению и с запада — со стороны пруссаков, австрийцев, немцев, и с востока — со стороны России. Нынешнее вступление в Евросоюз обещает полякам лучшую перспективу. Конечно, будут и разочарования. И конечно, в течение какого-то времени поляки, «зажатые» между Москвой и Берлином, будут считать альянс с Америкой более важным, даже если они не произносят этого вслух. Их соседи Россия и Германия, так же как и их будущие партнеры по Европейскому союзу, должны понять, что такое распределение «рейтингов» — естественный результат предшествующей истории и, стало быть, реальный факт. Кстати, оно вовсе не обязательно будет представлять опасность для кого-то из нас. Бывший Советский Союз испытал огромное перенапряжение всех своих сил, обусловленное наращиванием вооружений и стремлением к гегемонии над соседними странами. Я думаю, наступит день, когда историки скажут, что неизбежные преобразования 90-х принесли россиянам огромное облегчение. В частности, исчезла угроза военного конфликта между двумя коммунистическими гигантами — а это позволило существенно снять напряжение как в России, так и в Китае. Как следствие появились новые возможности экономического и социального прогресса в обеих странах. В мире сохранится тенденция к глобализации в информационной и тех-

нологической сферах. В результате — хотим мы того или нет — возрастает взаимозависимость на всей планете. Страна, которая попытается отгородиться от этого процесса, будет, скорее всего, отброшена назад — и Северная Корея тому пример. Наименее развитые или отстающие в развитии страны с плохой организацией и управлением также останутся позади или вовсе окажутся вытесненными. Их выигрыш от глобализации будет весьма незначительным.

Когда мы спрашиваем себя: «Кто выигрывает и кто проигрывает в условиях глобализации?» — ответ оказывается тройким.

Первое. Те, кто пока выигрывает, — это почти все наиболее развитые индустриальные страны и их население, включая США, Канаду, Европейский союз, Японию и Австралию.

Второе. Среди развивающихся стран выигрывают главным образом те государства, где у власти находятся просвещенные в экономическом отношении, но авторитарные правительства. Китай — это наиболее яркий пример такого рода; можно было бы упомянуть и некоторые страны — экспортеры нефти. Следует указать и на тех, кого раньше именовали четырьмя маленькими тиграми: Сингапур, Гонконг, Тайвань и Южную Корею. Все они много сделали для своего народа и больше не входят в категорию развивающихся стран. Я полагаю — хотя и не вполне уверен — что Россия также окажется в этом ряду государств.

Третье. С другой стороны, некоторые развивающиеся страны, пытающиеся установить у себя демократию, терпят фиаско в социально-экономической, а потому во многих случаях и в политической сферах. Было бы постыдной ошибкой настаивать на том, чтобы они открыли свои границы для импорта промышленных товаров, воздерживаясь при этом от экспорта их сельскохозяйственной продукции.

США, Европейский союз, а также Япония все еще повинны в грехе эгоизма по отношению к ним. Проповедуя идею свободной торговли, они не следуют своим же принципам; вместо этого они все чаще принимают меры, защищающие их собственных фермеров, сталелитейщиков и пр.

В довершение всего многие развивающиеся страны испытывают давление. Их убеждают открыть свои экономики для краткосрочного кредитования из-за рубежа, провести либерализацию своих текущих счетов и тем самым расчистить путь для всех видов спекуляции извне. В результате они вязнут в трясине внешней задолженности. Кризис кредитно-денежной системы, разразившийся в Юго-Восточной Азии пять лет назад, должен был послужить серьезным уроком. Меры, предпринятые тогда Международным валютным фондом и Всемирным банком для спасения экономик различных стран — от Индонезии до Мексики, включая даже Россию, — не столько помогли государствам-реципиентам, сколько сыг-

рали на руку частным западным финансовым институтам, которые тем самым получили надлежащие проценты и дивиденды и вернули себе большую часть своих денег.

Возможно, следовало бы поручить МВФ в качестве его главной задачи разработать новую концепцию того, как добиться справедливого порядка и стабильности на глобализированных финансовых рынках. МВФ нельзя рассматривать как всемирного заимодавца, готового в критический момент протянуть руку помощи. Его роль должна в первую очередь состоять в мониторинге, обеспечении прозрачности, стабилизации социальной и экономической политики суверенных государств. Громадные транснациональные потоки капитала и денежных средств, волна спекулятивного ажиотажа плюс разнообразные махинации, направленные на поддержку высокой стоимости акций, а также маниакальное стремление частных финансовых институтов к объединению — все это требует лучшего контроля и регулирования. Но я не слишком оптимистически настроен на этот счет.

Некоторые азиатские страны и большинство государств Африки возникли из бывших колоний и протекторатов, границы между которыми определялись империалистическими державами произвольно, без учета этнических, религиозных и культурных факторов. Поэтому население таких стран в высшей степени раз-

нородно. В таких государствах стабильность и хорошее управление — редкое явление, и такое положение сохранится. В ближайшие десятилетия большинство развивающихся стран ожидают нелегкие времена. Китай на данный момент представляет собой самую большую развивающуюся страну, культура которой развивалась в течение тысячелетий, а население в большой степени однородно. В 80-х и 90-х годах Китай добился почти невероятных успехов, в том числе в экономике, и исходя из этого я полагаю, что и в ближайшие десятилетия он будет успешно продвигаться вперед. С политической точки зрения Китай и сегодня является мировой державой. Ему предстоит стать мировой державой также в индустриальном и экономическом отношении. Если в Китае сохранится стабильность и эффективное управление, то его экономика в течение 30 лет превзойдет по ВВП японскую, а впоследствии достигнет тех же показателей и обретет тот же вес, что и экономики США и Европейского союза. Будет три великих валюты: американский доллар, европейский евро и китайский юань. Конечно, в настоящее время китайцам предстоит решить колоссальные проблемы и столкнуться на своем пути с серьезнейшими препятствиями. Напряжение по обе стороны Тайваньского пролива в последнее время несколько спало; если благоразумие возобладает и в даль-

нейшем, угрозу военного конфликта можно будет сдерживать.

То же самое относится и к конфликту в Кашмире. Индия в любом случае, скорее всего, превратится в мировую державу. Станет ли мировой державой Европейский союз, покажет будущее. Быть может, позднее в ряду мировых держав окажется и Бразилия.

Представляется, что мировые державы не будут воевать друг с другом; наличие ядерного оружия у всех сторон потенциального конфликта не даст разразиться вооруженному противостоянию. Однако военные технологии будут развиваться, становясь все более изощренными. Сегодня ядерным оружием обладают восемь государств, и количество членов ядерного клуба может увеличиться. Похоже, что вопрос об ограничении вооружений сохранится в повестке дня мирового сообщества. Впрочем, существенную роль будут играть также нефть и природный газ. А потому Ближний Восток останется зоной повышенной напряженности и конфликтогенности; в такую же зону, возможно, превратится и Центральная Азия.

Многие американцы считают, что 11 сентября изменило мир. Но это неверно. Очевидно, что оно глубоко изменило точку зрения американцев на внешний мир. Прежде им говорили (и они верили), что их страна представляет собой единственную сверхдержаву; и вот теперь — впер-

вые за все время существования их государства — им пришлось пережить жестокое нападение на свою территорию. В ответ американское руководство решило использовать всю свою огромную военную мощь, чтобы начать так называемую войну против терроризма. В результате наблюдавшиеся и прежде тенденции к гегемонистскому и даже империалистическому поведению по отношению к другим странам возобладали. Империалистический элемент в политике США восходит к середине XIX столетия, к войнам с Мексикой и Испанией, к Теодору Рузвельту. А в наше время в обиходе появились словечки вроде «государства-изгои» и «ось зла»; мы увидели, как Рейган и Клинтон подвергли бомбардировкам Гренаду, Белград или Судан — без санкции Совета Безопасности. Конечно, Америка не является единственным государством, проигнорировавшим или нарушившим Устав ООН. Кроме того, не только американские лидеры позволяют себе публичные оскорбления в адрес других стран и их руководства. Есть и такие, кто так же, как США, стремится насильственным путем распространять свою идеологию за пределами своего государства. Сегодня евангелическое рвение резко усилилось. Вдохновляемые тем фактом, что Америка — единственная сверхдержава, способная проводить военные операции в глобальном масштабе, некоторые американские руково-

дители убеждены, что их миссия — обратить человеческий род в веру, основанную на фундаментальных правах человека и принципах демократии. Ощущение этой миссии уже давно прослеживается в американской стратегии: стоит вспомнить об участии США в войне против Гитлера, а позднее — в холодной войне. Сегодня стратегию Америки можно охарактеризовать с помощью трех весьма распространенных выражений: свобода действия, способность вести превентивную войну, демократический империализм. Возможно, эти принципы будут определять внешнюю политику США и после того, как завершатся два срока президентских полномочий Буша-младшего. В настоящее время лишь меньшая часть суверенных государств приветствует американский курс или расширение американской сферы влияния. Большинство народов Азии, Африки, Латинской Америки и Европы, конечно, предпочли бы американский интернационализм или американский многосторонний подход. Все они попытаются воздействовать на Америку в этом направлении. Однако мне представляется, что какое-то время США все же будут придерживаться политики односторонности. В более долгосрочной перспективе другие традиционные элементы американской стратегии снова выйдут

на поверхность. Речь идет о склонности к многосторонним действиям и интернационализме, а также изоляционизме. Эти элементы всегда сосуществовали с односторонностью; преобладал то один из них, то другой. Благодаря жизнеспособности американской нации, а также разнообразию течений внутри американского общества гегемонистский унитаризм когда-нибудь перестанет быть преобладающей идеей. Вероятно, Америка снова придет в себя после нынешнего психоза; американцы вновь осознают тот факт, что в наш век будет немало угроз и вызовов, с которыми ни одна страна, ни одна нация, ни даже самое могущественное государство — США — не способно справиться в одиночку. Идет ли речь о демографическом взрыве или глобальном потеплении, решает ли человечество вопросы разрушения окружающей среды или глобальных эпидемий, глобальной преступности или глобального валютного хаоса — ни с одной из этих проблем Америке не справиться самостоятельно. Она даже не найдет, где бы от них укрыться. Американские лидеры давно знают, что во всех перечисленных областях без совместных действий мирового сообщества не обойтись. И я верю, что однажды они снова вернуться на путь международного сотрудничества.

Открытая Европа

Польша и восточная политика Европейского союза

Александр Квасьневский

День первого мая 2004 года, когда Польша вместе с девятью другими странами-кандидатами официально вступит в Европейский союз, ознаменует собой начало новой эпохи в отношениях единой Европы с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдовой. Наше членство в ЕС ни в коем случае не означает, что Варшава отвернется от своих соседей на востоке. Не стоит забывать, что восточная граница Польши станет после расширения Евросоюза самой длинной из внешних сухопутных границ сообщества. Мы безоговорочно поддерживаем все то, что объединяет Европу, способствует налаживанию и укреплению дружеских связей между нынешними и будущими членами Евросоюза, с одной стороны, и государствами, которые пока остаются вне его структур, с другой. Развитие контактов ЕС с партнерами на востоке остается для Польши задачей стратегического характера. Не случайно именно Варшава выступила инициатором Восточного измерения

общеевропейской политики, в рамках которого предполагается установить особые отношения с Россией, Украиной, Белоруссией и Молдовой. Богатый опыт сотрудничества с этими государствами и разнообразные контакты, связывающие нас очень давно, дают основания полагать, что Польша способна внести ценный вклад в формирование восточной политики ЕС.

В чем заключается интерес Польши? В том, чтобы все пространство от Балтийского моря до Адриатического и Черного морей объединила атмосфера искреннего взаимопонимания и доверия. А это возможно только в том случае, если нужды и чаяния наших восточных соседей найдут отражение и будут приняты во внимание в концепции *Wider Europe – New Neighbourhood* («Большая Европа – новое соседство»), работа над которой завершается в Европейской комиссии.

Отрадно, что выдвинутая мною в 2002 году «Рижская инициатива» по упро-

Александр Квасьневский — президент Республики Польша.

чению связей со странами, остающимися пока вне общеевропейских структур, получила мощную поддержку в Европе. Нельзя допустить, чтобы государства, не имеющие статуса кандидатов на вступление в НАТО или Европейский союз, почувствовали себя в изоляции. Наоборот, им следует предоставить возможность пользоваться плодами и достижениями евроинтеграции. Наша задача — всемерно способствовать этому. Так, Польша продолжит оказывать политическую поддержку европейским и евро-атлантическим устремлениям этих государств. «Рижская инициатива» отнюдь не претендует на то, чтобы заменить существующие формы и структуры сотрудничества (такие, например, как регулярные саммиты в форматах ЕС — Россия и ЕС — Украина), но призвана их дополнить. Действенным стимулом может оказаться перспектива интеграции в единый рынок ЕС, а важной сферой приложения совместных усилий — борьба с терроризмом и организованной преступностью.

Вне всяких сомнений, чем яснее будет выражена европейская направленность в российской политике, тем лучше для Европы в целом, для самой России и, конечно, для Польши. То же касается Украины, Белоруссии и остальных наших партнеров. Приверженность всех стран общей системе ценностей и принятие ими единых стандартов — вот самая надежная гарантия европейской безопасности. В этом же, на наш

взгляд, залог развития всеобъемлющего сотрудничества.

Как доказывает опыт, одним из самых эффективных проводников курса ЕС по отношению к государствам Восточной Европы является политика поддержки. Польша оказывает всемерное содействие расширению программ *TACIS*, *PHARE* и *INTERREG*. Мы вносили в Еврокомиссию предложения о том, какие дополнительные инструменты могут помочь осуществлению данной политики. Скажем, Европейский региональный фонд поддержки гражданского общества мог бы стимулировать развитие органов самоуправления, способствовать достижению равноправия этнических меньшинств, становлению гражданского общества, в том числе женских организаций, укреплению независимых СМИ. В рамках фонда возможно обсуждение инициатив неправительственных организаций, обмен молодежными делегациями и культурное сотрудничество. Среди других проектов такого рода — Европейский региональный фонд инвестиционной поддержки, а также Европейская программа поддержки стажировок и Европейская стипендиальная программа, задача которых — привлечь молодежь и студентов из других стран к участию в программах ЕС.

Главное — это доверие

Некоторые аспекты расширения ЕС воспринимаются в России негативно. Возникают опасения, не изменятся

ли двусторонние отношения после вступления Польши в Евросоюз, не сузятся ли после этого возможности совместной работы. Вопросы эти риторические. Могу с полным основанием заявить: Польша желает самого тесного сотрудничества с Российской Федерацией, и ни малейшей угрозы двусторонним связям не существует. Мы заинтересованы в том, чтобы восточная граница расширенной Европы не отгораживала Польшу от ее соседей. Более того, стратегическое значение взаимодействия между Восточной и Западной Европой существенно возрастает, и Варшава как никто другой стремится к его углублению. Ведь в том числе и от прочности этих связей зависит вес Польши в Европейском союзе, роль, которую она будет там играть. Я глубоко убежден: Россия и Польша в состоянии решить любые проблемы, которые возникнут вследствие расширения Евросоюза.

Убедительное доказательство тому — польско-российские отношения, которые в последние годы развиваются лучше, чем когда-либо. В этом велика заслуга президента Владимира Путина. Польша и Россия располагают сегодня эффективным механизмом сотрудничества на разных уровнях — от межправительственных комиссий до многочисленных неправительственных организаций. (К примеру, добрые отношения сложились между нашими ветеранскими объединениями.)

Успешно развиваются экономические и торговые связи. В 2003 году объем двустороннего товарооборота может выйти на рекордный уровень в 6 миллиардов долларов. Правда, нам еще предстоит добиться равновесия в этой области, поскольку на сегодняшний день с польской стороны сохраняется слишком большой дефицит торгового баланса. Настало время переходить к новому этапу — к расширению взаимных инвестиций и к совместным инвестиционным проектам на рынках третьих стран.

В наших общих интересах сократить до минимума число препятствий на пути контактов между людьми. Сейчас эта сфера регламентируется следующими документами: Шенгенским договором, соглашением между Европейским союзом и Россией, а также двусторонним соглашением между Польшей и Россией. Со своей стороны мы сделаем все для того, чтобы ограничить барьеры бюрократического характера и обеспечить гражданам как можно большую свободу передвижения.

Объединив усилия с Россией, мы обязаны направить их на поддержание стабильности в регионе, продемонстрировать миру образец успешного регионального взаимодействия. Мы не можем допустить, чтобы предубеждения, коренящиеся в прошлом, оказались помехой на нашем общем пути. Главное в отношениях России и Польши — это доверие. Доверие не только между двумя

государствами, но и между двумя народами, доверие, подкрепляемое совместными шагами во имя благополучия поляков и россиян.

Новая глава в истории Европы

Лозунг Европейского союза гласит: «Единство в разнообразии». По мере интеграции в ЕС десяти новых стран облик Европы будет меняться. В истории континента открывается очередная глава, на смену ожесточенным войнам и конфликтам, которыми – увы – богато наше общее прошлое, приходит тесное партнерство народов. Расширившийся Европейский союз станет мощным организмом, вобравшим в себя потенциал 25 стран – энергию, знания и способности 450 миллионов европейцев. Возрастет мощь и значение сообщества как одного из крупнейших мировых центров цивилизации.

Для новых членов – стран Центральной и Восточной Европы – присоединение к ЕС означает дальнейшее развитие демократии, укрепление правового государства, совершенствование гражданского общества, а также эффективной, основанной на здоровых принципах экономики. Одновременно откроется свободный доступ к одному из самых обширных в мире рынков. Нынешние кандидаты вступают в Евросоюз как группа дружественных государств, спаянных тесными узами сотрудничества. Тем самым упрочатся европейская стабильность и безопасность, будет вне-

сен вклад в дело открытости Европы, в диалог между Западом и Востоком, появятся новые возможности для дальнейшей интеграции.

В присоединении к Евросоюзу мы, поляки, видим исторический шанс для развития нашей страны и ее продвижения по пути цивилизации. Сорокамиллионная Польша – это молодое общество, которое внесет в ЕС энергию и энтузиазм. Нам есть чем обогатить единую Европу. Евросоюзу важен наш опыт трансформации государственного устройства, превращения с помощью диалога авторитарного правления в демократию, перестройки централизованной плановой экономики в рыночную. Этот опыт в сочетании со способностью усвоить стандарты ЕС может быть особенно полезным для стран, намеревающихся в будущем вступить в Европейский союз. В то же время людям и институтам, которые заняты управлением ЕС, придется существенно повысить уровень знаний о нашей части Европы.

Для современной Европы характерны, с одной стороны, общие истоки нашей цивилизации, а с другой – многообразие, плюрализм национальных культур. В свое время архитектор европейской интеграции Робер Шуман совершенно справедливо заметил, что без свойственного ей разнообразия Европа не была бы собой. Нас отличает еще одна особенность, заложенная «отцами-основателями» и развившаяся благодаря пос-

ледовательным усилиям нескольких поколений, — огромное желание сотрудничать. Оно служит для жителей Старого Света компасом на нелегком пути преодоления бурной и драматической истории нашего континента.

Трансатлантическая солидарность

После присоединения к ЕС Польша сможет влиять на политику Евросоюза. Итогом идущих ныне дебатов по проекту европейской Конституции должно стать нахождение таких решений, которые отвечали бы интересам как нынешних государств-членов, так и кандидатов. Мы не ставим под сомнение заслуги крупных держав-учредителей ЕС, но мы хотели бы, чтобы голоса малых и средних стран тоже были услышаны. Польша последовательно отстаивает идею воплощения в жизнь положений договора, заключенного в Ницце, и чрезвычайно огорчен тот факт, что в этом деле у нас все больше союзников. Я верю, что рано или поздно мы придем к компромиссу, который будет учитывать национальные интересы всех участников. Ведь умение находить консенсус является одной из главных отличительных черт Евросоюза.

Одновременно Польша выступает борником самого тесного трансатлантического сотрудничества. Мы решительно отвергаем такую постановку вопроса, при которой предлагается выбрать, кто нам ближе — Америка или наши западноевропейские парт-

неры; кому отдать предпочтение — Европе или Соединенным Штатам. Польша «пришвартована» в трансатлантической зоне, там же, где находятся Америка, Франция, Германия, Великобритания и где в нас, поляках, видят серьезных, предсказуемых и ответственных партнеров.

Отношения Польши с Соединенными Штатами строятся на солидном историческом фундаменте. Более 10 миллионов американцев имеют польские корни, а это значит, что между нами существует прочная эмоциональная связь. Америка помогла Польше в самое трудное время, когда нашу страну стерли с карты Европы. Позиция, занятая в начале XX века президентом США Вудро Вильсоном, помогла нам вновь обрести независимость. И в последние десятилетия Соединенные Штаты решительно поддерживали стремление Варшавы к полному суверенитету.

Соединенные Штаты — не противник Европе в ее стремлении к единству, так же как Европа не является и не может быть соперником Америке. Нас слишком многое объединяет, чтобы проводить близорукую политику, наносящую ущерб международному согласию. Только совместными усилиями Северной Америки и Европы возможно создание системы безопасности, способной противостоять угрозам XXI века, таким, как терроризм и распространение оружия массового поражения.

Польша готова внести свою лепту в

создание атмосферы исключительно доброжелательных отношений между Европейским союзом и Соединенными Штатами. Ее политика со всей определенностью будет направлена на укрепление трансатлантической солидарности.

Всех интересует, какой будет Европа, например, через 25 лет, сколь далеко пойдет расширение Европейского союза, будет ли Европа играть ключевую роль в мировой политике или же сосредоточится на собственном развитии. Не хотелось бы заниматься гаданием, ибо многие увлекательные концепции футурологов не прошли проверку временем и были сданы в архив. Однако нежелание попасть впросак не освобождает нас от обязанности строить планы на европейское будущее.

В связи с расширением ЕС всем государствам — членам Евросоюза придется дать ответ на вопрос, в каком направлении двигаться. Начало активной дискуссии на эту тему было положено недавно на конференции в Риме, где обсуждался проект европейской Конституции и реформы внутренних структур ЕС. Мы находимся в процессе постоянного поиска концепции нашей коллективной безопасности, общеевропейской внешней и оборонной политики. Европе еще предстоит решить, какую часть ответственности за судьбы мира она готова взять на себя, чтобы ее политическая роль соответствовала экономическому потенциалу и устремлени-

ям входящих в нее стран. Ей также предстоит найти ответ на один из главных вопросов: что сделать, чтобы Европа не только превратилась в фактор международной стабильности, но и стала «экспортером» таких ценностей, как безопасность, устойчивое развитие, соблюдение прав человека и толерантность?

Не избежать и открытого обсуждения границ будущего расширения Европейского союза. Иными словами, будет ли Евросоюз строго ограничен географическими рамками, или же он станет открытым сообществом, входным билетом в которое является приверженность определенной системе ценностей?

Убежден, что для завершения евростроительства недостаточно достигнуто политического единства или принять через четыре года Румынию и Болгарию. Настоящим успехом проект увенчается лишь тогда, когда в ЕС будут полностью интегрированы Балканы и решится вопрос с Турцией. Впрочем, открытые двери должны оставаться постоянным элементом европейской философии. Надо быть готовыми к тому, чтобы принимать и воспринимать новые государства, народы которых признают критерии и условия членства в ЕС, захотят присоединиться к обширному пространству европейского сотрудничества, развития и безопасности. Если народ России решится сделать такой выбор, то двери, безусловно, должны быть открыты и для него.

Российский
журнал по
вопросам
международной
безопасности

Издается с 1994 г.

Продолжается
подписка на
2004 год

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

Выходит ежеквартально

Журнал ПИР-Центра политических исследований

РЕДАКЦИЯ:

Тел.: (095) 234-0525
Факс: (095) 234-9558
info@pircenter.org

Адрес для писем:
Россия, 123001, Москва,
Трехпрудный пер., д. 9,
стр. 1Б

ПОДПИСКА:

Агентство "Роспечать"
Каталог "Газеты и журналы"
Индекс издания - 79280

ООО "Триалог"

Тел.: (095) 764-9896
Специальное предложение
для читателей журнала
"Россия в глобальной
политике".
Оплата в любом отделении
Сбербанка РФ.

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА 2004 ГОД:

3 000 рублей
(с учетом стоимости доставки)

- Формирование российской внешней политики
- Нераспространение ядерного оружия
- Химическое и биологическое оружие
- Ракеты и ракетные технологии
- Военно-техническое сотрудничество
- Проблемы космоса
- Информационная безопасность
- Энергетическая безопасность
- Нетрадиционные вызовы международной и национальной безопасности
- Различные аспекты терроризма и пути его предотвращения

Темы последних номеров:

"Ближний Восток и атомная проблема"

"Оргпреступность и терроризм: взаимосвязь и взаимодействие"

"Международный рынок ОЯТ"

"ВТС: российско-израильское противостояние"

"Эффективность Конвенции по химическому оружию зависит от России"

"Иран: ракетно-ядерная загадка для России"

"Ядерный Контроль" распространяется на русском и английском языках в Москве и Вашингтоне, Киеве и Тегеране, Минске и Лондоне, Екатеринбурге и Пекине, Сарове и Дели, а также других 93 городах России и мира.

www.pircenter.org/rus/subscription/print/yk.html

Бесконечный передел

От «справедливого перераспределения» — к новой концентрации

Константин Сонин

Общеизвестно, что различные страны с переходной экономикой сталкиваются со сходными проблемами развития. Так, с одной стороны, экономическое развитие невозможно без демократии, поскольку для достижения эффективности крупные экономические агенты должны иметь возможность влиять на экономические институты. С другой, имущественное неравенство в условиях демократии создает спрос на перераспределение собственности, а этот процесс отвлекает ресурсы — и капитальные, и человеческие — от производительной деятельности. В России проблема передела собственности крайне актуальна. В августе 2003-го выяснилось, что три четверти россиян поддерживают идею пересмотра итогов приватизации. В том, что немалая часть населения одобряет возможность перераспределения собственности от богатых к

бедным, нет ничего необычного — подобные настроения есть даже в развитых странах. Но если во многих странах неравенство — это наследие исторического развития, то в России оно имеет иную экономическую природу.

Концентрация наиболее крупных и прибыльных российских предприятий в руках небольшого количества людей является, по сути, не следствием неправильно проведенной приватизации и последующего перераспределения, а естественной реакцией системы на слабость экономических институтов — прежде всего институтов защиты прав собственности. Современные межстрановые исследования показывают, что концентрация собственности повышается в той же мере, в какой ослабляется защищенность прав собственности — особенно тех, что касаются мелких акционеров.

К.Н. Сонин — профессор Российской экономической школы и ведущий экономист Центра экономических и финансовых исследований и разработок (ЦЭФИР).

Если бы сейчас (например, с помощью Генпрокуратуры и последующей новой «честной» приватизации) собственность удалось перераспределить, добившись снижения имущественного неравенства, это было бы временным явлением. Пока суды зависимы, а чиновники коррумпированы — то есть пока права экономических агентов на извлечение прибыли от собственных усилий защищены плохо, — собственность будет концентрироваться в руках небольшого числа физических лиц.

Олигархи и защита прав собственности

В идеальном мире именно богатые стремятся к полной защите прав собственности, поскольку они потеряют больше всех при любом процессе перераспределения — будь то налогообложение с прогрессивной шкалой или просто грабёж на дорогах. (Андерс Аслунд писал в 1995 году, что «основные проблемы — обеспечение независимости предприятий друг от друга (так же, как и от государства) и их ориентация на прибыль; в таких условиях собственники неизбежно будут стараться утвердить свои права собственности».) В начале 1990-х российские реформаторы и их советники так представляли себе создание института защиты прав собственности: сначала собственность раздается в частные руки (не важно как и кому, главное — быстро), а потом новые собственники становятся естест-

венными сторонниками установления режима защищенных прав собственности. В России эта простая схема (собственники — спрос — права собственности) не сработала, во всяком случае пока.

Поскольку у богатых есть преимущество (и в создании частного охранного агентства, и в установлении связей с чиновниками есть отдача от масштаба), у них, как правило, нет стимулов лоббировать формирование эффективных государственных институтов. Попросту говоря, им не нужны ни независимые суды, ни эффективные чиновники — им выгоднее заботиться обо всем самим. Отсюда отсутствие спроса на защиту прав собственности и тем более на Богатые предпочитают усиливать свое политическое влияние, изменяя существующие институты таким образом, что ресурсы (богатство) продолжают перераспределяться в их пользу.

Похожее положение складывалось в различные исторические периоды и не только в России. Например, Андрей Шлейфер и соавторы считают, что, подобно современной России, США в период после промышленной революции представляли собой яркий пример страны, где институты (в данном случае прежде всего суды) были подчинены интересам небольшой группы сверхбогатых предпринимателей.

Однако эффективные экономические институты — прежде всего те, что защищают права собственности — не-

обходимы для устойчивого экономического роста. В первую очередь речь идет о судах, обеспечивающих исполнение контрактов, о регулировании, способствующем развитию бизнеса, и т. п.

Сегодня главными героями возможного передела собственности в России становятся олигархи — крупные предприниматели, пользующиеся большим политическим влиянием и контролирующие значительную часть крупнейших предприятий страны. Олигархи — не чисто российский феномен. В значении, близком к российскому, этот термин употреблялся по отношению к правящей элите в империалистической Японии и семьям, обладающим огромной экономической властью в Латинской Америке и Восточной Азии. Больше половины корпоративных активов в Индонезии и на Филиппинах контролируется десятью крупнейшими семьями (57,7 % и 52,5 % соответственно). Высокая концентрация контроля в руках крупных семей отмечена также в Таиланде (46,2 %) и Гонконге (32,1 %), Корее, Малайзии и Сингапуре (25 %). Здесь, согласно исследованиям, «концентрация корпоративного контроля в руках некоторых семей создает мощные стимулы и возможности для лоббирования правительственных и общественных организаций... например, с помощью торговых барьеров, нерыночного финансирования, выгодных общественных контрактов и т.д. Эта

концентрация замедляет развитие юридических институтов» (*Claessens et al, 2000*).

В настоящее время, по мнению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, «в России нет спроса на равные для всех правила игры, исходящего от олигархов... Спрос на закон исходит от этих олигархов... только когда они видят, что их связи в Кремле ослабевают». Имея огромное накопленное богатство и политическую власть, олигархи не только не поддерживали, а зачастую и эффективно блокировали попытки усилить защиту прав собственности. Даже сейчас, несмотря на сильное давление на крупный российский бизнес в целом, бизнесмены не торопятся защищать права собственности для всех.

Имущественное неравенство всегда влечет за собой значительные экономические издержки в первую очередь потому, что ведет к неравенству возможностей и производственный капитал слишком часто оказывается не в тех руках, в которых он мог бы принести наибольшую прибыль.

Снижение спроса на институты защиты прав собственности, как показывает пример олигархов, является дополнительным отрицательным эффектом неравенства. Этот эффект особенно силен, когда экономическое неравенство сопровождается неравенством политическим — то есть опять-таки когда в политике есть отдача от масштаба. Как раз это и наблюдается в России — партии и

структуры партийных финансов таковы, что у граждан нет стимулов делать небольшие пожертвования, а у партийных функционеров нет стимулов их поощрять и собирать. Для сравнения: в избирательном цикле 1999–2000 годов в США пожертвования отдельных граждан составили 80 % от всех средств, полученных кандидатами и партийными комитетами (включая федеральные избирательные фонды и все виды пожертвований). Средняя величина пожертвования – 115 долларов.

Перераспределение природной ренты: плюсы и минусы

Помимо перераспределения собственности, в экономической политике есть и другие методы, которые на первый взгляд заметно уменьшают неравенство. Это, в частности, изъятие природной ренты.

С точки зрения чистой экономической теории в изъятии природной ренты, например в более высоких экспортных пошлинах на нефть, нет ничего плохого. Напротив, существует немало аргументов в пользу того, что налоговую нагрузку нужно перенести именно на добывающий сектор. Дополнительные деньги, появляющиеся у нефтяных компаний в связи с повышением мировых цен на нефть, – наиболее подходящий объект для перераспределения, поскольку их изъятие не влияет на стимулы производителя. Иными словами, если забирать у производителя углево-

дородного сырья вдвое большую сумму в виде налогов, то принимаемые им экономические решения – о добыче, ценовой политике, снижении издержек – должны оставаться неизменными. (Конечно, только до тех пор, пока само присутствие на рынке не станет невыгодным – например, в силу возросших альтернативных издержек.) Такие налоги называются неискажающими.

Кроме того, перенос налогового бремени на сырьевой сектор может помочь в борьбе с «голландской болезнью»: ситуацией, когда, к примеру, нефтяной сектор, дающий больше прибыли, чем остальные, привлекает и львиную долю инвестиций. Более того, пропадает потребность производить торгуемые товары – их можно просто импортировать. Следовательно, кроме сырьевого сектора, в экономике будет развиваться только сектор услуг. Само по себе это еще не трагедия: что плохого в том, что государству нет нужды производить собственные товары для торговли, если их можно купить за границей на вырученные от экспорта сырья доходы? Неэффективность появляется из-за того, что сектор торгуемых товаров – то есть тех товаров, которые конкурируют с зарубежными аналогами на рынке – создает спрос на высокие технологии и образование. Поскольку современный экономический рост прежде всего связан именно с инновациями, то ограничение сфе-

ры инвестиций добывающим и неторгуемым секторами приводит к более низким темпам роста, нежели те, что обеспечиваются инвестициями в сектор высокотехнологических торгуемых товаров. Лечить болезнь можно только корректирующим налогообложением: более низкие налоги в несырьевом секторе будут стимулировать инвестиции в него. Несмотря на все аргументы в пользу изъятия ренты, этот вид перераспределения, так же, как и передел собственности, не приведет к положительным результатам. Данные Всемирного банка показывают, что страны, существенная часть ВВП которых была связана с нефтью и изъятием природной ренты, стагнировали даже в период высоких цен на нефть. В нефтедобывающих странах — Эквадоре, Мексике, Венесуэле, Нигерии, Ливии, Ираке, Иране, Кувейте — подушевой ВВП упал в период между 1965 и 1998 годами. Справедливость утверждения о «проклятии богатства» подтверждается рядом систематических исследований, анализирующих данные по большому числу стран второй половины XX века. Средний спад подушевого ВВП для стран ОПЕК за последние 30 лет составил около 1,3 % в год. Конечно, правило «Большая природная рента ведет к низким темпам роста» вовсе не универсально. Например, наиболее быстрорастущие экономики Африки — Ботсвана и ЮАР — имеют (и активно используют)

большие запасы природных ресурсов. Однако активное вмешательство государства, пусть и с благой целью лечения сырьевой зависимости, как правило, усиливает структурные перекосы. Теоретически роль государства может быть позитивной в случае «провала рынка» — неспособности независимых экономических агентов учитывать внешний эффект их действий. В этом случае государство могло бы оказать положительное воздействие, перенаправляя инвестиции. Тем не менее опыт развивающихся стран показывает, что как раз государственные инвестиции и, в более широком смысле, инвестиции, направляемые государством, особенно неэффективны в странах, богатых природными ресурсами. Например, в Нигерии в 1965 — 1998 годах физический капитал рос с темпом, превышающим 6 % в год, в то время как темпы роста подушевого ВВП составляли около 1 % в год. Рост физического капитала обеспечивался в основном государственными инвестициями. Экономисты хорошо знают, как выглядит борьба за ренту. В теории она всегда происходит между двумя или несколькими частными фирмами, которые затрачивают средства на борьбу за какой-то «приз» — например, лоббируют введение импортных пошлин. Будучи перераспределительной, а не производительной деятельностью, борьба за ренту экономически неэффективна. Кроме того, каждый рубль, вложенный в

борьбу за ренту одним из участников, заставляет остальных участников вкладывать в эту борьбу еще больше — ведь с увеличением затрат соперника собственная предельная отдача от вложенных средств повышается. При этом размер «приза» остается неизменным. Подобная же неэффективность проявляется в том случае, когда одной из сторон в борьбе за ренту становятся политики, представляющие, возможно, не только свои собственные интересы, но и интересы населения в целом. Таким образом, перераспределение природной ренты сопряжено с двумя серьезными затруднениями. Во-первых, даже если дополнительную ренту удастся изъять без особых потерь, сам по себе факт наличия дополнительных денег в бюджете может оказаться проблемой. И во-вторых, изъятие дополнительной природной ренты, каким бы простым делом оно ни казалось в случае нефти, весьма затратно для экономики, так как заставляет тех, кто эту ренту контролирует в настоящий момент, инвестировать большие ресурсы в защиту ренты, а не в производство.

Невозможный договор

Одной из основных причин бесконечного передела является «базовая невозможность политики» — невозможность заключения контрактов между государством и его отдельными гражданами.

Взаимоотношения между олигархами

и политиками таковы, что в перераспределительной игре невозможно договориться. Не исключено, что многие богатые люди в России — победители приватизационной и перераспределительной гонки последнего десятилетия — согласились бы заплатить значительную долю своего богатства за гарантии сохранения остальной части. К сожалению, такие гарантии не получить. Нет такого суда, который обеспечил бы исполнение контракта между бизнесменом и политиком — не говоря уже о контракте между бизнесом и государством. Например, парламент может принять конституционный закон: если олигарх сейчас отдаст три миллиарда долларов, то больше к нему никогда не будет вопросов, связанных с приватизацией. Однако ничто не мешает парламенту завтра принять другой закон: нет, нужно доплатить еще. При этом положение олигарха, которому предъявят новые требования, будет хуже прежнего: ведь у него теперь на три миллиарда долларов меньше (и значит, меньше адвокатов, телохранителей, дружественных журналистов и чиновников). Не помогут и никакие законы о сроках давности — что, собственно, мешает новому парламенту изменить и их? В 1917 году Демидовых и Мамонтовых не спас тот факт, что поколения их предков владели чем-то на совершенно законном основании. Невозможно заключить (из-за невозможности поддерживать) и более

конкретные договоренности между бизнесменами и политиками, например: «Мы вам — ограничение коррупции и избыточного регулирования, а вы нам — налоги в полном объеме». Действительно, политик может снизить налоги сейчас, но не может пообещать не повышать их впоследствии. Поэтому бизнесмен боится выйти из тени: даже если ему клятвенно обязуются завтра не увеличивать налоги, где тот суд, который назовет нарушившего обещание?

Теория конфликтов знает немало примеров того, что войны — как между странами, так и между политиками с одной стороны и бизнесменами с другой — начинаются зачастую гораздо раньше, чем исчерпываются возможности их разрешения путем трансферта части спорного ресурса от слабой стороны к сильной. Современная теория объясняет это следующим образом: слабая сторона — потенциальная жертва агрессии — может начать войну вместо того, чтобы исполнить какие-то требования сильной стороны. Она понимает, что если покорится, то станет еще слабее, а противник — еще сильнее, и в следующий раз придется удовлетворять еще более жесткие требования.

В этом смысле оптимальной является устойчивая ситуация, при которой силы бизнесменов и политиков распределены так, что ни одна из сторон не только не имеет возможности отнять что-либо у другой, но

и не может сместить баланс сил в свою пользу. Проблема исполнения политических контрактов остро стоит даже в развитых демократиях, и существует не так уж много механизмов, позволяющих обеспечить подобную устойчивость. Так, правительства, как правило, менее охотно экспроприируют иностранных инвесторов, чем местных, поэтому поощрение продажи пакетов акций стратегическим партнерам из-за рубежа — пример такого механизма. Устойчивость обеспечивается и за счет стратегического отказа государства от тех или иных полномочий.

Важная проблема любых переговоров — взаимное недоверие сторон. Дело даже не в невыполнении обещаний, а в том, что способность стороны связать себя обязательствами по приведению в действие той или иной угрозы заметно увеличивает ее переговорную силу. До тех пор пока одна сторона не продемонстрирует достоверность своей угрозы, у другой стороны не появится стимулов делать то, что от нее требуется. Согласно теории «затратного сигналирования», за которую Майкл Спенс получил Нобелевскую премию, у партнеров по переговорам нет стимулов верить сигналам — обещаниям и угрозам — другой стороны, если они не знают, что последняя тратит на тот или иной сигнал определенные реальные средства. При этом чем больше «сигнализирующая» сторона заинтересована в

том, чтобы ей поверили, тем выше должны быть ее затраты на этот сигнал. Существенно и то, чтобы сторона — получатель сигнала знала о затратах на него.

Потерянные инвестиции

К сожалению, нет положительных примеров перераспределения акционерной собственности в рамках государственных реформ.

Так, многие латиноамериканские страны, где ставился вопрос о перераспределении земли (соответственно, неравенство выражалось в первую очередь в имущественном неравенстве, а не в неравенстве доходов), оказались в XX веке втянуты в бесконечный круговорот. Бедные оказывают политическое давление на элиту, происходит демократизация (а иногда и революция), большее число людей получает право голоса, проводятся перераспределительные реформы — и бедные получают землю. После этого богатые (бывшая элита) совершают очередной переворот — как правило, с активным участием военных, но вовсе не обязательно кровопролитный. Собственность перераспределяется обратно, зачастую к прежним владельцам. Через некоторое время политическое давление заставляет богатую элиту проводить демократические выборы, на них побеждает левый политик-популист — и цикл начинается заново. Так, в Аргентине в 1912 году прошли первые выборы,

на которых все мужчины впервые получили право голоса, а затем в 1930-м — военный переворот, в 1946-м — выборы, в 1955-м — переворот, в 1973-м — снова выборы, в 1976-м — переворот; с 1983 года и до сих пор — демократия. Заметим в скобках, что за прошедшие полвека экономический рост в стране, подушевой ВВП которой в 1946 году составлял 80 % от уровня США, практически прекратился.

После военных переворотов в Венесуэле в 1948 году, в Гватемале в 1954-м и в Чили 1973-м значительная часть земли, только что перераспределенной в рамках земельной реформы, возвращалась к бывшим владельцам. Военному перевороту 1954 года в Гватемале предшествовала аграрная реформа 1952-го, перевороту 1964 года в Бразилии — план аграрной реформы, продвигавшийся демократически избранным президентом.

В большинстве случаев перераспределение — и от богатых к бедным в ходе земельной реформы, проводимой популистским правительством, и от бедных к богатым после военного переворота — осуществлялось в Латинской Америке в периоды экономического спада. В этом смысле нынешняя вспышка активности власти в России необычна: российская экономика, напротив, растет высокими темпами. Однако в условиях угрозы перераспределения богатые будут вынуждены тратить огромные средства для поддержания своей по-

литической власти. Все эти средства — потерянные инвестиции, ведь и перераспределительная деятельность власти, и борьба с ней по определению ничего не добавляют к ВВП.

Между тем для олигархов экономический рост имеет весьма существенное значение, так как он в значительной мере оберегает их от вопросов по поводу легитимности их собственности, которые им могли бы задать избиратели. Иными словами, никто не обращает внимания на гостей, съевших львиную долю пирога, до тех пор, пока пирог увеличивается в размерах.

Чем олигархи могут помочь экономическому росту? Прежде всего уменьшением затрат на перераспределительную (в противовес производительной) деятельность — на коррумпирование судей, укрепление связей с чиновниками и политиками. Здесь снова остро встает проблема координации. Отдельно взятому олигарху, возможно, было бы выгодней больше инвестировать в расширение производства и меньше — в защиту собственных прав собственности, но это позволит конкурентам получать больше от перераспределения, что, в свою очередь, сделает производство менее выгодным. Сейчас бывшие олигархические

группы делают прозрачной структуру собственности их компаний — в частности, под давлением необходимости выхода на мировые рынки капитала и продукции. В любом случае это свидетельствует о возрастающем желании олигархов уважать права собственности других. И если в экономике прошлого десятилетия важнее всего был контроль над финансовыми потоками, то сейчас права собственности играют все большую роль. Большая открытость и улучшение корпоративного управления приводят к росту капитализации. Итак, несмотря на то, что исключительно неравномерное распределение богатства — во многом результат последнего десятилетия — негативно сказывается на экономическом развитии России, насильственное перераспределение, как бы оно ни проводилось и чем бы ни мотивировалось, не принесет пользы. Попытки сгладить неравенство с помощью пересмотра результатов приватизации крупных предприятий или попыток полного изъятия природной ренты не приведут к успеху — в лучшем случае Россия окажется втянутой в бесконечный цикл переделов собственности и ее последующей концентрации. А об экономическом росте на это время придется, естественно, забыть.

Мировое устройство

“ История свидетельствует: большинство людей, не отличающихся особой безнравственностью, все же можно убедить в том, что зло — это вовсе не зло, а нечто совсем другое. Чем дольше существует иллюзорное представление о зле как о чем-то оправданном, тем труднее будет его развенчать ”

Сотрудничать, бомбить или угрожать? *Мадлен Олбрайт*

32

Стратегическая стабильность в эпоху глобализации

Юрий Балуевский

53

Коллективные стенания и имперское искушение *Томас Эксуорси*

64

Международная финансовая система: конец единовластию

Ольга Буторина

72

Сотрудничать, бомбить или угрожать?

Мадлен Олбрайт

ОДНО ИЗ ДВУХ

«Сегодня каждое государство, где бы оно ни находилось, должно принять решение. Либо вы с нами, либо с террористами».

«Сейчас в мире есть только две силы. Одна из них — Америка, деспот и тиран. Другая — это воин, еще не пробудившийся ото сна. Имя ему — ислам».

«Не стоит заблуждаться на сей счет: совершенно ясно, что речь идет о выборе между двумя воззрениями на мироустройство».

Думаю, подавляющее большинство читателей безошибочно определили принадлежность первой из приведенных цитат: это выдержка из речи, произнесенной президентом Джорджем Бушем-младшим вскоре после терактов 11 сентября 2001 года. Что касается второго высказывания, то точно так же мало кто удивится, узнав, что такие слова произнес имам Муайд аль-Убайди, суннитский священник из Багдада. А вот установить происхождение третьей фразы, вероятно, будет сложнее. На самом деле ее автор — министр иностранных дел Франции Доминик де Вильпен, он дал характеристику двум непохожим воззрениям на мироустройство, которых ныне придерживаются Вашингтон и Париж. Это должно послужить нам напоминанием: не все согласны с США по поводу того, где проходят линии водораздела в мире.

Мадлен Олбрайт — государственный секретарь США с 1997 по 2001 год. Готовится к печати ее книга *«Madam Secretary: a Memoir»* («Госпожа госсекретарь: автобиография»). Данная статья была опубликована в журнале *Foreign Affairs* № 5 (сентябрь/октябрь) за 2003 год. © 2003 *Council on Foreign Relations, Inc.*

Центральное звено политики национальной безопасности – это выдвижение альтернатив. Со времен Второй мировой войны ни одно государство не оказывало большего влияния на выявление этих альтернативных путей, чем США. Однако сегодня администрация Буша стремится поставить «каждое государство, где бы оно ни находилось» перед новым фундаментальным выбором. Вслед за Вашингтоном той же целью задались и непримиримые противники США, страстно желающие выдать себя за главных мстителей Соединенным Штатам. Между тем весь остальной мир считает стоящий перед ним выбор весьма непростым.

Для президента Буша события 11 сентября стали откровением. Он с изумлением сделал для себя вывод: мир изменился настолько, что серьезной угрозе отныне подвергается не только безопасность, но и само существование Соединенных Штатов. Следствием этого стало вскоре принятие рокового решения о принципиальном отходе от внешнеполитической линии, которой Вашингтон придерживался более полувека. На смену девизу «Доверимся альянсу» пришел другой: «Спасемся упреждением». Значение силового удара перевесило важность непростых дипломатических усилий, а давно сложившиеся отношения подверглись пересмотру.

Производя эти изменения, Джордж Буш-младший откровенно пренебрег советом одного из старейшин политической сцены, предупредившего о том, что «последняя неожиданная террористическая атака [должна] развенчать распространенное в некоторых кругах убеждение, будто США могут каким-то образом в одностороннем порядке преуспеть в борьбе с терроризмом или в любой другой сфере». Это слова Джорджа Буша-старшего, 41-го президента Соединенных Штатов. А его сын, 43-й хозяин Белого дома, незадолго до начала войны с Ираком поделился с общественностью собственными видами на будущее: «Возможно, в какой-то момент по эту сторону останемся только мы. Но меня это не смущает. Ведь мы – американцы».

Уверовав в очевидную правильность своего понимания смысла событий 11 сентября, администрация Буша-младшего не приложила сколько-нибудь последовательных усилий к тому, чтобы убедить в своей правоте весь остальной мир. В результате мир не разделил точку зрения США. Несомненно, большинство не согласно с Бушем в том, что после 11 сентября «все изменилось». Это не значит, что международное сообщество осталось равнодушным к сентябрь-

ской трагедии. Напротив, НАТО впервые в своей истории объявила это преступление актом агрессии по отношению ко всему альянсу. Почти все мусульманские страны, включая Иран и Палестинскую автономию, осудили действия террористов. Союзники США по всему миру – от Канады до Японии и Австралии – поспешили поддержать или усилить американскую военную кампанию против «Аль-Каиды» и движения «Талибан» в Афганистане. Пакистан должным образом был поставлен перед жестким выбором и предпочел сотрудничество с Америкой. Даже Китай и Россия, осаждаемые мусульманскими сепаратистами, заявили о солидарности с США. На протяжении многих месяцев после 11 сентября сохранялось впечатление, что администрации Буша удастся использовать эти настроения и сплотить весь мир перед лицом общей угрозы.

Первые шаги президента были вполне разумны. Он особо подчеркнул, что в результате теракта в ВТЦ погибли представители многих национальностей, и заручился широкой поддержкой военной операции, острие которой было направлено против злоумышленников. Талибские покровители «Аль-Каиды» лишились власти, лагеря по подготовке террористов были уничтожены, тайные склады оружия захвачены, а многие лидеры «Аль-Каиды» арестованы или убиты. Но вместо того чтобы развивать успех целенаправленно, администрация Буша все больше усложняет и расширяет поставленную перед собой задачу.

Так, в 2002 году в ежегодном послании Конгрессу президент Буш сосредоточил внимание не на «Аль-Каиде» и работе, которую нужно еще проделать в Афганистане, а на так называемой «оси зла». Позднее, в том же 2002-м, в его публичных высказываниях подчеркивалась не столько значимость формирования антитеррористической коалиции, сколько одностороннее стремление к поддержанию военного могущества США. По словам Джорджа Буша, американская военная мощь должна достичь «настолько высокого уровня, дабы гонка вооружений, характерная для прошлых эпох, потеряла всякий смысл». Затем американский президент обратился к Конгрессу за получением полномочий на исследования по новым применениям ядерного оружия. В результате в мире сложилось впечатление, что Буш намерен снизить порог нанесения ядерных ударов, – и это несмотря на огромное превосходство Америки в области обычных вооружений и на то, что распространение оружия массового уничтожения представляет угрозу ее же собственной безопасности.

Опубликовав в сентябре 2002 года Стратегию национальной безопасности, администрация продемонстрировала готовность пойти еще дальше. Тактика упреждающей самозащиты — средство, негласно приберегаемое каждым президентом на черный день, — превратилась в краеугольный камень политики национальной безопасности. Однако риск состоял в том, что этот жест мог легко быть истолкован превратно. (Неужели мы действительно стремимся жить в таком мире, в котором каждая страна считает себя вправе нанести удар по любому другому государству, которое когда-нибудь, возможно, будет угрожать ее безопасности?) А когда дело все же доходило до обсуждения необходимости преследования «Аль-Каиды», Джордж Буш стремился представить это не столько как глобальную борьбу против глобальной угрозы, сколько как попытку предать террористов «американскому правосудию» — как будто одного только правосудия в данном случае было недостаточно.

Наконец, в 2003-м Вашингтон снова попытался заручиться поддержкой мирового сообщества, но на этот раз речь шла не о борьбе с «Аль-Каидой», а о войне с Ираком. Чтобы оправдать свое стремление избавиться от Саддама Хусейна, администрация Буша обвинила его режим в связях с «Аль-Каидой», представив их двумя взаимодополняющими частями одной и той же угрозы мирному существованию. Официальные представители Вашингтона заявили, что Америка окажет противодействие подобным угрозам, когда бы и где бы ни возникла в этом необходимость, невзирая на международные законы, вопреки сомнениям союзников и возмущению тех, у кого действия США вызовут непонимание. У Америки, сказал президент, был лишь один выбор — начать войну, чтобы не позволить ее врагам еще больше вооружиться и окрепнуть. Поэтому решение Соединенных Штатов начать войну против Ирака оказалось своевременным, несмотря на то, что лишь четыре члена Совета Безопасности ООН вняли убеждениям поддержать военные действия.

НИ ТО НИ ДРУГОЕ

Многие обозреватели рассматривают политику администрации Буша как выдающееся проявление твердости духа в борьбе с угрозами американскому народу. Я тоже с радостью могла бы присоединиться к восторженному хору, но только в том случае, если бы такая политика действительно обеспечивала более эффективную защиту американских граждан.

К сожалению, это не так. Более того, я по-прежнему убеждена, что если бы президентом США был избран Альберт Гор, а трагедия 11 сентября все же произошла, то военную операцию в Афганистане Америка и НАТО провели бы совместными усилиями. По окончании войны их контингенты были бы размещены на всей территории Афганистана и оставались бы там для восстановления страны. В конце концов, демократы ведь признают необходимость оказания поддержки идее государственного строительства и считают, что начатое нужно доводить до конца. Я также убеждена, что США и НАТО сообща продолжали бы противостоять «Аль-Каиде» и не стали бы делать вид (им, конечно же, не позволили бы лукавить), будто имеющие место неудачные попытки поймать Усаму бен Ладена не такая уж серьезная проблема. Что касается Саддама, то, по-моему, команда Гора сделала бы иные выводы из разведанных о деятельности иракского лидера и пришла бы к заключению, что война с Ираком хотя и допустима, но не является в краткосрочной перспективе основным средством обеспечения безопасности США. Ограничиться можно было бы проведением политики сдерживания, при этом преступники, от рук которых погибли тысячи людей на территории Америки, неизбежно подверглись бы преследованию.

Решение администрации Буша сосредоточить усилия не на борьбе с «Аль-Каидой», а на вторжении в Ирак и угрозах применить военную силу по отношению к другим странам имело непредвиденные и весьма плачевные последствия. По итогам майского опроса, проведенного *Pew Global Attitudes Project* среди 16 тысяч респондентов в 20 странах мира и на палестинских территориях, число людей, положительно отзывавшихся о США, резко сократилось (на 15 процентов и более) в таких государствах, как Бразилия, Германия, Иордания, Нигерия, Россия, Турция и Франция. В период с 2000 по 2003 год в Индонезии, самой многонаселенной мусульманской стране, показатель отношения к США кардинально изменился: с 75 процентов жителей, настроенных по отношению к Америке положительно, до 83 процентов относящихся к ней отрицательно. Число одобряющих объявленную Америкой войну с террором сократилось в каждой из упомянутых стран, а, что особенно показательно, в Пакистане оно упало до унылых 20 процентов. Граждане стран-членов НАТО: Великобритании, Германии, Италии и Франции — оценили Путина как мирового лидера выше, нежели Буша. Значительное большинство респондентов и в России, и в семи из восьми

стран с преобладающим мусульманским населением (исключением был только Кувейт) заявили, что их в разной степени или очень сильно беспокоит потенциальная военная угроза со стороны США. Я никогда не думала, что придет день, когда Америку будут бояться те, кому у нее нет ни причин, ни намерения причинить какой-либо вред.

После смещения Саддама мир (или, по крайней мере, Ирак) действительно стал лучше. Но когда Соединенные Штаты вкладывают десятки миллиардов долларов в некий стоящий проект, подобный результат — минимум того, чего следовало бы добиться. Но более важен прогресс в продвижении многонациональной, мультикультурной, многоаспектной, долгосрочной инициативы, необходимой для развенчания, раздробления и разоружения «Аль-Каиды» и любых других террористических группировок, которые со временем могут от нее отпочковаться. Подобная инициатива потребует максимальной координации действий в глобальном масштабе, объединения усилий на дипломатическом, разведывательном, законодательном и военном уровнях. Также потребуются тесное сотрудничество в тех регионах, где процветает радикализм и не преобладают прозападные настроения. И прежде всего необходимо, чтобы активную ведущую роль в этом вопросе взяли на себя умеренные исламские политики, которые должны одержать верх в борьбе за влияние в своей религии. К несчастью, война с Ираком и последующая американская оккупация Багдада — столицы мусульманской веры в золотую эпоху ислама — усложнили проблему выбора как для умеренных исламистов, так и для остальных членов мирового сообщества.

Беда в том, что президент Буш изменил первоначальную постановку вопроса. Он уже не просто требует бороться с «Аль-Каидой», а требует теперь и бороться с «Аль-Каидой», и поддержать вторжение в арабскую страну, и одобрить доктрину упреждающего удара — всё в едином пакете. Перед лицом такого выбора многие стойкие противники «Аль-Каиды» все же пришли к заключению, что с Америкой им не по пути. Точно так же некоторые иракцы дают понять, что они находятся в оппозиции и к Саддаму, и к тем, кто освободил их от его диктата.

То, что подобные настроения широко распространены в арабском мире, пожалуй, неудивительно. Более примечательно, что они постепенно захватывают и многие европейские страны. В ходе своей предвыборной кампании президент Буш обещал «объединять,

а не разобщать», но, как свидетельствуют цифры, его политика оказала довольно сильное разобщающее действие на ближайших друзей Америки. Причем проявилось оно еще до терактов 11 сентября вследствие пренебрежительного отношения президентской администрации к таким международным инициативам, как Киотский протокол об изменении климата. Это разобщение существенно обострилось в ходе подготовки ко второй войне в Заливе, а на сегодняшний день можно говорить лишь о незначительном смягчении разногласий. Трансатлантические трения, конечно, не новость, но беспокойство Европы по поводу притязаний Америки вкупе с тем, что Вашингтон сомневается в решимости европейских государств, подготовили почву для длительного и опасного разрыва.

Некоторые комментаторы пытались найти объяснение негативному отношению европейцев к войне в их рабской приверженности многосторонним организациям, в ощущении относительной беспомощности или просто в чувстве зависти к Америке. К сожалению,

Соединенным Штатам давно пора начать относиться к европейцам как к взрослым.

аналитики не учли одного: возможно, дело в том, что аргументы США просто-напросто были недостаточно убедительны. Лично я считала войну вполне оправданной, поскольку Саддам на протяжении де-

сятилетия отказывался соблюдать резолюции Совета Безопасности относительно оружия массового уничтожения. Но заявления администрации о том, что Хусейн представляет непосредственную угрозу и предположительно связан с «Аль-Каидой», были плохо обоснованы. К тому же противники войны не получили достаточно квалифицированных ответов на ряд вопросов, которые они задавали по поводу американских планов послевоенного восстановления Ирака и возможности того, что эта война на самом деле может обернуться повышением привлекательности «Аль-Каиды» в глазах потенциальных членов организации. Поэтому, наверное, не стоит удивляться, что не все сочли войну мудрым шагом. Ведь, в конце концов, это был вопрос выбора, а не необходимости. Вашингтон затеял войну для демонстрации превосходства, а к этому его подтолкнуло ощущение уязвимости, которое большинство европейцев не вполне разделяют.

Нельзя сказать, что вопросы, поднятые европейскими противниками военных действий, оказались банальными или не имели отве-

та. Однако на них надо было отвечать терпением и убедительными уликами вместо предъявления раздутых и бездоказательных обвинений. Заявив о существовании связи между Багдадом и «Аль-Каидой», администрация Буша попыталась поставить знак равенства между неприятием войны в Ираке и малодушием в противостоянии бен Ладену. Эта вопиюще несправедливая тактика способствовала тому, что сегодня простые американцы считают французов и немцев не просто скандалистами, а предателями. Между тем настоящая ошибка противников войны состоит не в малодушии по отношению к «Аль-Каиде», а в том, что за последнее десятилетие они сделали Ираку слишком много послаблений в вопросе соблюдения им резолюций Совета Безопасности. В этом смысле особая ответственность лежит на Франции и России. Ходатайствуя за Ирак, они многие годы поддерживали у Хусейна надежду на то, что он может сеять раздор в Совете Безопасности и добиваться снятия санкций, не предоставляя правдивой информации о своих программах по разработке вооружений.

Лучший ответ Вашингтона критикам смены режима в Ираке состоял в том, что при отсутствии эффективных инспекций со стороны ООН применение военной силы было единственным способом добиться выполнения резолюций СБ. Тем самым упрочилось бы доверие не только к ООН, но и к международному праву. К сожалению, администрация президента не сумела скрыть свое стремление нанести удар по главному инспектору ООН по вооружениям Хансу Бликсу и его коллегам и создала своей доктрине упреждающих действий репутацию альтернативы международной законности. В результате большая часть мирового сообщества восприняла вторжение в Ирак не как способ силой добиться выполнения уже существующих правил, а как освящение нового свода правил, составленных и применяемых исключительно Америкой.

А ведь все должно было быть совсем по-другому. По окончании Второй мировой войны США, как и сегодня, оказались на вершине могущества и точно так же столкнулись с новыми, беспрецедентными угрозами. И все же Трумэн и его коллеги не сочли излишним сесть за стол переговоров с представителями менее могущественных держав и до мелочей обсудить с ними правила новой игры на международной арене. Нынешняя администрация, напротив, повела себя так, как будто ей безразлично мнение других стран, чем вызвала сильную неприязнь со стороны мирового сообщества.

Как я уже говорила выше, ответственность за трансатлантический раскол несет не только администрация Буша. Франция, безусловно, тоже не поспособствовала сближению, заявив, к примеру, что основной целью объединения Европы должно стать создание противовеса американской мощи. Таков выбор де Вильпена между «двумя воззрениями на мироустройство» (то есть, как он считает, между однополярным миром, в котором США выступают в роли ничем не сдерживаемого гегемона, и многополярным, где влияние США уравновешено и сбалансировано другими силами, главным образом объединенной Европой). Но ведь это просто смехотворно. Мысль о том, что могущество Вашингтона не способствует укреплению и защите европейских демократий, а, наоборот, представляет для них угрозу, иначе как глупостью просто не назовешь. Американская мощь, возможно, и задевает национальную гордость французов, но она же способствовала разгрому Гитлера, спасению подвергнутого блокаде Западного Берлина, поражению коммунизма и избавлению Югославии от преступного режима Слободана Милошевича.

Разногласия, возникшие между Соединенными Штатами и многими европейскими странами, можно и нужно смягчить. В этом смысле задача европейцев — не поддаваться страстям, нагнетаемым Францией по поводу роста американского могущества, и видеть происходящее в перспективе. Вашингтон по-прежнему верен своим принципам, и американцы с помощью госсекретаря Колина Пауэлла и других приверженцев здравого смысла не позволят администрации зайти слишком далеко.

И тем не менее перед Вашингтоном стоит задача сформулировать альтернативу, которую большинство европейцев могли бы принять без ущерба собственному достоинству (даже если Франция будет чем-то недовольна). Чтобы выполнить эту миссию, необходимо использовать НАТО в Афганистане (спустя два года после событий 11 сентября альянсу наконец отведена там определенная роль) и в Ираке, где прикрытие со стороны НАТО обеспечит поддержку американским солдатам, находящимся в трудном положении. Администрация Буша должна приветствовать усилия европейцев по наращиванию способности независимого и быстрого реагирования, особенно на случай проведения миротворческих операций и возникновения гуманитарных кризисов. Если европейцы выполняют какие-то важные функции (как, например, Германия и Турция в Афгани-

стане в прошлом году), это достойно восхищения, даже несмотря на разногласия по менее фундаментальным вопросам. Более того, необходимо, чтобы Америка предложила — а не приказала — Европе совместно поработать над решением самых сложных проблем, включая и те, что связаны с иранской ядерной программой. Но прежде всего, наверное, пора начать относиться к европейцам как к взрослым. И если они в чем-то не согласны с американской политикой, их мнение следует рассматривать со всей серьезностью, не пренебрегая им как признаком слабости (или «старости» Европы), не приравнивая инакомыслие к предательству. Вашингтону следует вспомнить, что «союзник» и «сателлит» — это совершенно разные понятия.

КАК ОЦЕНИВАТЬ УСПЕХИ США В ИРАКЕ

Возможно, одной из причин практического отсутствия у нынешней администрации интереса к мнению других стран является ее твердая вера в силу своих представлений. В марте прошлого года Буш заявил, что война с Ираком станет решающим и первым шагом на пути к реформированию всего Ближнего Востока. По логике президента, демонстрация решимости Вашингтона должна была заставить трепетать террористов и тех, кто их спонсирует и укрывает. «Как только Саддам Хусейн будет разоружен, уменьшится угроза терроризма как для Америки, так и для остального мира», — считал Буш. По его прогнозам, строительство демократического Ирака, которое планировалось осуществить при поддержке незначительного контингента американских войск за относительно короткий период, должно было стать назидательным примером для недемократических арабских правительств и полезным образцом для потенциального нового палестинского государства. Буш верил: лишившись средств, которые иракское правительство выплачивало семьям смертников, антиизраильские террористические организации в скором времени будут вынуждены свернуть производство своих бомб, что создаст условия для начала серьезных мирных переговоров. Падение режима Саддама Хусейна, по замыслу Белого дома, также могло послужить хорошим уроком для предполагаемых распространителей ОМУ — как в далекой Северной Корее, так и в соседнем Иране.

Вероятность того, что это предвидение воплотится в жизнь, можно оценивать по-разному, но ему не откажешь в размахе и благих намерениях. Не правы те, кто думает, будто война в Ираке ве-

лась за нефть. На самом деле это была борьба за место в истории, и она заслуживает того, чтобы ей позволили завершиться. Никто и не ожидал, что все пройдет гладко. Критики вроде меня могут ворчать по поводу трудностей и неудач, но все проблемы отойдут на задний план, если будет дан импульс к созданию по-настоящему демократического и стабильного Ирака, ослаблению «Аль-Каиды», прекращению антиизраильского террора, свертыванию иранских ядерных программ и утверждению в арабских странах ответственных правительств. Таковы критерии успеха, которые с учетом времени и обстоятельств избрала для себя администрация Буша перед началом войны с Ираком. И нынешняя администрация вполне заслуживает, чтобы для достижения этих целей ей был предоставлен разумный срок.

Удастся ли со временем добиться столь положительных результатов, зависит от выбора из целого ряда альтернатив, которые могут быть выстроены с помощью Соединенных Штатов. Основная альтернатива касается законности или незаконности использования террора как средства на пути к политическим переменам.

Для большинства американцев выбор прост. Как сказал президент, человек либо приемлет террор, либо нет; если нет — значит, должны последовать определенные действия. Американцам покажется абсурдом, что порядочные люди могут думать иначе. Но история свидетельствует: большинство людей, не отличающихся особой безнравственностью, все же можно убедить в том, что зло — это вовсе не зло, а нечто совсем другое. Римляне считали разграбление Парфянского царства славной страницей своей истории; ревностные католики находили в испанской инквизиции проявление чистоты веры; отцы-основатели Соединенных Штатов видели в рабовладении экономическую необходимость; этнические чистки для боснийских сербов были справедливой мезтью за прошлые обиды. Даже многие из тех, кто сотрудничал с нацистами или потакал им, были убеждены, что поступают правильно: в конце концов, что может быть более нравственным, чем «мир в наше время»? В 1940 году поэт Арчибалд Маклиш писал: «Убийство перестает считаться аморальным не тогда, когда совершается акт убийства, а тогда, когда кому-то удастся убедить людей в том, что убийство не есть зло. Это может быть лишь следствием извращения сознания. А извращение сознания возможно, только если безмолвствуют те, кто должен встать на его защиту». Сегодня необходимо помнить: чем дольше

существует иллюзорное представление о зле как о чем-то оправданном (независимо от того, что его подпитывает: пропаганда, невежество, осознание выгоды или страх), тем труднее будет его развенчать. Поэтому нам нельзя думать, что все в этом вопросе уже определено. Наша задача — неустанно способствовать тому, чтобы в мире единодушно был признан факт: терроризм в своей основе, целиком и полностью всегда порочен. И здесь не может быть ни исключений, ни оправданий.

В бытность мою госсекретарем я не раз говорила об этом арабским лидерам, однако редко получала от них удовлетворительный ответ. Чаще всего собеседники безоговорочно порицали терроризм, а вслед как бы в скобках отмечали легитимность борьбы за освобождение оккупированных арабских территорий. Иными словами, террор, по их мнению, недопустим, но только не в Израиле и не против Израиля, страны, которая чаще всего и становится мишенью террористов. И по сей день большинство арабов по-прежнему считают, будто, уступая Израилю в силе, палестинцы имеют право бороться с ним всеми доступными средствами. Когда речь заходила о спонсировании терроризма, я получала столь же неадекватные ответы. Я напрямую спросила одного из высокопоставленных политиков Саудовской Аравии о финансировании организации ХАМАС, и он ответил, что ХАМАС заслуживает этих средств, поскольку, в отличие от Ясира Арафата и его правительства, действительно предоставляет социальное обеспечение палестинскому обществу. Что же касается выплат семьям смертников, то они тоже оправданны, но не в качестве приманки или вознаграждения, а просто как акт гуманизма.

А вот отношение консервативно настроенных представителей арабского мира к террористической деятельности «Аль-Каиды» — это уже другой вопрос. Бен Ладен — кобра, набросившаяся на своего хозяина. Преподавание ваххабизма в мечетях Саудовской Аравии, щедро финансируемое королевской семьей, в сочетании с комплексом других факторов (глобализация, рост безработицы и военное присутствие США) привело к возникновению там всемирного очага распространения ненависти. И теперь, к неудовольствию саудовских лидеров, эта ненависть обратилась не только на США и Израиль, но и на них самих. Три взрыва, прогремевшие в мае в Эр-Рияде, унесли жизни 34 человек и, можно надеяться, развеяли остатки давних иллюзий саудовских арабов. С тех пор власти этого государства арестовали более десятка подозреваемых, отправили в от-

ставку сотни радикальных священников и еще около тысячи временно отстранили от работы. Согласно их утверждениям, подписаны постановления, призванные прекратить поток пожертвований в адрес террористических организаций со стороны граждан Саудовской Аравии, проживающих за рубежом. И несмотря на все это, главный редактор ведущей либеральной газеты страны недавно лишился работы. Кому-то показалось, что он предположил существование связи между терроризмом и курсом обучения в радикальных мечетях. Этот случай показывает, что борьба за коллективный разум и сердце саудовских арабов только начинается. Наследный принц Абдалла и его преемники должны не просто осуждать террор и экстремизм, весьма глубоко пустившие корни в местную песчаную почву, а основательно заняться их искоренением.

Однако, даже если руководство Саудовской Аравии в этом и преуспеет, семена террора будут по-прежнему прорастать в других странах. Нельзя сказать, что иракский имам, чье высказывание я привела в начале данной статьи, открыто оправдывал в своей речи тактику террора. Но он использовал терминологию, близкую идеям столкновения цивилизаций, так что Самьюэл Хантингтон начинает выглядеть пророком. Альтернатива, сформулированная президентом Бушем — «с нами или против нас», — была переключена и сшита заново: в итоге ислам превознесен, а мнимое «американское зло» заслонило собой действительное зло, то есть террор. Этот образчик софистики показывает, насколько сложно будет Соединенным Штатам распределить иракцев по категориям желающих или не желающих открыто сотрудничать с Америкой. Иракцам в частности да и арабам вообще нужен некий простор для того, чтобы сделать свой выбор без принуждения со стороны авторитарных лидеров и независимо от предпочтений Соединенных Штатов (при условии, что этот выбор исключает насилие, подразумевает терпимость и не дискриминирует женщин). Осуществить это на практике, должна признать, будет совсем не просто.

И все же основания для надежды есть. С одной стороны, результаты исследования, проведенного *Pew*, действительно показали, что в мире, и особенно на Ближнем Востоке, широко распространено негативное отношение к американской политике. Зато, с другой стороны, согласно тому же исследованию, значительная часть населения в арабских странах с энтузиазмом воспринимает ценности, тесно ассоциируемые с Соединенными Штатами, такие, как свобода

самовыражения, политический плюрализм и равенство перед законом. Сегодня подавляющее большинство населения, в частности, в Иордании, Кувейте и Марокко верит, что демократия западного типа может эффективно работать и в их странах. И поскольку демократия строится снизу вверх и шаг за шагом, у американских лидеров сегодня есть возможность – пусть и рискованная – найти общие ценности с хваленой «арабской улицей», минуя арабские правительства. Так, например, Вашингтон мог бы реже критиковать программы катарской независимой телекомпании «Аль-Джазира» и чаще признавать значимость ее права на свободный выбор, а также активнее поощрять возникновение других средств массовой информации.

Я всегда гордилась внешнеполитической линией администрации Клинтона и понимаю, что демократию нельзя навязать извне. Но сегодня я все же сожалею о том, что недостаточно активно добивалась либерализации арабского мира. Правда, иногда мы все же подталкивали арабские страны на путь демократизации: поддержали инициативу кувейтских лидеров по предоставлению женщинам права голоса, одобрили создание представительных органов в Бахрейне и Иордании. И все-таки мы не считали это своей приоритетной задачей. Ведь, в конце концов, опросы общественного мнения среди жителей арабского мира дают порой пугающие результаты. Одно и то же исследование *Pew* выявило чрезвычайную привлекательность демократии в глазах арабов и в то же время показало, что из всех «мировых лидеров» наибольшим доверием палестинцев пользуется Усама бен Ладен. Кому придет в голову дать людям с подобными взглядами право самим выбирать себе правителей? Ответ прост: нам, и мы должны сделать все возможное, дабы убедиться, что у них это право есть.

Многие годы арабское население получало искаженный сигнал из Вашингтона: якобы Америка выступает за демократию, свободу и права человека везде, кроме Ближнего Востока, и для всех, кроме арабов. Пришло время распрощаться и с подобными представлениями о нашей стране, и с реальностью, которая слишком часто составляет их основу. Демократия не положит конец терроризму в арабском мире, но и, в отличие от деспотии, не послужит для него питательной почвой. Популярность бен Ладена обусловлена тем, что он символизирует сопротивление. Но на самом деле ему предложить нечего, кроме смерти и разрушения, и большинство мусульман отвернутся от него, если увидят реальную альтернативу.

Вообще говоря, демократизация — это наиболее интригующая сторона той рискованной игры, которую затеяла нынешняя администрация в Ираке. Создание стабильного и единого демократического иракского государства могло бы стать поистине великим достижением и благотворно повлиять на другие арабские сообщества. Но так ли уж необходимо было вторжение в Ирак, чтобы придать импульс демократизации арабского мира? Ответ на этот вопрос будет зависеть от степени раздробленности страны и от ситуации в сфере безопасности. Американским военнослужащим, работающим на демократизацию Ирака, придется очень трудно, если они по-прежнему будут вынуждены отгораживаться высокими стенами и танковой броней. Американские официальные лица не смогут снискать доверия речами о преимуществах свободы, если будут ощущать необходимость осуществлять надзор за местным радио- и телевидением, обыскивать дома, запрещать деятельность политических партий и бесконечно отказывать иракцам, требующим более полного самоуправления. Администрация Буша была решительно настроена на то, чтобы сохранить за собой право контролировать каждый аспект послевоенного реформирования Ирака. История покажет, насколько правильным было это решение, но в этой связи я не могу не вспомнить составленное шефом Пентагона руководство по мудрому ведению государственной политики. Одно из «Правил Рамсфелда» гласит: «Легче ввязаться, чем потом выпутаться».

КАРДИНАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ

Демократизация арабского мира проходит испытание не только в Ираке. Параллельный процесс наблюдается и в Палестинской автономии, где нынешняя администрация, нужно отдать ей должное, настаивает на реформировании местных институтов. Избрание премьер-министром Махмуда Аббаса и назначение на пост министра финансов Салама Файяда являются необходимым шагом на пути к демократизации и разумному управлению страной (статья написана до отставки Махмуда Аббаса с поста главы правительства. — **Ред.**). Становление политической свободы — залог появления нового поколения палестинских лидеров, приемлющих демократические методы правления. Вместе с тем демократия, если она все же наступит, вряд ли приведет к формированию в Палестине правительства, которое захочет принять мир на тех условиях, которые

устроят израильтян. По крайней мере, ждать этого придется много лет. Опрос *Pew* показал: 80 процентов палестинцев считают, что не смогут реализовать свои права в условиях сосуществования с израильским государством. Сомнения эти, безусловно, обоснованны, если под правами палестинцев понимать, помимо прочего, возврат всех палестинских территорий, захваченных в ходе войны 1967 года, полный суверенитет Палестины над горой Аль-Харам аш-Шариф (Храмовая гора) и право палестинских беженцев на возвращение в дома, в которых они проживали до 1948-го. Если палестинцы не смягчат свои требования или не опустят некоторые пункты, путь к миру на Ближнем Востоке окажется гораздо длиннее, чем предусмотрено «Дорожной картой».

Поэтому, чтобы достичь прогресса в данном вопросе, от обеих сторон потребуется новое мышление. Израиль должен будет помочь Аббасу добиться его целей, чего Тель-Авив никогда не делал для Арафата. Израильтянам придется осознать простейший факт: Аббас несет ответственность не перед израильским премьером Ариэлем Шароном и не перед президентом США Бушем, а перед собственным народом. Если новое правительство Палестины не сможет добиться более ощутимых результатов, чем Арафат, Аббас вскоре превратится во второстепенную историческую фигуру.

А пока палестинцы должны отказаться от тактики террора. Не потому, что этого хотят США и другие страны, а потому, что для палестинского народа терроризм куда как более серьезная угроза, чем Израиль. Террор разрушает не только экономику страны и надежды людей на возвращение территорий — он разлагает саму душу народа. Идти или нет по пути террора — вопрос выбора, а когда у людей есть право на выбор, у них также есть и возможность изменить свои действия. Администрация Буша, правительства европейских государств, весь арабский мир и умеренно настроенные политики в самой Палестине должны объединить усилия, дабы способствовать формированию у палестинцев единства взглядов на недопустимость и неприятие террора. Пока убийц будут превозносить как мучеников, не будет ни настоящего мира, ни палестинского государства, достойного этого статуса.

Израильтянам также следует опасаться последствий собственной политики агрессивной самозащиты. Бывший премьер-министр Израиля Голда Меир сказала как-то, что она в меньшей степени винит палестинцев в убийстве ее соотечественников, чем в том, что

они превращают убийство в необходимость для израильтян. Израиль имеет право защищаться от терроризма и время от времени наносить упреждающие удары. Но израильтянам нельзя забывать и о том, что им суждено всегда жить рядом с палестинцами, деля с ними одну территорию. И военное решение здесь просто невозможно.

КАК ПЕРЕФОРМУЛИРОВАТЬ АЛЬТЕРНАТИВУ

После событий 11 сентября президент Буш предложил мировому сообществу встать на сторону Соединенных Штатов в борьбе с террористами, атаковавшими его страну. В последующие годы он, однако, расширил список требований и изменил тон. Буш уже больше не предлагает мировому сообществу присоединиться к общей борьбе, и теперь он выступает с официальными требованиями оказать поддержку Соединенным Штатам, которые ведут свою собственную войну против угроз, определенных самим президентом. 11 сентября доказало, заявил Буш, что прежние институты, альянсы и законы больше непригодны для защиты американского народа. Тактика сдерживания бессильна против разгула террора. Если террористам удастся заполучить ОМУ, мир ожидают неисчислимы бедствия. И поэтому, предупредил Буш, Соединенные Штаты готовы действовать там и тогда, где и когда они усмотрят реальную, возможную или скрытую связь между террористами и опасными технологиями. Присоединившиеся к США будут вознаграждены. Кто откажется присоединиться, станет объектом жесткого порицания или хуже того.

Я отдаю должное президенту: он ставит перед собой амбициозные цели и отваживается на политический риск, без которого можно было бы обойтись. И не сомневаюсь в его искренности. Я согласна с ним в том, что Америке нельзя почивать на лаврах и необходимо не только противостоять явным врагам страны, но и добиваться полной победы над ними. Во благо Америки, я надеюсь, политика президента США увенчается успехом. Но все же я не могу избавиться от мысли, что Буш сам воздвиг лишние препятствия на своем пути.

Ведь, в конце концов, теракты 11 сентября при всем своем ошеломляющем трагизме далеко не первое напоминание о том, с какой огромной опасностью столкнется страна, если позволит оружию массового уничтожения попасть не в те руки. Президент Билл Клинтон регулярно предупреждал об этом. Одно из первых его до-

стижений состояло в том, что он убедил Украину, Казахстан и Белоруссию отказаться от их ядерных арсеналов. Клинтон неустанно содействовал реализации программы Нанна – Лугара «За совместное уменьшение угрозы», тратя американские деньги на обеспечение сохранности ядерных материалов и экспертизу ядерных объектов по всему бывшему Советскому Союзу. Клинтон стал настоящим специалистом в вопросах, связанных с угрозой применения биологического оружия на территории США. Он реорганизовал Национальный совет безопасности, чтобы расширить и усилить борьбу с терроризмом, – и это за много месяцев до августа 1998-го, когда в результате взрывов американских посольств в Кении и Танзании бен Ладен стяжал славу кровавого злодея во всем мире. Из года в год Клинтон участвовал в заседаниях ООН в Нью-Йорке, где стремился привлечь особое внимание к двум темам: необходимости остановить распространение ОМУ и объединить усилия различных стран по уничтожению прибежищ террористов и источников их финансирования. Но, в отличие от своего преемника, президент Клинтон полагал, что Америке легче будет бороться с врагами, если НАТО будет крепкой и сплоченной, если специализированные учреждения ООН, такие, как МАГАТЭ, будут усилены и если США будут уважать своих друзей во всем мире и консультироваться с ними. Клинтон считал, что борьба с терроризмом – это командная игра, а не сольная партия.

11 сентября показало, что США сделали недостаточно для распознавания и уничтожения террористов «Аль-Каиды». Тем не менее нельзя сказать, что те трагические события демонстрируют несостоятельность идеи о том, что, если американцы хотят разгромить «Аль-Каиду», им необходима активная помощь и сотрудничество со стороны других стран.

Администрация Буша предпочла объединить проблему «Аль-Каиды» с задачей по предотвращению распространения ОМУ. Эти две проблемы хотя и пересекаются, но не являются одинаковыми в военных, политических и технических вопросах, которые они ставят. Уничтожение «Аль-Каиды» не положит конец распространению ОМУ, но сама она представляет смертельную угрозу и без ядерного, химического и биологического оружия. В то же время проблему ядерных программ Северной Кореи и Ирана следует решать на иной основе, исходя в первую очередь из того, что они являются продуктом не терроризма, а национализма. Трагедия 11 сентября,

ставшая моментом истины для администрации США, вынудила ее смешать в одну кучу и террористов, и государства-изгои и огласить рецепт борьбы с ними — упреждение. Это пугает и разобщает мировое сообщество как раз тогда, когда безопасность Америки зависит от его сплоченности.

Я думаю, что другой подход, нацеленный на более четкую и последовательную концентрацию усилий по борьбе с «Аль-Каидой» и одновременно на активную, но индивидуальную работу со странами Ближнего Востока, Ираком, Ираном и Северной Кореей, возможно, дал бы лучшие результаты. Такой подход, полагаю, позволит президенту Бушу предложить иную альтернативу в связи с ключевым вопросом терроризма. Эта альтернатива была бы более понятна как европейским союзникам США, так и самой важной аудитории — тому большинству мусульман на Ближнем Востоке и во всем мире, что зачастую хранит молчание. При таком сценарии серьезность выбора могла бы найти свое подтверждение в серьезных намерениях Вашингтона по отношению к Афганистану, проблема государственного строительства которого должна оставаться в фокусе внимания США. Вместо того чтобы играть мускулами, Америка могла бы продемонстрировать, сколь велика коллективная сила мирового сообщества, единодушно утверждающего, что терроризм — это такое же зло, как геноцид, апартеид и рабская зависимость. Не было бы нужды ограничивать действия США арестами лиц, подозреваемых в принадлежности к «Аль-Каиде». Америка стремилась бы покончить с разжиганием ненависти, прославлением убийц, бесконечной ложью о Западе, которая и по сей день фабрикуется во многих странах Ближнего Востока и Южной Азии. Получившие подкрепление в лице единой Европы, американские политики смогли бы по прошествии времени подтолкнуть арабских лидеров к постепенному формированию в их странах более открытых политических и экономических систем, к поддержке демократических реформ, к которым, согласно опросам, стремятся большинство арабов. Вашингтон продемонстрировал бы также уважение к ценности человеческой жизни, продолжая изо дня в день вести напряженную борьбу за прекращение насилия с обеих сторон на истерзанном конфликтами Ближнем Востоке.

Усложнив собственный выбор, администрация Буша заодно усложнила и проблему выбора для других, расколола Европу и сыграв-

ла на руку экстремистам, которым только и надо, чтобы столкновение цивилизаций стало решающей схваткой нашей эпохи.

Администрация упустила время для корректировки своего курса, однако это не безнадежное опоздание. Вашингтон уже расстался с некоторыми из своих наиболее оптимистичных иллюзий относительно Ирака, выступил с заверениями по поводу президентского участия в решении проблем Ближнего Востока, попытался восстановить дружеские отношения с Европой и умерил пафос самовосхваления в официальных заявлениях.

Теперь было бы полезным, если бы американские политики, не привлекая всеобщего внимания, вывели понятие «доктрина упреждающего удара» из употребления в сфере национальной безопасности и отправили его назад в политический резерв. Совершенно необходимо также, чтобы Америка действительно завершила свои миссии в Афганистане и Ираке, прежде чем снова провозглашать победу. На пути к этому деятели из администрации, возможно, поймут, что хотя ни один из существующих международных институтов и не всемогущ, но каждый из них может добиться определенных результатов. Вероятно, нынешнее руководство США даже откажется от рефлекторного пренебрежения ко всему, что связано с Клинтон, и примет во внимание косовскую модель. В Косово под эгидой НАТО действуют миротворческие силы, включающие в себя российский контингент, и при поддержке недавно сформированной гражданской полиции обеспечивают безопасность администраторов ООН, ЕС и ОБСЕ, которые совместно с местными политическими партиями подготавливают страну к демократическим переменам. Эта схема не только дает хорошие результаты — она создает у каждого, кто входит в ее структуру, ощущение причастности к некоей важной миссии и собственного вклада в общее дело. Работа с союзниками, использование лучшего, что могут предложить международные организации, — все это требует терпения. Но это же дает и большие преимущества: партнеры разделяют все траты и тяготы, укрепляется легитимность миссии, к работе привлекаются талантливые специалисты. И все горят желанием добиться благоприятных результатов.

И наконец, администрация должна развить успех, достигнутый в ходе недавней поездки президента Буша по африканским странам, где ему был оказан радушный прием, и таким образом способствовать укреплению действительно сильных сторон Америки. Идея о

том, что американцы — граждане самой могущественной державы в мировой истории — живут в страхе перед бен Ладеном, не произвела впечатление на большинство жителей земного шара, которых терроризм заботит гораздо меньше, чем необходимость ежедневно бороться за выживание в тяжелейших условиях постоянного голода, нищеты и болезней. Поэтому проблемы Америки будут восприняты более отчетливо и с бóльшим вниманием, если администрация от угроз перейдет к наведению мостов и будет чаще поднимать вопросы, касающиеся повседневной жизни большей части населения земного шара. А это значит, что необходимо не только постоянно разъяснять, против чего сражаются американцы, но и говорить о том, за что они борются. Надо сделать так, чтобы люди во всем мире поняли: Америка стремится помочь им сделать свою жизнь более благополучной, свободной и продолжительной.

Стратегическая стабильность в эпоху глобализации

Общая повестка дня для России и США

Юрий Балувевский

Каким будет мир в XXI веке? Как в условиях глобализации обеспечить безопасность и стратегическую стабильность? Эти вопросы, давно превратившиеся из теоретических рассуждений в проблемы самого что ни на есть практического свойства, с предельной остротой встают сегодня перед мировым сообществом.

Сегодня мир сталкивается со следующими глобальными вызовами безопасности:

- глобальные и региональные военные угрозы в зонах нестабильности, таких, как Ближний и Средний Восток, в первую очередь – в Ираке и Афганистане;
- международный терроризм, экстремизм;
- распространение оружия массового уничтожения (ОМУ) и ракетных технологий;
- неравномерность развития, бедность, отсталость.

В современном мире практически не осталось непреодолимых экономических, культурных и информационных границ, и решить каждую из этих проблем в отдельности невозможно. Да и не связанными друг с другом они могут показаться разве что на первый взгляд. Масштаб и характер современных военных угроз требуют поиска новых, зачастую нетрадиционных форм и способов защиты национальных интересов. Возрастает роль экономики, научного и культурного потенциала, информационных возможностей государств. Если страны действительно заинтересованы друг в друге,

Ю.Н. Балувевский – первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ, генерал-полковник.

они найдут такие механизмы разрешения конфликтов и защиты национальных интересов, которые сначала отодвинут силовые методы на второй план, а затем сделают их и вовсе ненужными. Но одно условие является обязательным: прежде всего необходима работающая международная система безопасности, базирующаяся на добровольно принятых всеми правилами и механизмах.

Между тем в условиях роста взаимозависимости государств у наиболее сильных может появиться желание воздействовать на другие страны для обеспечения собственной безопасности и решения тех или иных вопросов межгосударственных отношений. При этом военные способы поддержания безопасности начинают приобретать все большее значение, в том числе и в свете борьбы с международным терроризмом.

СТАРАЯ И НОВАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Политические перемены последних двух десятилетий, стимулировавшие процесс глобализации, приводят к быстрым геополитическим изменениям. Новое наполнение получил и термин «стратегическая стабильность» — понятие, появившееся в эпоху холодной войны. Изначально оно затрагивало только отношения двух ядерных сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. Стратегическая стабильность означала такое состояние советско-американских отношений, при котором обе стороны имели возможность в случае глобальной ядерной войны многократно уничтожить друг друга, а заодно и весь остальной мир. Итогом гонки ядерных вооружений стал паритет стратегических наступательных арсеналов СССР и США, иными словами — «ядерный пат». Стремясь превзойти оппонента в количестве и качестве ракетно-ядерного оружия, каждая сторона одновременно боялась неосторожными шагами спровоцировать противника на опережающие действия.

«Стабильность глобального страха» поддерживалась идеологическим противостоянием, глубоким взаимным недоверием, нежеланием военно-политического руководства обоих государств идти на какие-либо компромиссы, тем более на договоренности по снижению угрозы. Отвлечение огромных ресурсов на смертоносные вооружения, способные в один миг уничтожить планету, препятствовало решению жизненно важных проблем каждой из стран. Начавшееся в период разрядки движение навстречу друг другу имело целью снизить уровень противостояния, уменьшить затраты

на ядерные вооружения, то есть добиться стратегической стабильности не прибегая к использованию силовых механизмов. Система двусторонних и многосторонних договоров определила параметры сначала ограничения стратегических вооружений, а затем и их постепенного сокращения. Критерий «достаточности для обороны» стал ключевым при определении требований к системам стратегических вооружений.

Сегодня мы являемся свидетелями и участниками перехода от старого типа стратегической стабильности времен холодной войны и двухполюсного мира к новому типу стабильности. На чем может быть основана стабильность в мире, который, по мнению многих, будет однополюсным? Реален ли вообще сегодня однополюсный мир? И устойчив ли он?

ЛИДЕРСТВО ЕДИНОЛИЧНОЕ И КОЛЛЕКТИВНОЕ
Прежние механизмы обеспечения международной безопасности, основанные на сложной системе договоров по ограничению и сокращению ядерных и обычных вооружений, фактически прекратили существование после выхода США из Договора по ПРО 1972 года и принятия ими концепции превентивных силовых действий. Вот что предлагается нам взамен:

- однополюсный мир;
- ничем не ограничиваемое наращивание военной мощи единственной сверхдержавы;
- «право силы, а не сила права»: односторонние превентивные силовые действия без оглядки на международные нормы;
- снижение роли международных институтов и договоренностей.

Стоит добавить, что в этой новой модели Россия все чаще сталкивается с политикой двойных стандартов (отношение к чеченскому терроризму, нежелание списывать советские долги, хотя ряду бывших социалистических стран, например, Польше, долги списывались и т. п.), заметна тенденция к ее изоляции. Особенно в этом усердствуют «молодые» члены НАТО.

Неудивительно, что модель, предлагаемую фактически одним, пусть даже самым мощным в политическом, экономическом и военном отношении государством, Россия оценивает как потенциально опасную, способную нести угрозу ее безопасности.

Между тем Россию и Америку связывает долгий путь взаимодействия, который пролегает от эпохи разрядки через разрушение Берлинской стены к построению новой системы коллективной безопасности, призванной уберечь человечество от угроз XXI века. Не случайно именно руководители России и США проявили политическую волю и возглавили борьбу с международным терроризмом.

Сама жизнь сняла вопрос о том, в каком мире нам предстоит жить — многополюсным или однополюсным? Мир может быть только многополюсным, иначе он неустойчив. С уверенностью могу утверждать, что Вашингтон как единственный полюс силы просуществовал всего полтора года — с 11 сентября 2001 года, когда произошли террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне, до 20 марта 2003 года, начала войны в Ираке. Лишь в этот период США обладали не только самой большой военной мощью, но и легитимностью безусловного лидера, несомненным моральным правом возглавлять мировое сообщество в борьбе с международным терроризмом. Однако подчеркнутое стремление к игнорированию мнения других стран и откровенное нежелание хоть в чем-то поступиться собственными интересами не способствует укреплению морального авторитета. К тому же дальнейший ход событий показал, что в одиночку с ролью всемирного лидера не могут справиться даже США.

Россия, как и Соединенные Штаты, в силу своего военного, научно-технического, ресурсного и человеческого потенциала просто обречена на то, чтобы занимать лидирующие позиции в грядущем многополюсном мире. И вместе с США Россия может сыграть ключевую роль в решении многих глобальных проблем.

РОССИЯ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Как отметил бывший глава Европейской Комиссии Жак Сантер, Россия слишком велика, чтобы стать полноправным членом Европейского союза. И если она велика даже для столь крупной организации, то едва ли «уместится» в рамках других. Так что, с одной стороны, России предначертано самостоятельное плавание по волнам истории, с другой — ей никуда не деться от участия в решении важнейших проблем современного мира. Это очевидный факт, с которым, нравиться это или нет, придется считаться всем.

Как государственное образование Россия существует более тысячи лет. Каков же ее вклад в решение проблем человечества за этот период?

История

- Россия защитила европейскую цивилизацию от монголотатарского нашествия в XIII–XIV веках, тем самым фактически обеспечив возможность европейского Возрождения;
- освободила Европу от Наполеона;
- сыграла важнейшую роль в Первой мировой войне (многokrратно выручала союзников в безвыходных ситуациях);
- внесла решающий вклад в победу над фашизмом во Второй мировой войне;
- установила ядерный паритет с США, благодаря чему стратегическая стабильность была обеспечена на протяжении более полувека.

Современность

- инициировала разрядку и перестройку;
- способствовала разрушению Берлинской стены;
- проводит политику партнерства, равноправного сотрудничества и интеграции в европейские структуры;
- сохраняет твердый курс на ограничение и сокращение вооружений;
- стремится к сохранению правовых основ стратегической стабильности и международной безопасности.

Цели и задачи России в будущем

- стать своего рода мостом между Европой и Азией, а в каком-то смысле и между Старым и Новым светом (учитывая наметившиеся трения в трансатлантических отношениях);
- добиться полноправного членства в европейских и мировых структурах;
- явиться одним из полюсов будущего многополярного мира, который при этом не противостоит остальным полюсам, а взаимодействует с ними.

ОРУЖИЕ БЕДНЫХ

На России и США, какие бы трения и разногласия ни возникали между двумя государствами, лежит особая совместная ответственность за укрепление режима нераспространения ОМУ, предотвращение утечек «чувствительных технологий» в ядерной и ракетной области. Эволюция системы международных отношений в последнее десятилетие привела к заметному ослаблению режима нераспро-

странения, стабильность которого обеспечивалась ранее двумя сверхдержавами. После разрушения биполярной системы во многих государствах появились или усилились стимулы к приобретению ОМУ, одновременно снизилась способность мирового сообщества этому противодействовать. Во времена холодной войны биполярная система обеспечивала странам Третьего мира определенные гарантии от нападения. Сверхдержавы ревниво следили за действиями друг друга, препятствуя применению силы против «нейтралов», которое могло привести к усилению противостоящего блока. Сегодня, когда роль международных организаций в вопросах контроля за применением силы резко снизилась, появляются объективные стимулы для создания или приобретения ОМУ государствами, не вошедшими в «зону американского влияния».

Ядерное оружие, возникшее в середине прошлого века, как оружие богатых государств, превращается в оружие бедных, которое обеспечивает им возможность парировать военные угрозы со стороны более развитых стран. Быстрая эволюция обычных вооружений, отрыв по качеству ведет к тому, что страны, опасаящиеся силового вмешательства, ищут возможности приобретения ОМУ. Технический прогресс делает более доступными ядерные технологии, не говоря уже о химических и бактериологических. Новые угрозы и вызовы безопасности заставляют многие страны больше полагаться на ядерные арсеналы, что увеличивает вероятность ядерного распространения.

С этой точки зрения нас не может не беспокоить стремление США и Великобритании приписать ядерному оружию роль сдерживания других видов ОМУ, что противоречило бы принципу «негативных гарантий» для неядерных государств. В ряду таких же тревожных сигналов и намерение США создать в соответствии с их новой ядерной доктриной ядерные боезаряды малой и сверхмалой мощности для нанесения точечных, в том числе превентивных, ударов в борьбе с терроризмом.

Напомню, что согласно нашей Военной доктрине Россия рассматривает свое ядерное оружие как средство ответа на ядерную агрессию или агрессию с применением других видов ОМУ, а также на крупномасштабную агрессию в критических для ее национальной безопасности ситуациях. При этом Россия гарантирует неприменение ядерного оружия против государств — участников Договора о нераспространении ядерного оружия (это не касается случаев прямого нападения на нее).

Таким образом, нераспространение ядерного оружия и других видов ОМУ должно стать одним из приоритетных направлений политики национальной безопасности ядерных государств. При этом наше несогласие с тем или иным решением администрации США вовсе не означает, что мы отказываемся от стратегического партнерства или недооцениваем его важность.

НАШИ ПРИОРИТЕТЫ

Как писал еще в 20-х годах XX века выдающийся русский военный теоретик Александр Свечин, в военной сфере «стратегическая линия поведения должна являться проекцией на вооруженный фронт общей политической линии поведения». Долгосрочные политические и экономические приоритеты России определяют ее стратегические приоритеты в военной сфере.

Российская Федерация проводит твердый курс на интеграцию в мировое сообщество, на поиск взаимоприемлемых и взаимовыгодных форм сотрудничества со всеми, кто в нем заинтересован.

В прошлогоднем послании президента Российской Федерации Федеральному Собранию говорится: «Наши цели неизменны — демократическое развитие России, становление цивилизованного рынка и правового государства. И самое главное — повышение уровня жизни нашего народа. ... Мы должны сделать Россию процветающей и зажиточной страной. Чтобы жить в ней было комфортно и безопасно. Чтобы люди могли свободно трудиться, без ограничений и страха зарабатывать для себя и своих детей». В послании-2003 сказано еще более конкретно: «Все наши решения, все наши действия необходимо подчинить тому, чтобы уже в обозримом будущем Россия прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира».

Главный национальный интерес России — это развитие экономически мощного, пользующегося уважением в мире государства, ориентированного на удовлетворение потребностей и чаяний всех социальных групп, всех народов и народностей Российской Федерации. Это невозможно без обеспечения оборонной мощи страны, поддержания ее военного потенциала на уровне, адекватном существующим и возможным угрозам.

В целом политическое и военное руководство страны исходит из того, что у России нет прямых врагов, но сохраняются потенциаль-

ные угрозы, которые должны учитываться во всех расчетах и планах развития государства и его армии.

К таким угрозам относятся, в частности:

- развертывание группировок сил и средств, имеющих целью военное нападение на Российскую Федерацию или ее союзников;
- территориальные претензии к России, угроза политического или силового отторжения от РФ отдельных территорий;
- осуществление государствами, организациями и движениями программ по созданию оружия массового уничтожения;
- наращивание группировок войск, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил вблизи границ Российской Федерации или границ ее союзников и прилегающих к их территории морских водах;
- расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации или ее союзников.

Недооценка военных угроз очень опасна, но не менее опасна и переоценка их. Она неизбежно приведет к ошибкам и во внешней, и в оборонной политике. В последней сфере это означает попытки создания таких Вооруженных сил, которые не могут быть обеспечены экономическими возможностями государства.

Национальные интересы Российской Федерации были обозначены в докладе министра обороны Сергея Иванова об актуальных задачах развития Вооруженных сил Российской Федерации, сделанном в октябре 2003 года, а также в документах, принятых на российско-американском саммите в Москве 24 мая 2002-го. Это «Совместная декларация Президента В.В. Путина и Президента Дж. Буша о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки» и «Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов».

Признав, что нынешняя ситуация в области безопасности коренным образом отличается от эпохи холодной войны, Россия и США предпринимают шаги, чтобы отразить в военной области изменившийся характер стратегических отношений между ними, сформировать новую систему обеспечения стратегической стабильности и международной безопасности.

Данная система должна основываться на общепризнанных нормах международного права и использовать существующие международные институты, в первую очередь ООН. Вполне реально взаимодействие при ликвидации очагов нестабильности и прове-

дении миротворческих операций, основанное на мандате Совета Безопасности ООН.

Ближайшие два года являются решающими на этом пути. Президенты России и США завершают первые сроки своего пребывания у власти и должны определить свои позиции на будущее. Вполне естественно, что каждый из них хочет победить на предстоящих выборах, чтобы продолжить начатые преобразования. Второй срок для президентов — это традиционно этап решительных действий, когда можно работать без оглядки на следующие выборы. Лидерам необходимо оставить достойный след в истории, обеспечить преемственность курса.

Стратегические национальные приоритеты России включают в себя следующее:

Внутри страны

- создание демократического правового общества, в котором будут обеспечены политические, экономические, социальные и гуманитарные потребности общества целом и каждого члена общества в отдельности;

- экономическое процветание и гражданское согласие всех слоев общества, всех движений, организаций и политических партий;

- обеспечение суверенитета и территориальной целостности, безопасности и обороноспособности Российской Федерации;

- продолжение военной реформы и переход преимущественно к профессиональной армии по контракту при сокращении службы по призыву.

На мировой арене

- обеспечение стратегической стабильности в мире, предотвращение кризисов и вооруженных конфликтов, сохранение позиций России как одного из самых надежных гарантов международной стабильности;

- расширение стратегического партнерства с США в политической, военно-политической и экономической сферах, продолжение сотрудничества по обеспечению стратегической стабильности и демонтажу наследия холодной войны;

- сугубо прагматичная внешняя политика, исходящая из наших возможностей и национальных интересов — военно-стратегических, экономических, политических. (Особо следует выделить

развитие отношений со странами СНГ как главный внешнеполитический приоритет России, а также активную работу с Евросоюзом, направленную на формирование единого экономического пространства.);

- завоевание сильных позиций в условиях суровой мировой конкуренции — за рынки, за инвестиции, за политическое и экономическое влияние; ориентация на жесткие требования мирового рынка, на завоевание собственных новых ниш;

- поиск надежных союзников и укрепление репутации России как надежного союзника.

У Соединенных Штатов Америки, безусловно, свои приоритеты. Однако очевидно, что обеспечение безопасности в мире останется одним из важнейших приоритетов американского военно-политического руководства. Россия готова пройти свою часть пути, внести свой вклад в построение новой системы международной безопасности. Главное в такой работе, на наш взгляд, это наличие общего понимания проблемы и стремления разных стран к выработке единых подходов к парированию угроз и предотвращению конфликтов.

Не следует разрушать единство Европы от Атлантики до Урала, и вместо того, чтобы стараться исключить Россию из мирового сообщества, надо строить единую систему безопасности с участием всех стран. Тем более что основа для этого имеется. Она заложена год назад в Римской декларации.

Военный аспект такой работы должен обеспечить:

- укрепление взаимодействия между, прежде всего, постоянными членами Совета Безопасности ООН, на которых возложена особая ответственность за судьбу мира, странами — членами НАТО и Европейского союза, всеми другими государствами и международными организациями на основе принципов сотрудничества, взаимного учета позиций и взаимной выгоды, отказа от попыток получить односторонние преимущества;

- продолжение процесса радикальных, контролируемых, необратимых сокращений стратегических наступательных вооружений во взаимосвязи с ограничениями на стратегические оборонительные системы;

- укрепление режима нераспространения ОМУ;

- выработку и согласование мер, направленных на повышение предсказуемости и доверия в военно-стратегической деятельно-

сти, в том числе путем установления постоянного диалога в военной области.

Все это потребует серьезной работы и ответственного отношения со стороны каждого из государств мирового сообщества. Безопасность стоит недешево, однако обеспечивать ее необходимо. Эту задачу мы сможем решить тем успешнее, чем глубже будет наше взаимопонимание и теснее наше сотрудничество. Сложение научно-технических, финансовых и организационных возможностей России, США и всех других государств облегчит достижение поставленной цели.

Коллективные стенания и имперское искушение

Томас Эксуорси

«Мощь Америки при нынешней ситуации в мире чрезмерно велика... Возможно, мы слишком успокоились в ощущении собственного силового и морального превосходства, чтобы быть готовыми к требующей терпения шахматной партии против неподатливых сил исторической неизбежности». Эта мысль великого американского богослова Рейнхолда Нибура, впервые прозвучавшая в 1952 году, представляется особенно актуальной сегодня, когда в воздухе витает идея «американской империи». Уважаемые комментаторы вроде историка Найэла Фергюсона выдают рекомендации в том духе, что «прекрасный образец для управления Багдадом в наши дни» — это британская модель управления Египтом в 1882-м. Эндрю Салливан, другой известный обозреватель, заявляет во всеуслышание, что после потрясающих военных успехов в Афганистане и Ираке «следующими в списке США значатся тегеранские тираны» и так далее и тому подобное. Впервые с 1960 года, когда Гарольд Макмиллан заявил о «ветре перемен», сметающем имперские претензии Великобритании, идея о том, что одна великая нация имеет власть и право господствовать над другими, находит сегодня влиятельных сторонников.

Мир изумленно взирает на то, как Америка пала жертвой имперского искушения. И это — страна, которая сама явилась плодом борьбы с империей, участвовала в коалиции против имперских устремле-

Томас Эксуорси — президент *Asia Pacific Foundation of Canada*, преподаватель Школы управления им. Джона Кеннеди в Гарвардском университете. В 1981–1984 годах был руководителем аппарата и главным политическим советником премьер-министра Канады Пьера-Элиота Трюдо. Данная статья основана на выступлении автора в рамках заседания Совета взаимодействия в Москве (июнь 2003 года).

ний Гитлера и Тодзио, активно поддерживала в 1950-е и 1960-е движение против колониализма, потерпела поражение во Вьетнаме, пытаясь распространить свое влияние на Юго-Восточную Азию, и яростно противостояла советской империи.

Нибура такой поворот дел огорчил бы, но не удивил. Вскоре после Второй мировой войны он предупреждал соотечественников: «Большие диспропорции силы столь же нравственно опасны для справедливости и общества, сколь они необходимы в качестве основы обеспечения минимального порядка. Они опасны для общества как потому, что возбуждают озлобление и страх среди более слабых, так и потому, что вводят более сильных в соблазн воспользоваться своим могуществом, не слишком считаясь с интересами и взглядами тех, на кого оно распространяется».

Последующие поколения стали свидетелями непрерывного роста этой диспропорции до такой степени, что теперь даже старая презираемая имперская идея переживает возрождение. Есть три способа реагировать на это явление. Во-первых, с ним можно примириться или, как предлагает *The New York Times*, «свыкнуться». Во-вторых, создать противовесы на основе нового силового баланса (что является реакцией традиционного реализма). Третья стратегия – политика многосторонних действий, цель которой – предложить мировому сообществу альтернативу американскому унилатерализму и выстроить систему, которая могла бы привлечь американцев, обеспокоенных опасностью своего господствующего положения.

ГОСПОДСТВО АМЕРИКИ

Как и все великие государства в мировой истории, Америка стремилась к могуществу и господству. Отцы-основатели ясно осознавали слабость Соединенных Штатов в XVIII – начале XIX века и потому с осторожностью разыгрывали свои карты. Но с самого начала американцы верили в исключительность своей приверженности идее свободы и в то, что на Америку возложена миссия принести всему миру республиканский строй и демократию. Хорошо известно высказывание Бенджамина Франклина о том, что дело Америки – «это дело всего человечества». Александер Гамильтон считал, что Америка, этот «Геркулес в колыбели», рано или поздно несомненно подчинит себе весь североамериканский континент. Он писал, что Соединенные Штаты «в недалеком будущем займут место, соответствующее их великому предназначению, – государства значительного,

эффективного и вершащего грандиозные дела. Страну ожидает славное будущее». Томас Джефферсон полагал, что завоевание Канады «окажется не более чем передвижением войск», и предрекал создание «империи свободы». (Американцы действительно предприняли такой поход в 1812–1814 годах, но были отброшены регулярными британскими частями, канадским ополчением и их союзниками из туземного населения; после этого США сконцентрировали свои усилия в западном и южном направлениях, отказавшись от попыток покорить Север). Как пишет Роберт Кейган, «к этой прочной убежденности американцев в особой исторической миссии своей нации, в единстве их собственных интересов и интересов всего мира можно относиться с одобрением, насмешкой или сожалением. Но не следует ставить ее под сомнение».

До самого последнего времени унилатерализм не был преобладающей внешнеполитической традицией в США. Вплоть до Перл-Харбора большинство стояло на позициях изоляционизма. Либеральная интервенция была, по сути, изобретена американцами при Вудро Вильсоне и ФранкLINE Рузвельте, но односторонние действия предпринимались с самого начала истории страны. В 1820-х США установили в Северной и Южной Америке свою гегемонию, впоследствии так и не оспоренную. Победа во Второй мировой войне помогла утвердить американское влияние в Европе и Северо-Восточной Азии, где оно преобладает до сих пор. И если Перл-Харбор привел к расширению американского присутствия на Дальнем Востоке, то теракты 11 сентября вызвали ответные военные акции в Персидском заливе и Центральной Азии, причем похоже, что американцы останутся в этих регионах надолго. Таким образом, американская исключительность и политика односторонних действий возникли задолго до появления на политической сцене Джорджа Буша-младшего.

Но именно в доктрине Буша, воплощенной в Стратегии национальной безопасности, американская стратегия доминирования представлена наиболее ярко и всеобъемлюще. Три кита, на которых держится стратегия, — это превентивные действия, замена неугодных режимов и военное превосходство. Согласно этому документу, принятому в сентябре 2002-го, сдерживание отныне не будет считаться достаточным аргументом: «С учетом тех целей, к которым стремятся государства-изгои и террористы, Соединенные Штаты больше не могут полагаться, как в прошлом, на политику реагирования». Выступая 1 июня 2002 года в Вест-Пойнте, президент Буш пояснил: США «пе-

ренесут войну на территорию врага» потому, что мир оказался между Сциллой радикализма и Харибдой технологий, которые могут позволить «слабым государствам и небольшим группам овладеть смертоносным средством для нанесения удара по великим нациям». Политика устрашения, основанная на теории рационального выбора, уже не работает, когда вражеские силы состоят из фанатиков.

Итак, необходимость превентивных действий отодвигает на второй план старую стратегию устрашения; точно так же потребность в замене режимов перевешивает былые достоинства сдерживания. И вот уже Стратегия национальной безопасности призывает Америку «защищать человеческое достоинство и противостоять тем, кто препятствует ей», для чего надо создать «баланс сил, идущий на пользу делу свободы».

Война в Ираке была результатом сознательного выбора. Ее оправдывали неотвратимой угрозой применения Хусейном оружия массового уничтожения. Однако, как сейчас доказано, утверждение об иракском ОМУ было основано в лучшем случае на преувеличении, а в худшем — на сплошном обмане. Доналд Рамсфелд сделал ставку не на сдерживание Саддама Хусейна, а на замену его режима, что, однако, приведет к совершенно новой ситуации на Ближнем Востоке. Дэвид Фрам, член администрации Буша, пишет о стратегии Рамсфелда, разработанной уже вскоре после атак 11 сентября:

«Если бы в качестве следующего шага США свергли Саддама Хусейна, это могло бы привести к появлению у Америки надежного союзника в лице сверхдержавы, способной возникнуть в арабском мире. Столь близкое соседство американских войск воодушевило бы иранский народ на восстание против мулл. А по мере того как Иран и Ирак строили бы умеренные представительные прозападные режимы, усиливалось бы давление на Саудовскую Аравию и прочие арабские государства с целью вынудить их к либерализации и модернизации. Ставки были крупные, но крупным был бы и выигрыш».

Самый спорный из принципов, положенных в основу Стратегии национальной безопасности, — идея американского военного превосходства. В документе настойчиво проводится мысль, что США должны помешать потенциальным соперникам «превзойти Соединенные Штаты по силе или сравняться с ними». Администрация Буша заверяет, что пойдет на любые расходы, чтобы сохранить нынешнее военное доминирование Америки. Если США будут тратить на военные нужды 3 % ВВП, то их оборонный бюджет составит 400

млрд, а если 4 %, то 500 млрд долларов. Это колоссальные суммы, однако даже 4 % вдвое меньше того, что тратила Америка на эти цели в течение большей части периода холодной войны. Профессор Пол Кеннеди предупреждал о «перенапряжении» финансовой системы в 1980-е, когда США тратили на оборону 7 % ВВП. Сегодня американская экономика выросла настолько, что даже если бы доля военных расходов в ВВП сократилась вдвое, то оборонный бюджет все равно был бы в два раза больше, чем в недавнем прошлом, и более чем в два раза превосходил бы суммарные расходы на оборону всей Европы. Правда, США имеют значительный бюджетный дефицит (400—500 млрд долларов), но это обусловлено проводимой Бушем политикой снижения налогов, а не оборонными расходами.

Говоря об аргументах в пользу американского превосходства, Лоренс Каплан и Уильям Кристол отмечают: альтернатива американскому лидерству — это анархический хаос и множество новых угроз при отсутствии авторитетной силы, способной обеспечить соблюдение международных стандартов. «Гуманное будущее, — пишут они, — потребует от США внешней политики, исключаящей примиренчество, идеалистической, энергичной и хорошо профинансированной».

СОЗДАНИЕ СИЛОВОГО БАЛАНСА

Реалисты могут возразить, что доминирование Америки рано или поздно будет уравновешено новой коалицией государств. Так, Самьюэл Хантингтон предсказывал, что в результате развития Европейского союза XXI век станет по-настоящему многополярным, поскольку мир в конце концов отреагирует на американскую гегемонию. Проект создания 60-тысячного европейского корпуса быстрого реагирования представляет собой попытку распространить влияние за пределы Европы. Несомненно, некоторые из европейских держав, особенно Франция, надеются, что Евросоюз однажды станет более значительной военной силой. Действительно, при общем населении в 400 млн человек и с экономикой, оцениваемой в 9 трлн долларов, Европа может себе позволить стать более заметным игроком в военной сфере.

Однако нет ни малейших признаков того, что европейские избиратели этого хотят. Европейский союз вступил в фазу масштабного расширения, и его ожидают горячие дебаты о степени интеграции. Постепенно зона мира расширяется по территории Европы вплоть до границ России и даже включая ее. С точки зрения мировой ис-

тории это — чудо, и если европейцы в конечном итоге придут к интегрированной, процветающей и мирной Европе, то зачем остальному миру желать от них чего-либо еще? Или, иначе говоря, если бы европейские избиратели предпочли тратить лишь половину того, что Америка расходует на оборону, и направлять больше средств на здравоохранение или социальное обеспечение, разве мы не аплодировали бы такому ценностному выбору?

Однако, если европейцы пытаются мирным путем построить европейский дом от Альп до Урала, означает ли это, что они смирились с гегемонией США? Не обязательно, потому что есть еще и третий вариант: создать прочную «многостороннюю» систему на деле, а не на словах. Если бы это удалось, такая система дала бы мировому сообществу больше инструментов для достижения коллективных целей, чем военная мощь США. Кроме того, она могла бы стать путеводной звездой для тех американцев, кто обеспокоен угрозами, связанными с политикой военного доминирования, или просто больше не желает платить военным 400 млрд долларов в год. Но чтобы этот сценарий стал возможным, государствам, заинтересованным в механизмах многосторонности, придется поработать на реальные и долгосрочные перемены, потому что большая часть наших «многосторонних» институтов (таких, как МВФ и ООН) слаба и едва функционирует. Американскому унилатерализму есть альтернатива, однако она потребует коалиции добровольцев иного типа — коалиции тех, кто захочет привести международные институты в соответствие с требованиями XXI века.

ДЕФИЦИТ МНОГОСТОРОННОСТИ

Какие международные институты работают по-настоящему хорошо? ООН состоит из суверенных государств, с некоторыми из которых связан длинный список шокирующих неудач: это Босния, Руанда, Ирак, теперь Конго... МВФ, по идее, помогает странам выравнять колебания валютных курсов и решать проблемы с платежным балансом, но в Азии, России, а ныне и в Аргентине его рекомендации способствовали превращению проблемы в кризис. ВТО обещала Третьему миру, что следующий раунд торговых переговоров будет посвящен сельскохозяйственной реформе, однако до сих пор этот процесс продвигается крайне медленно, если он вообще идет.

В эпоху глобализации частный сектор осуществил кардинальные структурные изменения в таких областях, как интеграция рынков

капитала, перевозки, человеческие ресурсы. Международное политическое сообщество также инициировало усовершенствования в нескольких областях (например, был создан Международный уголовный суд), но в целом оно довольствовалось уже существующей архитектурой, созданной в 1945 году. Многочисленные комиссии одна за другой составляют отчеты по вопросу о способах реформирования ООН или международных финансовых организаций, однако эти документы остаются нечитанными и невостребованными. Никто не проявил устойчивую политическую волю к реформированию существующей многосторонней системы. Америка сделала несколько радикальных шагов: она вновь определила свои приоритеты в области безопасности, провела две войны, увеличила военные расходы до 400 млрд долларов в год. При этом мировое сообщество, которое выражает недовольство односторонним характером американской политики, сделало очень мало, в основном ограничиваясь коллективными стенаниями.

Нам нужен мультилатерализм не на словах, а на деле. Список возможных инициатив в данной области очень велик, вот лишь некоторые предложения:

- разрешить государствам вторично выдвигать свою кандидатуру в Совет Безопасности. Это позволило бы таким странам, как Япония, Германия и Индия, *de facto* получить членство в Совете Безопасности без внесения поправок в Устав ООН;

- пригласить к участию в «большой восьмерке» ЮАР, Индонезию и Индию (которые являются демократическими государствами и ключевыми игроками в экономике), что способствовало бы превращению этой организации из западного клуба в более репрезентативный международный Концерт;

- объединить голоса европейских членов в МВФ и Всемирном банке и тем самым создать блок в противовес США и использовать его как рычаг для назначения представителей развивающихся стран на посты руководителей обеих организаций;

- добавить терроризм к списку преступлений, подпадающих под мандат Международного уголовного суда;

- изменить принятые в ООН процедуры таким образом, чтобы государства, обвинявшиеся в нарушении прав человека и не сумевшие ответить на эти обвинения, не имели право избираться в Комиссию по правам человека. В самом деле, Ливия в качестве председателя Комиссии по правам человека — это просто фарс;

- создать добровольческую бригаду быстрого реагирования ООН, способную вести боевые действия, а не просто выполнять миротворческие функции. Такую бригаду можно было бы незамедлительно направлять в район конфликта для сдерживания кризиса, что позволило бы выиграть время для налаживания работы традиционных миротворческих механизмов;

- радикально снизить субсидирование сельскохозяйственного сектора западных стран. Эта мера послужит интересам потребителей и даст странам Третьего мира реальный шанс на экономическое развитие.

Такая повестка дня не зависит от доброй воли США. Страны, поддерживающие многосторонность как альтернативу унилатерализму, способны добиться большей части своих целей самостоятельно. Ликвидируйте «дефицит многосторонности» — и у мира появится нечто реальное, что можно противопоставить американской мощи!

Европе не стоит увеличивать свои расходы на оборону на 200 млрд долларов в год, пытаясь сравняться с Соединенными Штатами, — нужно вкладывать лишь часть этой суммы в силы быстрого реагирования ООН. Европа, приверженная новым международным нормам, вместо того чтобы идти на риск банкротства в военном состязании с Америкой, могла бы помочь создать коалицию стран, проявляющих твердую волю к мультилатерализму. Членами такой коалиции могли бы стать Канада, Россия, Япония, ЮАР и многие другие страны.

Не исключено, что жизнеспособная и по-настоящему эффективная международная система со временем получит поддержку со стороны США. Америка действует в одностороннем порядке потому, что может, и потому, что альтернатива в виде слабых «многосторонних» институтов часто означает, что международная политика — это бесконечная дорога в никуда. Вместо того чтобы жаловаться на чрезмерную силу Америки, сторонники «многосторонних» механизмов должны изменить существующее положение путем создания жизнеспособной международной системы.

Лестер Пирсон, автор идеи миротворчества, любил цитировать высказывание Спинозы о том, что «мир — это энергия, рождающаяся из добродетели души». Чтобы противостоять империи пусть даже с гуманным режимом, нам нужна некая коллективная энергия и душа.

Международная валютная система: КОНЕЦ ЕДИНОВЛАСТИЯ

Будет ли рубль мировой валютой?

Ольга Буторина

В ближайшие десять-пятнадцать лет мировая гегемония доллара будет разрушена. Ей на смену придет не единая мировая валюта, как предлагали Кейнс и Манделл, не множественность денежных единиц в рамках одного государства, как считал Хайек, и не раздел мира на несколько валютных зон. Костяк новой международной системы составят два-три десятка наиболее значимых валют, которые посредством новейших технологий будут замкнуты в высокоэффективную сеть скоростных расчетов. Такая смена формата может кардинально улучшить позиции российского рубля и сменить ориентиры национальной валютной политики.

Если Россия войдет в число стран, денежные единицы которых подключатся к общемировой паутине политвалютных платежей, то отечественные предприятия смогут расплачиваться рублями за импортные товары. Одновременно российский рубль станет главной валютой СНГ. Это резко расширит сферу его применения, понизит спрос на иностранные валюты и спровоцирует выведение долларов из внутреннего обращения. Как следствие, значительно увеличатся внутренние инвестиционные источники, а также возрастут количественные и качественные характеристики российского фондового рынка. Банку России не придется иметь огромные валютные резер-

О.В. Буторина — д. э. н., заведующая кафедрой европейской интеграции МГИМО МИД РФ, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике». Полная версия статьи — на сайте www.globalaffairs.ru

вы ради поддержания стабильности рубля. В целом же Россия сможет воспользоваться многими благами рыночной экономики, которые сейчас для нее не доступны из-за того, что в условиях глобализации ее валюта и финансовая система ежедневно вступают в конкуренцию с неизмеримо более сильными соперниками.

Чтобы подобный шанс был реализован, России следует уже сегодня делать три вещи. Во-первых, всеми доступными способами расширять сферу обращения рубля. Во-вторых, максимально использовать современные технологии расчетов. И в-третьих, быть готовой к системным изменениям в международных валютных отношениях, включая масштабные и плохо поддающиеся оценке перемены в глобальной роли американского доллара.

ОТ ЗОЛОТА К ДОЛЛАРУ

История человечества знает четыре международных валютные системы. Первая — Парижская — была создана в 1867 году и просуществовала до Первой мировой войны в общей сложности 47 лет. Самой недолговечной оказалась Генуэзская: возникнув в 1922-м, она распалась уже в 1931 году с началом Великой депрессии. Бреттон-Вудская система продержалась с 1944 по 1971 год, когда США прекратили размен долларов на золото, — то есть 27 лет. Ровно столько же действует нынешняя Ямайская система, официально оформленная совещанием стран — членов МВФ в Кингстоне в январе 1976 года.

Смена валютной системы всегда означала упразднение одних элементов международного денежного устройства и введение других. Закат Парижской системы — это отмена золотомонетного стандарта. С расстройством Генуэзской системы обменные курсы перестали фиксироваться по отношению к золоту. По Бреттон-Вудским соглашениям лишь доллар сохранил связь с золотом, а все остальные валюты привязывались к нему. Ямайская система упразднила последнее звено в цепи, связывавшей деньги с золотом, — мир раз и навсегда перешел к плавающим курсам.

Современный мировой валютный рынок невообразимо далек от того, каким он был в момент создания Ямайской системы. Однако способ его регулирования остался тем же, что и в 1976 году. Тогда, вспомним, в Китае прощались с Великим кормчим, в Москве открылся XXV съезд КПСС, а в Калифорнии два приятеля собрали в гараже первый персональный компьютер.

ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВЫЕ РЫНКИ:
ГЛОБАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА

В последней четверти XX века валютные рынки оказались под воздействием пяти новых факторов: 1) всеобщая либерализация движения капиталов, 2) развитие информационных технологий, 3) изменение природы курсообразования, 4) распад социалистической системы и 5) введение евро.

О размахе валютной либерализации говорит следующий факт: в 1976 году обязательства по VIII статье Устава МВФ (она запрещает ограничения по текущим платежам, дискриминационные валютные режимы и барьеры на пути репатриации средств иностранных инвесторов) выполняла 41 страна, в 2002 году – 152. Сравнительно недавно даже самые развитые страны Запада имели множество валютных ограничений. Так, например, в Англии до середины 1970-х резидентам запрещалось приобретать наличную иностранную валюту сверх установленного крайне низкого лимита, а во Франции в 1983 году были введены жесткие правила репатриации экспортной выручки, покупки валюты для импорта, покрытия валютных сделок на срок финансирования инвестиций за границей.

Для многих развивающихся стран и стран с переходной экономикой результаты валютной либерализации конца прошлого века оказались далеко не однозначными. По утверждению МВФ, валютная либерализация должна была содействовать интеграции в мировую экономику и росту конкурентоспособности. На практике же отмена валютных ограничений часто выпадала из макроэкономического контекста и ее темпы не соизмерялись с темпами формирования механизмов и институтов рынка. Как следствие, была создана почва для долларизации, утечки инвестиционных ресурсов, беспорядочного движения спекулятивных капиталов.

Революция в средствах связи и обработки информации сделала международные финансовые потоки еще более подвижными. В 1970–1980-е годы во многих странах были созданы общенациональные системы расчетов в режиме реального времени (*Real Time Gross Settlement – RTGS*). В 1990-е между ними возникли связующие звенья. Например, в Гонконге существуют такие системы расчетов в гонконгских долларах, в долларах США, а с апреля 2003-го – в евро, причем все они функционально дополняют друг друга. Кроме того, усовершенствованы традиционные системы международного клиринга, повышена их надежность, увеличены лимиты кредито-

ния, расширен круг участников и набор функций. Это позволило перемещать огромные суммы денег из одной точки мира в другую простым нажатием клавиши.

За последнюю четверть века произошел и другой серьезный качественный сдвиг: обменный курс той или иной валюты перестал формироваться во внешней торговле. Это было вызвано стократным увеличением объемов международных валютных рынков. Действительно: если в 1970-е ежедневный объем валютных операций в мире составлял 10–20 млрд дол. (то есть приближался к стоимости ВВП, производимого в развитых странах в течение одного рабочего дня), то в 2001 году эта цифра равнялась 1,2 трлн долларов. На обслуживание товарных сделок теперь приходится всего 2 % от совершаемых в мире валютнообменных операций. Поэтому возможность отклонения рыночного курса валюты от паритета покупательной способности (по которому курсовое соотношение двух валют должно отражать соотношение цен в данных странах) намного возросла. К примеру, на один доллар в России можно купить вдвое больше товаров, чем в США. То есть рыночный курс рубля составляет 50 % от паритета его покупательной способности (ППС). Такое положение характерно для большинства государств Центральной и Восточной Европы. В некоторых странах курс национальной валюты занижен еще больше, например, в Индии и Китае он находится на уровне 20 % от ППС.

Если в 1971 году обменные курсы оторвались от золотого якоря, то потом они оторвались и от казавшегося естественным товарного якоря. Несмотря на глобализацию и наличие развитого мирового рынка (который, правда, составляет менее 20 % от мирового ВВП), в настоящее время нет и намека на выравнивание внутренних цен между странами. Иначе говоря, коридор возможных колебаний курса той или иной валюты резко расширился. Моментальное обесценивание валюты в два или в четыре раза, как это было с российским рублем, теперь никого не удивляет.

На рубеже 1980–1990-х годов распалась социалистическая система, бывшие страны СЭВ начали переход к рыночной экономике. Большинство из них сразу сделали конвертируемыми свои валюты и сняли основные ограничения по текущим операциям. В России в 1992 году был принят закон «О валютном регулировании и валютном контроле», разрешивший конверсионные операции и трансграничное движение капиталов. К мировым валютным рынкам добавился не существовавший ранее сегмент. Это серьезно изменило

облик международной валютной системы, хотя на указанные регионы приходится только 2 % совершаемых в мире конверсионных операций. Достаточно вспомнить, что все новые валюты пережили периоды высочайшей инфляции и резкого обесценения. Одновременно произошла глубокая долларизация постсоветского пространства. Американские деньги, будучи гораздо сильнее и надежнее, чем встававшие на ноги местные валюты, выдавили последние из большей части внутреннего оборота. А в 1998 году Россию поразил финансовый кризис.

Еще один новый фактор современных валютно-финансовых отношений – введение с 1 января 1999 года единой европейской валюты. Два первых года своей жизни она теряла в цене, а уже на рубеже 2002–2003 годов евро стал стоить дороже доллара. Это показало частным и государственным инвесторам, что европейская валюта может использоваться как средство диверсификации их накоплений. Никогда еще европейские денежные единицы не использовались в международном масштабе столь широко, сколь теперешний евро. И если курс единой валюты останется стабильным, то ее привлекательность будет расти и впредь. С прежними национальными денежными единицами этого не могло случиться в принципе.

В то же время для мировых финансовых рынков евро стал еще одним фактором турбулентности. Связано это с тем, что у операторов появилась реальная альтернатива доллару (пусть не во всех сферах), а у Евросоюза – возможность проводить более независимую от США экономическую и валютную политику. В 2001 году, по данным Банка международных расчетов в Базеле, волатильность (краткосрочная изменчивость) курса евро по отношению к доллару США была в три раза (!) больше, чем аналогичный показатель для немецкой марки в 1998 году. Одновременно увеличилась амплитуда и частота колебаний в большинстве других важнейших валютных пар. Введение евро, конечно, явилось не единственной причиной, обусловившей нестабильность валютных рынков, однако налицо его «вклад» в сложившуюся ситуацию.

Все эти процессы привели в 1990-е годы к росту нестабильности международной валютной системы. Серию региональных кризисов открыл кризис Европейской валютной системы 1992–1993 годов. Тогда атакам впервые подверглись валюты даже тех стран, правительства которых придерживались вполне адекватного и грамотного курса. Экономисты заговорили о кризисах «второго поколения», ко-

гда решающим оказывается не качество национальной политики, а соотношение денежных средств, которые правительство с одной стороны и валютные спекулянты с другой готовы бросить в схватку. Спекулянты рассчитывают, какую сумму государство может потратить на интервенции, и если их собственные возможности оказываются весомее, то игра на понижение начинается.

В 1997–1998 годах на мир обрушился очередной ряд финансовых потрясений. Началось с Юго-Восточной Азии и России, дальше завибрировали валютные системы Латинской Америки, в 2001 году разразился кризис в Турции, в 2002-м – в Аргентине. Как бы ни хотелось считать эти события случайными, они, увы, таковыми не являются. Дело здесь не в безответственности властей и не в фатальном стечении обстоятельств, а в изменении глобального валютно-финансового климата как такового.

Что же мировое сообщество готово предпринять в ответ?

УПРАВЛЕНИЕ ВАЛЮТНЫМИ КУРСАМИ: КЛАССИКА ЖАНРА

Основными методами управления курсами до сих пор являлись валютные интервенции, изменение процентной ставки, регулирование текущего баланса и привязка национальной денежной единицы к более сильной. Однако с каждым из них в последние полтора десятилетия произошла глубокая метаморфоза.

Количество средств для интервенций снизилось. Не то чтобы их число в целом сократилось (напротив, с 1990 по 2002 год совокупные валютные резервы всех стран мира увеличились с 640 до 1730 млрд СДР (специальные права заимствования, расчетная единица МВФ. – **Ред.**) – почти в 3 раза) – их мало относительно объема рынка. Если потребуется поддерживать курс евро или доллара, то имеющихся запасов (все валютные резервы Европейской системы центральных банков составляют 300 млрд евро, а Федеральной резервной системы (ФРС) США – 60 млрд дол.) хватит лишь на косметические мероприятия. Осенью 2000 года Европейский центральный банк четырежды проводил интервенции в поддержку евро. Результат оказался минимальным: после первой интервенции, проведенной совместно с ФРС и Банком Японии, курс поднялся с 0,86 до 0,89 доллара за один евро, а после последней – котировки колебались вокруг отметки 0,85. О размере средств, потраченных зоной евро на интервенции, косвенно можно судить по тому, что за но-

ябрь 2000 года валютные резервы ЕЦБ (без золота, СДР и резервной позиции в МВФ) уменьшились на 13 млрд евро.

Крупнейшими в мире держателями золотовалютных резервов являются страны Юго-Восточной Азии. В середине 2003 года официальные валютные запасы Японии выросли до 540 млрд дол., Китая — до 350 млрд дол., Тайвань, Южная Корея и Сянган (Гонконг) имели по 100 с лишним миллиардов каждый. Получается, что главные мировые валюты эмитируют одни страны, а основной частью резервов владеют другие. Асимметрия налицо. В случае падения курса доллара или евро едва ли азиатские государства пожертвуют сколько-нибудь крупными средствами ради укрепления хотя и важных для них, но все-таки чужих валют.

Что касается процентной ставки, то ее влияние на обменный курс тоже довольно ограничено. Связь между двумя показателями прослеживается более или менее отчетливо только для валют, имеющих широкое международное признание, в основном для доллара и евро. (В Японии последние годы процентные ставки близки к нулю, и на фоне вялой конъюнктуры власти не скоро смогут их повысить. В Великобритании естественным ограничителем роста ставки является высокая задолженность домохозяйств, большинство британских семей выплачивает ипотеку. В Швейцарии ставка традиционно низка благодаря банковской тайне, владельцы капиталов сомнительного происхождения мирятся с нулевой или отрицательной доходностью депозитов, обеспечивая швейцарским предприятиям дешевый доступ к внешнему финансированию.) Но и это происходит не всегда. Так, с лета 2001 года рыночные ставки в зоне евро превысили американские, но подъем евро начался полтора года спустя. Для нерезервных валют повышение ставки рефинансирования мало способствует притоку иностранных капиталов, затрудненному не только в силу отсутствия доверия, но и вследствие слабости местных финансовых рынков. Внешние операторы резонно опасаются, что, вложившись в редкую валюту или номинированные в ней ценные бумаги, они не смогут в нужный момент продать данные активы по прежней цене. Ведь резкие колебания конъюнктуры — обычное дело для неразвитых рынков.

Важнейшим фактором курсообразования считается состояние баланса по текущим операциям. Выдача кредитов на урегулирование текущих балансов стран-членов — один из основных инструментов МВФ в деле содействия курсовой стабильности. Однако не-

отрицательный баланс по текущим операциям в странах, чьи валюты не участвуют в международном обороте, на практике не гарантирует ровной курсовой динамики, хотя и благоприятствует ей (в 1998 году Россия имела положительное сальдо в размере 700 млн дол., но это никак не уберегло рубль от девальвации). В государствах же, чья валюта доминирует в мире, отрицательный текущий баланс может вполне компенсироваться притоком долгосрочного капитала, что и происходит в США уже многие годы.

До кризисов в Юго-Восточной Азии и России МВФ с подачи США настойчиво рекомендовал развивающимся странам и странам с переходной экономикой жестко привязывать свои валюты к наиболее сильным валютам мира, главным образом к американскому доллару. Считалось, что такой режим валютного курса быстро восстанавливает доверие инвесторов к местной денежной единице, подавляя инфляцию и увеличивая приток капиталов из-за рубежа. События 1997–1998 годов показали, насколько тяжелыми могут быть средне- и долгосрочные последствия такой политики. Обязательства правительств поддерживать жесткие паритеты и прозрачность сведений о работе центральных банков (в том числе о величине официальных резервов) позволили спекулянтам «правильно» сориентироваться на местности, точно определить время и характер наступательных действий.

НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ – НОВЫЕ РЕЦЕПТЫ

Если испытанные методы действуют все с меньшей эффективностью и явно не соответствуют вызовам времени, значит, нужны новые решения. Их усиленно ищут, особенно после 1997 года. Новые или значительно модернизированные в последнее время способы валютно-финансовой стабилизации можно разделить на три группы: 1) региональное сотрудничество, 2) международное регулирование и 3) использование новых операционных технологий. Кроме того, в стадии обсуждения находится еще одно средство международной валютной стабилизации – увязка курсов основных валют.

Валютная стабилизация в рамках отдельного региона – процесс, в принципе, отработанный. Таким путем шла Западная Европа после Второй мировой войны: в 1950 году был создан Европейский платежный союз, в 1972 году – уже под эгидой Европейского экономического сообщества – «валютная змея», в 1979 году – Европейская валютная система, наконец, в 1999 году – Экономический и

валютный союз. Упорство европейцев диктовалось хозяйственной необходимостью: для большинства стран региона торговля с соседями составляла больше половины всего внешнеэкономического оборота, а разнонаправленное движение курсов после распада Бреттон-Вудской системы нарушало традиционные товарные потоки.

Европейский опыт давно стал образцом для подражания: им попытались воспользоваться в Центральной Америке (в 1964 году Гватемала, Коста-Рика, Никарагуа и Сальвадор подписали Соглашение о Центральноамериканском валютном союзе) и в Африке (в 1975 году 16 стран Экономического сообщества Западной Африки (ЭКО-ВАС) создали Западноафриканскую клиринговую палату). В ноябре 1997 года 14 стран Юго-Восточной Азии создали Манильскую рамочную группу (*Manila Framework Group*), которая должна была разработать механизмы управления кризисами. Затем Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур и Таиланд заключили СВОП-соглашение (*ASEAN Swap Arrangement*) о кредитах. Система (аналогичная действовавшей в ЕС в 1980–1990-е годы) позволяет стране, валюта которой подверглась атаке, получить иностранную валюту для интервенций под залог государственных ценных бумаг. В мае 2000 года все страны АСЕАН, а также Китай, Япония и Южная Корея подписали в Таиланде соглашения о соответствующем расширении зоны действия данного механизма. Документы получили название «Инициативы Чианг-Май» (*Chiang Mai Initiative*). К весне 2003 года действовало уже 10 двусторонних кредитных линий на общую сумму 29 млрд дол. и еще три находились в процессе согласования.

Как видно, объем кредитов, предоставляемых в рамках инициативы, совсем не велик. Тем не менее организаторы считают, что она дает важный сигнал рынкам, так как центральные банки, увеличивая резервы, получают дополнительные возможности противостоять спекуляциям. По мнению азиатских экономистов, ценно и то, что данные средства доступны по первому зову, тогда как финансовая помощь МВФ приходит с большим опозданием. Кроме того, кредиты МВФ всегда являются жестко обусловленными. Правительства не спешат обращаться за ними, боясь морального давления, вмешательства во внутреннюю политику и усиления оттока капиталов из страны.

Из остальных регионов мира, где имеются планы валютного сотрудничества, реальный шанс есть, разве что, у СНГ. Хотя в ближайшие 20–30 лет единая валюта здесь наверняка не появится, тем не

менее страны Содружества способны значительно продвинуться по пути консолидации своего валютно-финансового пространства. Определенные результаты уже достигнуты. В 2000 году начали действовать банковская ассоциация «Объединенная платежная система Содружества» и Международная Ассоциация бирж (МАБ) стран СНГ. В 2001 году Межпарламентская ассамблея СНГ приняла модельные законы «О рынке ценных бумаг» и «О валютном регулировании и валютном контроле», также было разработано Соглашение о принципах организации и функционирования валютных рынков стран Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС). В 2002 году девять стран СНГ договорились о создании Совета руководителей государственных органов по регулированию рынков ценных бумаг, была разработана Конвенция об интеграции фондовых рынков стран СНГ.

Перечисленные шаги сегодня имеют лишь косвенное отношение к проблеме стабилизации валютных курсов. И все же они содействуют увеличению масштабов и степени развития национальных валютно-финансовых рынков, что является одной из ключевых предпосылок для повышения их устойчивости. В перспективе введение коллективной расчетной единицы (подчеркну — не единой валюты), совместные действия по дедолларизации и реализация мер, аналогичных азиатской инициативе, могли бы заметно укрепить позиции валют СНГ.

Из международных инструментов валютно-финансовой стабилизации наиболее известным является налог Тобина. В 1972 году американский экономист, будущий лауреат Нобелевской премии Джеймс Тобин выступил с идеей обложить в масштабах всего мира спекулятивные движения капиталов особым налогом в размере до 0,1 % от суммы операции, а вырученные средства направить на нужды развивающихся стран. После финансовых кризисов 1997–1998 годов дискуссия об этом налоге наконец перешла в практическую плоскость. О его необходимости официально заявили правительство Финляндии, парламент Канады, президент Бразилии, а также различные парламентские фракции США, Великобритании, Франции, Бельгии, Италии. В 2001 году 40 членов Европейского парламента и национальных парламентов Евросоюза призвали ввести в ЕС налог Тобина, установив его на двух уровнях: нормальном и экстренном. Последний мог повышаться до 50 % при угрозе резкого обесценения той или иной валюты. Однако руководство Союза отклонило инициативу, сославшись на то, что налог вынудит бизнес уйти в офшорные зоны и в результате он скорее дестабилизирует

рынки, нежели упорядочит их. Сейчас меры, аналогичные налогу Тобина, применяются на некоторых фондовых площадках: в Сингапуре сделки облагаются налогом в размере 0,2 %, в Сянгане — 0,4 %, в США — 0,0034 %, во Франции — от 0,3 до 0,6 %. Перспективы того, что налог Тобина будет введен сразу во всем мире — а только в этом случае он имеет смысл, — весьма призрачны.

Наконец, еще один тип методов валютной стабилизации — применение новых информационных технологий. Здесь основную нагрузку несет частный бизнес, а не государство. Как отмечалось выше, в 1990-е годы многие страны создали системы скоростных расчетов, сначала национальные, а потом трансграничные. В ЕС сейчас действует две крупные международные системы. Первая из них — ТАРГЕТ — проводит двусторонние расчеты между банками из разных стран через их центральные банки и специальную стыковочную платформу. Вторая — Евробанковская ассоциация — работает на основе многостороннего клиринга между коммерческими банками-участниками, а роль расчетной палаты выполняет Европейский центральный банк. Эти системы не только сократили время прохождения платежей (до нескольких минут), но и устранили валютные риски, поскольку по своей природе они могут работать только в одной валюте.

Что касается страхования валютных рисков, то это еще одна сфера, где требуются и уже начались перемены. Такие давно существующие на рынках инструменты страхования валютных рисков, как форварды, фьючерсы, опционы, уже не способны удовлетворить растущие требования бизнеса к инфраструктуре рынка. С сентября 2002 года в США начал действовать БПСР — Банк продолженных связанных расчетов (*Continuous Linked Settlement Bank*), созданный крупнейшими банками мира при взаимодействии с семью центральными банками. Данный механизм позволяет значительно снизить риск при проведении многовалютных платежей (возникающий из потенциальной возможности не получить купленную валюту после поставки проданной). В системе участвуют финансовые институты США, Европы и Юго-Восточной Азии — их число возросло с 42 в ноябре 2002 года до 70 в июле 2003 года. За это же время доля нового банка в общем объеме мирового валютнообменного рынка увеличилась с 16 до 50 %, теперь он ежедневно осуществляет сделки на сумму более 600 млрд долларов. Операции ведутся в семи валютах: долларах США, евро, японских иенах, фунтах стер-

лингов, швейцарских франках, канадских и австралийских долларах. К ним планируется добавить еще шесть валют: шведскую, датскую и норвежскую кроны, а также сингапурский, гонконгский и новозеландский доллары.

Еще одно широко обсуждаемое средство международной валютной стабилизации — увязка курсов доллара, евро и, возможно, иены. В 1985 и 1987 годах страны «большой семерки» заключили сначала Соглашение «Плазы» (*Plaza Agreement*), а потом Луврское соглашение (*Louvre Accord*) с целью снизить завышенный тогда курс доллара и выровнять курсовую динамику. При отклонении котировок на 2,5 % начинались добровольные односторонние интервенции, при отклонении на 5 % — обязательные многосторонние. Больше подобные действия никогда не предпринимались.

В конце 1998 года — перед введением евро — идея увязать курсы двух или трех основных валют снова вышла на авансцену. Возможность создания коридора долго обсуждалась лидерами США, ЕС и, отчасти, Японии, но в конце концов она была отвергнута. Главное препятствие состоит в том, что модели рыночной экономики в США, ЕС и уж тем более Японии, сильно отличаются друг от друга. Не совпадают и не будут совпадать их экономические циклы, что делает невозможной синхронизацию инфляции и процентных ставок. Кроме того, объявление пределов колебаний наверняка дало бы повод спекулянтам для атак на одну из валют, а средства центральных банков США и ЕС не достаточны для результативных интервенций. Вопрос об увязке курсов вновь поднимался на недавней встрече «большой восьмерки» в Эвиане, однако вероятность того, что такая увязка действительно состоится, минимальна. Лучшим исходом данной дискуссии может быть закрытая договоренность о координации общих направлений валютной политики, например об управлении официальными резервами.

Казалось бы, в решении специфических валютных проблем развивающихся стран и стран с переходной экономикой одну из ключевых ролей должны играть МВФ и другие международные организации. Тем не менее они почти ничего не сделали в этой области. Наличие у развивающихся и «переходных» стран особых механизмов курсообразования, отличных от тех, что характеризуют промышленно развитые государства, до сих пор не получило официального признания. Им все еще предлагаются рецепты, пригодные для доллара, евро, иены и других международных валют. При этом иг-

норируются очевидные факты — а именно то, что инфляция там может расти и при зажиме денежной массы (она пополняется за счет иностранной валюты); что вследствие долларизации целые сегменты денежного рынка выводятся из-под влияния центрального банка; что импорт не оплачивается национальной валютой, а валютные рынки неглубоки и плохо держат удар.

Региональные кризисы конца 1990-х годов, вернее, неспособность их предвидеть и купировать, стали основанием для резкой критики МВФ со стороны как пострадавших государств, так и лидеров промышленно развитых стран, деловых кругов и мировой элиты в целом. Выяснилось, что фонд, располагавший первоклассными специалистами и проводивший жесткую «воспитательную работу» с развивающимися странами, оказался беспомощным в ситуации, когда от него требовались решительные действия.

В конце 2001 года МВФ опубликовал доклад о реализованных и готовящихся инициативах по предотвращению кризисов. Представленные в нем меры в основном касаются финансовых рынков, а непосредственно валютному регулированию посвящен всего один подраздел — о золотовалютных резервах. Точно так же в центре внимания Форума финансовой стабильности, созданного в 1999 году «большой семеркой», находится не что иное, как финансовый и пруденциальный надзор, координация действий и обмен информацией в данной области. (Форум собирается дважды в год на уровне министров финансов, представителей центральных банков и органов банковского надзора стран «большой семерки», Нидерландов, Сингапура, Австралии и Гонконга.) Бесспорно, курсовая динамика зависит от экономической политики, от состояния финансовой сферы и поведения зарубежных инвесторов. Но дело не только в этом. В 1990-е природа валютных кризисов изменилась. Теперь они имеют собственные причины, далеко не всегда проистекающие из слабой бюджетной дисциплины и безответственной государственной политики.

НА ПУТИ К ПЯТОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЕ

Последовательная смена четырех международных валютных систем включала в себя два параллельных процесса: вытеснение из обращения золота и переход валютного лидерства от одной страны к другой. В первом случае мы имеем дело с эволюцией собственно денег, во втором — с использованием национальной валюты в качестве мировой.

Выше было показано, что современная Ямайская система становится все менее эффективной. Ее конструктивные элементы не справляются с возрастающей нагрузкой. Пустоты, возникающие из-за снижения активности традиционных инструментов, заполняются лишь в небольшой части. Что может спровоцировать закат системы? До сих пор таким толчком являлись войны или тяжелые экономические кризисы, однако, как показал опыт Югославии и Ирака, локальный характер военных конфликтов XXI века, в которых к тому же применяются точечные удары и высокотехнологичное, нелетальное оружие, только лишь деформирует траекторию обменных курсов. К счастью, невелика и возможность глубочайшей депрессии в мире или в США.

Ямайскую систему подточат не катаклизмы, а высокие технологии. Они заявят о своих институциональных правах. До XIX века, когда мировыми деньгами были серебро и золото, покупателя и продавца не интересовало, чей герб красовался на монетах. По мере отступления золотого стандарта одни валюты приобретали функции мировых, а другие уходили с международной арены. Критерием отбора было то, насколько те или иные национальные валюты могли выполнять функции денег на внешних рынках. К концу XX века большинство национальных денежных единиц стали конвертируемы, однако они по-прежнему не обслуживают мировую торговлю. Россия не покупает китайские товары за рубли, а Китай не продает их за юани, хотя ни та ни другая сторона не ограничивает движение капитала по текущим операциям. Двусторонний бартер крайне неудобен, а многосторонний возможен только в общей расчетной единице.

Таким образом, доллар, евро и несколько других общепризнанных валют работают в качестве мировых денег именно потому, что урегулирование гигантской паутины международных платежей технически невозможно в поливалютном режиме. Это касается не только торговли и инвестиций, но и валютных рынков, на которых девять сделок из десяти совершаются с целью купли или продажи долларов. Поскольку большинство валют не обмениваются друг на друга напрямую, доллар США выполняет функцию денег на рынках, где продаются и покупаются деньги других стран.

Как только удастся наладить поливалютные многосторонние платежи, спрос на главенствующие валюты, особенно на доллар, уменьшится, а международное значение прочих валют начнет воз-

растать. Искомое техническое решение, скорее всего, будет найдено в течение десяти лет — к нему, как видно на примере применения оптико-волоконных технологий, уже подбираются. Балансировать платежи в 150 валютах не обязательно — для радикального перелома достаточно сделать это в валютах 20–30 стран, на которые приходится более 4/5 мировой торговли и финансовых потоков. Третьи страны, например Грузия, смогут перевести свою внешнюю торговлю с долларов на валюты основных партнеров — евро, российские рубли, турецкие лиры.

Данная система значительно сократит транзакционные издержки. Новая парадигма, кроме того, будет означать, что мировые деньги совершат виток в развитии, вернувшись в ином качестве на линию, от которой они начали движение при отмене золотомонетного стандарта. Единой мировой валюты не потребуется. А в процессе интернационализации имеющиеся центростремительные силы (региональные валютные организации) будут сочетаться с валютной полифонией.

В целом пятая валютная система может иметь следующий вид: развитая сеть поливалютных платежей для двух-трех десятков наиболее значимых денежных единиц плюс несколько региональных ареалов продвинутого валютно-финансового сотрудничества. Первый, ключевой элемент схемы имеет шанс материализоваться до конца десятилетия. Возможно, это произойдет и раньше, по крайней мере в отдельных сегментах финансовых рынков. Ждать осталось недолго.

Восток и Запад

“Ислам все еще ждет появления мощного движения либеральных интеллектуалов и средств массовой информации, которые пропагандировали бы терпимость и западную систему ценностей. Сторонники реформ в мусульманском мире ждут сегодня содействия от свободного мира”

Куда идет Центральная Азия? *Аскар Акаев*

88

Холодная война возвращается *Ариэль Коэн*

97

Критическое мышление и обновление ислама *Рафаэль Хакимов*

108

Знание как религиозный долг
Из доклада Программы развития ООН

119

Как сделать Персидский залив безопасным *Кеннет Поллак*

127

Куда идет Центральная Азия?

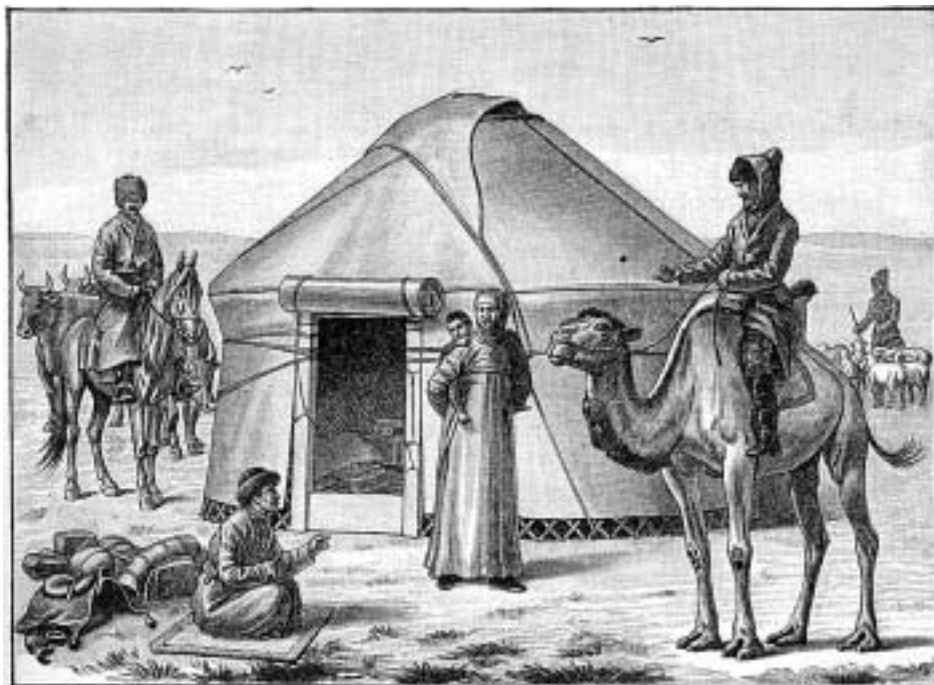
Аскар Акаев

Историческую судьбу пяти постсоветских государств, образующих Центрально-Азиатский регион, предопределила география. Им навеки суждено строить свою совместную жизнь с учетом того, что по соседству расположены две великие державы – Россия и Китай. Но в современных условиях к ним добавляется третья – Соединенные Штаты Америки, государство, которое, исходя из характера его внешней политики, можно назвать «соседом всех стран на всех континентах мира».

Нынешняя ситуация в Центральной Азии для меня, физика по профессии, представляется сходной с системой из трех тел и сопутствующих дискретных локальных элементов, которую можно описать при помощи хорошо известного математикам динамического уравнения. Подобное уравнение имеет множество решений. В нашем случае необходимо определить, какие из них оптимальны с точки зрения интересов как этих трех тел, так и входящих в систему локальных элементов. Очевидно, что для последних, а это как раз и есть центральноазиатские государства, приемлемы лишь такие решения, которые предоставляют им достаточную степень свободы для стабильного, устойчивого развития. Подобная схема выглядит весьма метафизичной, но на самом деле она тесно сопряжена с глобальными и региональными политическими реалиями.

Сегодня нет ни одного крупного явления международной жизни, которое можно было бы рассматривать без учета американского фактора. События 11 сентября 2001 года были агрессивным вызовом не только Америке, но и международному правопорядку, всей мировой стабильности. Соединенные Штаты действовали жестко и

А.А. Акаев – президент Кыргызской Республики.

Традиционная киргизская юрта.
E.v. Seydlitz. Grosses Lehrbuch der Geographie, Breslau, 1905

твердо, руководствуясь при полной поддержке мирового сообщества принципом «кто не с нами, тот против нас». Была быстро сформирована широкая антитеррористическая коалиция. Современная история еще не знала в военно-политической области подобного динамизма.

Не все в Афганистане идет гладко, но позитивные итоги действий коалиции налицо. Снижение давления особенно очевидно в Центральной Азии. Страны региона приняли верное решение, присоединившись вместе с Россией к широкой международной коалиции и предоставив свою инфраструктуру в ее распоряжение. Это своего рода образец коллективных действий на глобальном уровне.

События вокруг Ирака развивались по иному сценарию. Теперь, когда осела первая пыль после иракской войны, можно подвести предварительные итоги и прогнозировать будущее. Я придерживаюсь той точки зрения, что при любом повороте событий с иракской земли впредь не придет угроза применения оружия массового уничтожения. Навсегда подорвана сама основа его создания. Необратим процесс демократизации Ирака. И возникает далеко не академический вопрос: какой будет иракская демократия?

Мировой опыт показал, что нет и не может быть универсальной формулы демократии, одинаково применимой ко всем временам, странам и народам. Эта мысль подтверждается ходом событий на постсоветском пространстве. Строительство демократии в Ираке тоже будет иметь свои особенности. Но главное то, что движение к демократии там уже не остановить. Уверен: процесс этот пойдет вглубь и вширь. В итоге в наиболее турбулентной части мира — на Ближнем Востоке — в недалеком будущем появится новый демократический островок. А это значит, что мир станет более безопасным.

На Ближнем Востоке, как ни в какой иной части мира, требуется тщательно взвешенная, мудрая политика. Ее основы должны закладываться великими державами, прежде всего Россией и Соединенными Штатами. Укрепляющееся сотрудничество и взаимодействие этих двух государств внушает оптимизм.

За прошедшие 12 лет на обломках рухнувшего Советского Союза сложились новые независимые государства. Выжить им удалось лишь на основе мощного массового подъема национального самосознания. Ныне никто не ставит под сомнение экономическую и политическую живучесть новых государств Центральной Азии, хотя, как известно, в мире существует немало стран, которые принято на американский манер называть «несостоявшимися государствами». Новые независимые государства Центральной Азии состоялись и уверенно смотрят в будущее. А это означает, что в совокупности они стали важным геополитическим фактором и вправе претендовать на самостоятельную нишу в мировой политике.

Вместе с тем, несмотря на провозглашенное равенство суверенных государств и более высокий уровень демократизации межгосударственных отношений, подлинными субъектами международных отношений все еще считается лишь ограниченная группа крупных государств, да и то с определенными исключениями. Из трудов таких корифеев политологии, как Генри Киссинджер и Збигнев Бжезинский, из статей многих других американских экспертов вытекает, что неоспоримое право на свои национальные интересы и моральные ценности признается лишь за Соединенными Штатами, остальным же отводится роль чуть ли не исполнителей заокеанских замыслов. Стремление иных стран иметь собственное мнение и выстраивать политику на основе национальных интересов вызывает у некоторых американских деятелей нескрываемое раздражение.

Практически во всех ведущих «мозговых центрах», подавляющее большинство которых находится в США и наиболее развитых странах Запада, концепции современного миропорядка выстраиваются на основе американо- или западоцентричных моделей. В малых же странах, по существу, нет собственных исследовательских центров, способных выйти на уровень «мозговых центров» крупных стран. Между тем без глубокого проникновения в суть новых теорий и подходов трудно выстраивать сбалансированную внешнюю политику.

В последнее время в мире развернулись ожесточенные дискуссии вокруг вопроса о судьбе Организации Объединенных Наций. Кое-кто готов пустить под откос организацию, которая верой и правдой служит миру вот уже 58 лет. Собственные огрехи эти силы цинично пытаются списать на ООН.

При любом повороте событий великие державы и крупные страны, как правило, находят выход, создавая организации, союзы и блоки по своим лекалам. Возьмите, к примеру, идею мирового правительства, вполне, казалось бы, оправданную в условиях глобализации. Эта идея довольно настойчиво звучит применительно к «большой восьмерке», которую предлагают «снабдить» исполнительными органами. Но ведь, по сути, это было бы правительство олигархов, пусть и сформированное из весьма уважаемых членов мирового сообщества.

В случае краха Организации Объединенных Наций сокрушительный удар будет нанесен прежде всего по интересам малых стран. ООН и действующая под ее эгидой семья международных организаций – это единственное место, где малым странам предоставляется трибуна, где они могут быть услышаны и поняты. Я буду неустанно призывать не только к сохранению ООН, но и к усилению ее роли и ответственности, что, разумеется, потребует ее реформирования в соответствии с новой обстановкой в мире.

В каком направлении развивается внешняя политика государств Центральной Азии? Не секрет, что в их внешнеполитических приоритетах существует немалый разнобой. Считается, что одни страны ориентируются на Россию, другие тяготеют к Соединенным Штатам. Дело в том, что 12 лет, прошедших после распада СССР, – недостаточный срок, чтобы полностью определиться в приоритетах, выстроить сбалансированную, согласованную систему внешних связей. На внешнюю политику центральноазиатских государств действуют внутренние и внешние силы разновекторной направлен-

ности. И все же главное влияние оказывают на нее глубинные факторы, связанные с историей региона, менталитетом народов, особенностями их культуры, национальными традициями и обычаями, сложившимися вековыми межнациональными связями и т. д. На первое место я без колебаний поставил бы российский фактор. Географическое соседство с Россией сыграло определяющую роль в исторической судьбе народов Центральной Азии.

Существуют полярные точки зрения на роль России в центральноазиатской истории. Негатив усматривают главным образом в колониальной политике России XIX века. Однако я уверен, что альтернативы в тот период не было. Объединиться в единое государство мы не могли. Даже попытки к объединению привели бы к таким междоусобицам и конфликтам, в огне которых мы сгорели бы все вместе. Хорошего колониализма в истории никогда не было и не могло быть. Но российский колониализм был намного либеральней, чем его классический тип, надолго закрепившийся в Африке и Азии.

Не могу не отметить с благодарностью особую роль России в исторической судьбе киргизского народа, в частности, в первые годы советской власти. Киргизская автономная область, преобразованная позже в АССР, была включена тогда в состав РСФСР, что предотвратило этническое поглощение киргизов другими народами, проживавшими в республиках Туркестана, и в конечном счете вывело их на самостоятельное, суверенное развитие.

Здравомыслящие люди в Центральной Азии, не отягощенные националистическими предрассудками, осознают позитивную роль России в развитии региона. Для Центральной Азии советская эпоха была поистине эпохой ренессанса в сфере здравоохранения, культуры, образования и науки.

С Россией нас связывают взаимные симпатии, которые, укоренившись в прошлом, передаются по эстафете новым поколениям. Именно благодаря России мир узнал центральноазиатские культуры, а регион сохранил национальное многоцветье. Сохраняется тяга к русскому языку и российской культуре при более чем сдержанном отношении к западной культуре. Москва остается центром культурного притяжения для центральноазиатских народов.

В основном сходны по характеру процессы политических и демократических преобразований в постсоветских странах. Выстроенные в свое время по общему плану, экономические уклады России и Центральной Азии взаимосвязаны и дополняют друг друга. В слу-

чае удвоения российского ВВП, о чем говорил президент Путин, Россия превратится в локомотив для центральноазиатских экономик. Запад никогда не будет играть для нас эту роль. Он скорее нуждается в нашем сырье, чем в наших готовых товарах; российский же рынок открыт для нас в намного большей степени. Как сообщалось в печати, президент Узбекистана Ислам Каримов после августовской встречи в Самарканде с президентом России Владимиром Путиным заявил: «У нас была некая эйфория, когда мы обращали внимание на далекие страны, которые якобы должны были заполнить вакуум после распада СССР. Мы убеждаемся в том, что допустили много ошибок из-за этой эйфории».

Благоприятны перспективы наших отношений с Россией в свете популярного ныне цивилизационного подхода. Исходя из идей Арнольда Тойнби об исторических судьбах цивилизаций, можно считать, что ислам и православие в условиях Центральной Азии сосуществуют в рамках гармоничного симбиоза, в котором проявляются черты, присущие мегацивилизации. Ее можно было бы назвать евразийской. Подобного межцивилизационного взаимопонимания нет ни в одной части мира.

И главное: мы расположены на одной и той же части огромного евразийского материка и как соседи одинаково заинтересованы в общем благополучном будущем. Свидетельств взаимного сближения центральноазиатских государств и России становится все больше. Это и Организация Договора о коллективной безопасности, и Шанхайская организация сотрудничества, и система межгосударственных договоров и соглашений. Уверен, что тенденция в сторону сближения с Россией будет нарастать.

Можно спросить, не слишком ли радужными представляются мне перспективы развития отношений стран Центрально-Азиатского региона с Россией? Нет. Нельзя жить только сегодняшним и завтрашним днем. Правительства приходят и уходят. Бушуют и будут бушевать политические страсти. Все это — преходящие явления. Остаются народы — хранители извечных исторических ценностей и традиций. Остаются геополитические факторы, а также сама география. Ведь Россия не случайно пришла в свое время в Центральную Азию. Путь тернист, но и на новом витке истории Центральная Азия подойдет к особым отношениям с Россией. Без тесного сотрудничества с этим давним и проверенным соседом у нее просто нет будущего. Однако движение это должно быть встречным. Только в

таком случае — и это проверено многовековой практикой — можно достичь максимального эффекта.

Насколько Россия и страны региона будут свободны в выстраивании своих взаимоотношений, в немалой степени зависит от политики Китая и Соединенных Штатов. Опыт последнего десятилетия убедил нас, что Китай является нашим добрым соседом, нацеленным на всестороннее сотрудничество. Успешно, хотя и не без трудностей, возникших в том числе из-за наших внутренних проблем, удалось решить вопросы пограничного размежевания с Китаем, оставшиеся от царских и советских времен. Как мне кажется, усиление российского влияния в регионе особенно не беспокоит Китай. В Пекине хорошо понимают, что присутствие России в Центральной Азии обусловлено естественным ходом истории.

Сложнее обстоит дело с Соединенными Штатами, которые включают Центральную Азию в сферу своих стратегических интересов. В условиях новых угроз, связанных с международным терроризмом, религиозным экстремизмом, наркотрафиком и другими глобальными вызовами, внимание американских политиков к Центральной Азии возрастает. Практическим подтверждением тому стал приход США в регион в связи с антитеррористической операцией в Афганистане. Многие полагают, что американская политика в регионе направлена на вытеснение из него России. По этой причине нынешнее военное присутствие США в Центральной Азии, сроки которого зависят от множества факторов, рассматривается преимущественно через призму российско-американского противостояния. По моему мнению, такой подход вряд ли оправдан.

Линия на вытеснение России из нашего региона, если таковая у США вообще существует, была бы недалековидной и не учитывала бы существующих реалий. Особые отношения связывают Киргизию с Россией отнюдь не потому, что Россия находится близко, а Америка — далеко. Просто история — мудрый советчик, и мы прислушиваемся к ее голосу.

Здравомыслящие американские политики не могут не понимать, что стремление США к военно-политическому закреплению в регионе, к созданию плацдарма, находящегося между «российским молотом» и «китайской наковальней», представляло бы немалый риск. Подобные устремления не встречают широкой поддержки в большинстве стран Центральной Азии. Стратегические интересы США

в регионе могут быть реализованы иными, исключаящими конфронтацию способами.

У Китая и США и так хватает двусторонних проблем, и новый, центральноазиатский, очаг противостояния не пойдет им на пользу. В этих условиях шансы на укрепление политических позиций России в регионе намного возрастают. Так что упомянутое выше уравнение, относящееся к системе «трех тел», в Центральной Азии, как мне кажется, имеет и такое решение, при котором предпочтительные позиции получает Россия. Есть еще одно важное обстоятельство. Как высказался известный американский эксперт по азиатским проблемам Раджан Менон, «маловероятно, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя ответственность за безопасность Центральной Азии».

Не исключено, что по мере укрепления российско-американских отношений Вашингтон согласится с тем, что Москва имеет неоспоримое право на вхождение Центральной Азии в зону ее интересов. В этом случае «центральноазиатский мандат России» был бы признан международным сообществом. При всех условиях роль России в Центральной Азии будет в перспективе повышаться. Любые планы по выдавливанию России из региона заранее обречены на провал.

Особый характер киргизско-российских отношений состоит в том, что они оказывают немалое влияние на внешнюю политику других стран региона. Наши двусторонние отношения представляют собой своего рода позитивный образец. Они основаны на базовом договоре о дружбе и сотрудничестве, но главное — на подписанной в июле 2000 года Декларации о вечной дружбе, союзнчестве и партнерстве. Подобных документов Россия с другими странами не подписывала. В декабре 2002-го во время визита Владимира Путина в Бишкек мы заключили Соглашение о сотрудничестве в области безопасности. 23 октября 2003 года президент Путин торжественно открыл авиационную базу в киргизском Канте, которая предназначена для обеспечения деятельности коллективных сил быстрого развертывания, созданных в рамках Организации Договора о коллективной безопасности. По существу, мы ведем линию на превращение Киргизии в опорную политическую базу России в Центральной Азии. Это показывает, до какого уровня мы готовы поднимать киргизско-российские отношения.

Со стороны некоторых российских политических деятелей и средств массовой информации между тем время от времени разда-

ются голоса, критикующие политику Киргизии в отношении США. Утверждается, будто киргизско-американские связи идут вразрез с российскими интересами. В ответ на критику мне хотелось бы сформулировать концепцию доктринального характера, на основе которой можно было бы определить степень свободы для стран, связанных союзническими отношениями, — своего рода «коридор возможностей» в выстраивании их отношений с третьими странами. Идея такова: государства — партнеры по военно-политическим союзам, не нанося ущерба интересам своих союзников и выполнению взятых в рамках союзов обязательств, вправе устанавливать и налаживать такие отношения с третьими странами, которые по своему характеру сходны с отношениями других входящих в соответствующие союзы государств с этими третьими странами.

Таким образом, главенствующим должен быть принцип «и-и», а не принцип «или-или». Подобной линии Киргизия придерживается, в частности, в отношениях и с Россией, и с Соединенными Штатами. С политической и практической точек зрения этот подход, основанный на демократических принципах, полностью оправдан, тем более в условиях, когда Москва и Вашингтон неуклонно ведут линию на укрепление дружественных отношений стратегического партнерства.

Итак, куда же идет Центральная Азия? Готов вновь и вновь утверждать: на избранном пути маяком для региона должна служить Россия. «Россия дана нам Богом и историей», — написал я в своей книге «Памятное десятилетие». На том и стою.

Холодная война возвращается

Борьба с терроризмом и опыт идеологического противостояния

Ариэль Коэн

Стратегия национальной безопасности, принятая администрацией Буша в сентябре 2002 года, призывает «начать борьбу идей в целях победного завершения войны с международным терроризмом». Это больше чем очередная военно-политическая кампания. Битва за сердца и умы — это противостояние, которое растянется на десятилетия. В ее основе должна лежать объединенная стратегия публичной дипломатии в сочетании с негласной политической деятельностью, к которой Соединенные Штаты не прибегали уже полвека — с начальных стадий холодной войны против коммунизма. Наши противники в новой битве — не отдельные государства или коалиции, а многочисленные радикальные организации и поддерживающие их правительства. Войну идей не следует путать с психологическим воздействием — боевым тактическим приемом, применяемым с конкретной целью подорвать моральный дух противника. Спектр задач намного шире. Но шире и круг тех, кто заинтересован в победе.

Идеологическая война радикального ислама направлена против западных ценностей — самих принципов свободы, равенства и равных возможностей. Убийство ни в чем не повинных мирных жителей и акции смертников считаются «законными» методами ведения джихада, «священной войны». Стратегическая задача исламистов состоит ни больше ни меньше как в создании современного халифата — панисламского государства, обладающего ядерным оружием. В качестве промежуточной цели называется свержение умеренных и прозападных режимов и установление в

Ариэль Коэн — доктор философии, ведущий научный сотрудник фонда «Наследие» (США).

этих странах диктатуры ислама. Воинствующие исламисты выдали себе карт-бланш на притеснение и физическое уничтожение тех, кто осмеливается оспаривать их политизированное толкование Корана, и потому приверженцы светских и умеренных взглядов постоянно находятся под угрозой.

Исламистские военные группировки насчитывают десятки тысяч активных членов, имеют сотни тысяч пособников и миллионы сочувствующих на Ближнем Востоке, в Южной Азии, в Европе, в Северной и Южной Америке. Согласно опросу компании «Гэллап», результаты которого опубликованы в феврале 2003 года, большинство представителей исламского мира от Марокко до Индонезии настроены резко отрицательно по отношению к Америке. Результаты опроса свидетельствуют о существовании большого разрыва между реальными фактами и тем, как их воспринимают в исламском мире и на Западе.

Теракты в Америке послужили мощным толчком к началу борьбы за сердца и умы народов Ближнего Востока, Центральной Азии, Индийского субконтинента и Юго-Восточной Азии. Учитывая, что речь идет об обществах, либо уже попавших под влияние радикального ислама, либо подвергающихся соответствующей идеологической обработке, можно сказать, что на выполнение этой задачи уйдут многие годы.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И РЕЛИГИОЗНЫЕ КОРНИ ТЕРРОРИЗМА

Идеология террора уходит корнями в раннее Средневековье, когда появились радикальные толкования основ мусульманской религии. Их приняли на вооружение хараджиты (VIII век) — членов этой секты, первыми обратившихся к практике политических убийств «еретиков», считают виновными в смерти имама Али, племянника пророка Мухаммеда, — и ассасины (XI век).

Старейшая из ныне действующих фундаменталистских организаций «Братья-мусульмане» («Аль Ихван Аль-Муслимун») была основана в Египте в 1929 году. Один из ее идеологов Сайид Кутб (он был казнен в 1966 году по обвинению в заговоре с целью свержения режима Гамала Абдель Насера) говорил, что смерти заслуживают не только неверные, но и те из арабских лидеров, кого называют «куфр» — недостаточно приверженные исламу. Насилие разрешено и в отношении мусульман, не разделяющих радикальной

исламистской идеологии или же выступающих против отдельной фундаменталистской организации или группировки. Именно так оправдывали в 1952 году убийство короля Иордании Абдаллы, прадеда нынешнего монарха Абдаллы Второго).

Нынешний глава «Братьев-мусульман» шейх Юсуф аль-Карадави, авторитетнейший религиозный деятель-суннит, утверждал в интервью телеканалу «Аль-Джазира»: исламский закон обязывает всех правоверных присоединиться к джихаду, объявленному талибами. «Террор тех, кто защищает свою родину, свои права... законен... Каждый имеет право стать “живой бомбой” и взорвать себя... Сотни богословов учат нас, что подобные мученические акции суть одна из высших форм джихада во имя Аллаха».

Богословы и преподаватели уважаемого в исламском мире каирского университета Аль-Аджар тоже не раз призывали к единению исламских государств и к войне с Соединенными Штатами. Они предупреждали, что те, кто помогает Западу в войне против движения «Талибан», совершают преступление, состоящее в отступничестве от ислама и карающееся смертью (рида). Один из преподавателей трактует терроризм как «устрашение»: «Устрашение не всегда запрещено религиозным законом... Америка сама навлекла на себя погибель своей порочной политикой... Даже если нынешние правительства арабских стран поддерживают Америку, сами они не более долговечны, чем облака».

Террористические организации, прежде всего палестинские, пользуются поддержкой и со стороны светских государств, которые используют терроризм в своих политических целях. Среди таких государств Сирия и Ливия, а еще совсем недавно был и Ирак. Экстремисты находят прибежище и в странах — союзницах США, включая Египет и Саудовскую Аравию. Например, крупный фонд «Мувафак», управляемый известным бизнесменом Ясином аль-Кадди и семьей бен Махфус, включен Госдепартаментом США в список спонсоров терроризма, однако он открыто функционирует в Саудовской Аравии и странах Персидского залива.

Многие радикальные проповедники ислама, предводители террористических организаций и их сторонники злоупотребили свободами, предоставленными им на Западе — в Великобритании, Франции, Германии и даже самой Америке. Абдурахман Аламуди, в прошлом исполнительный директор Американского мусульманского совета и «посол доброй воли» Госдепартамента в мусуль-

манских странах, публично призывал общественность поддержать террористические организации ХАМАС и «Хезболла». Организация Аламуди способствовала сбору пожертвований в пользу радикальных исламистских организаций, таких, как «Братья-мусульмане».

Египетский шейх Абу Хамза, разыскиваемый на родине, бывший доброволец, воевавший в Афганистане и Боснии, один из главных пропагандистов радикального ислама за рубежом, спокойно живет в Лондоне и проповедует в мечети в Финсбери-парк. До сих пор почти ничего не сделано для пресечения деятельности сетей «благотворительных» организаций при мечетях, занимающихся финансированием террористических организаций.

Борьба правоверных против оккупации Ирака стала очередным лозунгом в идеологическом антизападном арсенале, находящемся на вооружении сторонников воинствующего ислама. Среди прочих

Пришло время в полном масштабе восстановить политический потенциал ЦРУ, возродить тайные операции

лозунгов можно упомянуть обвинения в оккупации Страны двух мечетей (Саудовской Аравии), борьбу за контроль над мечетью Аль-Акса на Храмовой горе в Иерусалиме и против существования Израиля, борьбу против индийского присутствия в

Кашмире и российского — в Чечне. (Еще в одном пункте — обвинениях против американского культурного империализма и пропаганды разврата Голливудом — наблюдается редкая солидарность между французскими левыми интеллектуалами, муллами-фундаменталистами и почвенниками от Мексики до Москвы.)

Иракская антизападная «коалиция» — это «гремучая смесь» приверженцев партии Баас, представителей радикальных суннитов (например, связанного с «Аль-Каидой» движения «Ансар аль-Ислам»), и радикальных шиитов, добивающихся создания в Ираке шиитской исламской республики (один из лидеров — мулла Муктада Садр).

ШКОЛА ТЕРРОРИЗМА

Как свидетельствует организация *Freedom House*, в 2001 году ислам являлся господствующей религией в семи из десяти самых недемократических стран мира (это Афганистан времен правления талибов, Ирак при Саддаме Хусейне, Ливия, Саудовская Аравия, Судан, Сирия и Туркменистан).

Сочетание застоя в экономике большинства исламских стран (за исключением Малайзии) с продолжающимся приростом населения оборачивается постоянным снижением уровня жизни. Как правило, самое острое недовольство испытывают молодые люди, которых возмущает коррупция, недостаточное участие в политической жизни и в управлении государством. Неудовлетворенность экономической отсталостью, несовершенством образовательной системы, несоблюдением прав человека они выражают единственным дозволенным способом – нападают на США, Запад и Израиль, обвиняя их в заговорах против мусульманского мира. Антизападные настроения среди мусульман – даже в Соединенных Штатах – начинают насаждать уже в средней и начальной школе.

«За последние два десятилетия от 15 до 25 тысяч медресе по всему исламскому миру превратились в тренировочные базы, на которых были подготовлены 4 миллиона будущих террористов», – сообщает ветеран американской журналистики Арно де Борчгрейв. Школы джихада прямо или косвенно финансируются различными фондами или отдельными гражданами Саудовской Аравии и стран Персидского залива. Особенно ярко это проявилось в суннитском мире, но то же можно сказать и о шиитах в Иране и Ливане. По свидетельству де Борчгрейва, в Пакистане религиозные школы превратились в фабрики джихада еще во времена советской оккупации Афганистана. Учащихся готовили для борьбы против индийских сил в Кашмире, а сегодня от полумиллиона до миллиона студентов обучаются приемам «священной войны» против Соединенных Штатов, государств Центральной Азии, Турции, России и Израйля. Дар-аль Улум Хаккания (Университет познания истины), расположенный в Акора-Хаттаке, гордится своими выпускниками: из его стен вышли девять из десяти лидеров движения «Талибан». Только в декабре 2001 года президент Первез Мушарраф наконец приказал тогдашнему министру внутренних дел изучить связи медресе с талибами. Суждено ли этому расследованию когда-нибудь завершиться?

Влияние радикального ислама в пакистанской армии настолько сильно, что не исключены переворот против нынешнего президента Мушаррафа и приход к власти генерала, стоящего на позициях джихада. (Недавно вышедшая в США книга Джералда Познера «Почему Америка проспала – провал в предотвращении 11 сентября» (*Why America Slept: The Failure to Prevent 9/11*) подробно

описывает причастность пакистанских военных и саудовских спецслужб к подготовке «Аль-Каиды».)

Таким образом, пакистанскую ядерную программу можно расценить не только и не столько как национальную или общемусульманскую, а именно как суннитскую, а в будущем, возможно, и как находящуюся на вооружении радикалов. Вопрос о совместной разработке системы противоракетной обороны против иранских и пакистанских арсеналов, в которой участвовали бы США, Россия, Западная Европа, Индия, Турция и Израиль, может весьма скоро стать актуальным.

Поскольку весь исламский мир живет в ужасающей бедности, медресе зачастую являются единственным источником бесплатного образования для неимущих. Однако ученикам, как правило, не дают знаний, которые могли бы помочь им найти место в мирной жизни. Все больше внимания уделяется боевой подготовке и религиозному воспитанию.

Подобный подход к обучению хорошо иллюстрируют афганские учебники времен правления талибов, рекомендованные для детей в возрасте шести лет. Первоклассники изучали язык пушту на следующих примерах: «Всякий, кто хочет исполнить волю Аллаха, должен вступить в Священную войну против неверных под знаменем ислама». Детям восьми лет рассказывали об автомате Калашникова и о том, сколько человек можно убить с помощью ручной гранаты. Немногим лучше уровень «обучения» в Палестине, где в школьных учебниках и в детских телепрограммах типа «Улицы Сезам» пропагандируются «подвиги» террористов-смертников.

Абд аль-Хамид аль-Ансари, декан факультета исламского права Катарского университета, призвал к серьезным изменениям в школьной программе, к реформам в сфере образования и СМИ. По его мнению, терроризм как элемент господствующей культуры «укоренен в сознании жертв закрытого обучения, исключаяющего всякий плюрализм».

Медресе являются рассадниками радикализма не только в Пакистане и странах Ближнего Востока. Недавно несколько видных британских служителей ислама с сожалением констатировали, что английские мечети утратили контроль над процессом религиозного обучения подрастающего поколения. «Добровольцы» из стран Ближнего Востока приезжают в Англию, чтобы принять участие в «промывании мозгов» мусульманской молодежи.

ОСТАНОВИТЬ ЭКСПАНСИЮ!

К сожалению, многие политики и интеллектуалы Западной Европы не понимают или не желают понимать угроз, связанных с ростом влияния радикального ислама среди быстрорастущего мусульманского населения Франции, Германии, Нидерландов и других стран. Тамошние мусульмане не только не интегрируются в либеральное общество, а, наоборот, отторгаются от него из-за непрекращающейся пропаганды радикальных проповедников джихада, постоянно курсирующих между мусульманскими странами и Европой. Во Франции власти просто боятся 5–7 миллионов мусульман, проживающих в стране. Британские спецслужбы думают, что держат радикалов под колпаком, но свидетельств иллюзорности этого мнения все больше. Так, в мечетях Лондона постоянно идет сбор средств и вербовка добровольцев на джихад в «Чечнистане».

С точки зрения истории и культуры Россия относится к европейской цивилизации с христианскими корнями. Сепаратные сделки с исламскими фундаменталистами, заигрывания с ними приведут к активизации исламистской радикальной пропаганды не только на Северном Кавказе, где она уже идет полным ходом, но и в Казани, Уфе и в Сибири. Президент Путин, побывавший в октябре 2003 года на саммите Организации Исламская конференция в Малайзии и прослушавший откровенно антисемитскую, наполненную ненавистью ко всему неисламскому миру речь премьер-министра Махатхира Мохамеда, имел возможность убедиться, что за идеология царит даже в этой относительно умеренной среде.

Тем не менее России следует всерьез задуматься о решении чеченского кризиса. Сегодняшняя ситуация, когда там гибнут и мирные жители, и сотни российских военнослужащих, неприемлема ни для россиян, ни для политиков Европы и США. Тяжелая ситуация, в которой находятся беженцы и мирное население, вызывает сочувствие в СМИ и у леволиберальных элит Запада. Если избрание Ахмада Кадырова президентом не приведет к замирению (а это маловероятно), необходимо предпринять попытку расколоть лагерь сепаратистов. Националистическому крылу движения могут быть предложены амнистия и участие в широкой автономии и прозрачных выборах, давление же спецслужб и военных на террористическое исламистское крыло следует усилить. Многие на Западе считают, что именно Чечня есть камень преткновения на пути дальнейшей интеграции Российской Федерации в евроатлантические структуры.

РОСТКИ ЛИБЕРАЛИЗМА

Ряды сторонников умеренного ислама и либерально-светской модели правления в мусульманском мире сегодня слабы и малочисленны. Есть организации, призывающие к соблюдению демократических норм и прав человека, к мирному сосуществованию и взаимному уважению как внутри различных исламских общин, так и между конфессиями. К примеру, общество «Ибн Хальдун», возглавляемое марокканкой Фатимой Мернисси, призывает западные державы прекратить финансирование отсталых правительств, нарушающих права женщин и меньшинств.

Пакистанец Муктедар Хан охарактеризовал теракты 11 сентября как «позорное пятно в истории нашей религии» и призвал мусульман «вспомнить строки Корана, где Аллах прямо говорит, что убить невинного — все равно что убить весь род людской». Хан напомнил единоверцам и о том, что израильтяне с бóльшим уважением относятся к миллионному арабскому населению страны, нежели иные арабские правительства — к собственным гражданам. Он указывает на наличие двойного стандарта: в то время как Соединенные Штаты, Австралия и десятки других стран предоставляют гражданство палестинским беженцам, все арабские государства, за исключением Иордании, предпочитают содержать их в специальных лагерях; исламский мир не реагирует на убийство или притеснение мусульман в самих исламских странах.

Ислам все еще ждет появления мощного движения либеральных интеллектуалов и средств массовой информации, которые пропагандировали бы терпимость и западную систему ценностей. В свое время такие организации, как польская «Солидарность» и «Хартия-77» в Чехословакии, получили серьезную поддержку Запада. Точно так же сторонники реформ в мусульманском мире ждут сегодня действия от свободного мира. Оказывая такую помощь, Запад должен говорить на понятном для другой стороны языке, не навязывая свои оценки, которые могут задеть чувства людей, воспитанных в другой культуре.

ВОЗРОДИТЬ ОПЫТ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Война идей требует выработки стратегии, включающей в себя подготовку и привлечение к работе специалистов по языку и культуре указанных стран, а также долгосрочных финансовых вложений и стойкости. По масштабам такая борьба вполне сравнима с холодной

войной. В то время как американские военные и НАТО показывают высокую эффективность на поле боя, операции по послевоенному строительству хромают. Поле образования и пропаганды в огромной степени в руках антизападных исламских проповедников, готовящих в исламских школах миллионы будущих моджахедов для борьбы с Западом. (В их понимании Запад — это не только США и Израиль. Это и Россия.) Важно сформировать местные институты, которые могли бы функционировать в сотрудничестве с американскими структурами.

Попытки Госдепартамента, Пентагона и Белого дома воздействовать на зарубежную аудиторию по линии общественных связей пока имели ограниченный успех. Опыт пропагандистских батальонов времен холодной войны в значительной степени утерян. Возможности и бюджет соответствующих институтов резко сократились, опытных сотрудников отправили на пенсию, государство перестало поощрять знание языка и культуры других стран. Никто не предполагал, что услуги Информационного агентства США (*USIA*), созданного когда-то для борьбы с коммунистической пропагандой, так скоро понадобятся вновь.

По завершении холодной войны *USIA* перешло в ведение Госдепартамента. Многие функции, связанные с публичной дипломатией, были переданы региональным подразделениям или Управлению публичной дипломатии при Госдепартаменте. Ряд важных проектов, таких, как создание доступных библиотек и программ по переводу книг, был прекращен или снят с финансирования. То же коснулось теле- и радиовещания на зарубежные страны.

Недолго просуществовавшее Управление стратегического влияния при Пентагоне едва прошло стадию разработки. Критики утверждали, что это была попытка сочетать несочетаемое: связи с общественностью и психологическое воздействие. Борьба за сердца и умы потребует сдержанного и реалистичного подхода, и не последнюю роль здесь сыграют квалифицированные и преданные делу специалисты по региону и по связям с общественностью.

Руководство идеологической составляющей восстановления Ирака должно перейти из ведения Пентагона в Совет национальной безопасности (СНБ), которому уже поручена реконструкция в целом. В какой-то степени СНБ становится эквивалентом международного отдела ЦК КПСС. Необходимо задействовать весь арсенал холодной войны, имевшийся на вооружении обеих сторон,

привлечь российский (советский) опыт тех времен — особенно в международном информационном обеспечении военных операций и внешней политики вообще. Необходимо совместное использование российских подходов, мобилизация интеллектуальных ресурсов, таких, как кадры востоковедов, лингвистов, географов и т. д., а также лучшее, что осталось из идеологического опыта прошлого. Возможно, стоит провести совместное российско-американское исследование по применению американских и российских информационно-идеологических методов с выработкой конкретных рекомендаций.

Американский опыт холодной войны показывает, что наиболее действенным оружием является журналистика. Есть ряд проектов Госдепартамента в сфере арабских СМИ. К работе над ними привлечены несколько бывших послов Соединенных Штатов, владеющих арабским языком. Было создано несколько сайтов, перенасыщенных сухой информацией, но этого явно недостаточно. Подготовка к выходу в эфир Ближневосточной вещательной сети оказалась невероятно долгим делом. В течение полугода с момента теракта в Америке арабская радиосеть так и не заработала, в то время как «Голос Америки» впервые прозвучал в эфире уже через три месяца после бомбардировки Перл-Харбора — в феврале 1942 года. К тому же профессионалы международного вещания сомневаются в эффективности редакторского контроля за деятельностью местных журналистов-мусульман. Всем хорошо известно, что мусульманские режимы и террористические организации широко применяют тактику запугивания как «своих», так и западных журналистов и их семей.

Радикальный ислам, пропаганда джихада должны быть поставлены вне закона, быть таким же табу, как пропаганда человеческих жертвоприношений, каннибализма, рабовладения. А для этого требуются публикации на национальных языках материалов, пропагандирующих религиозную терпимость, отделение религии от государства, равноправие женщин и этнических меньшинств. Необходимы более открытое теле- и радиовещание, личные контакты, программы по обмену и т. д. Это и должно стать главной задачей США и их союзников на данном направлении борьбы с глобальной террористической угрозой.

Что же касается других средств публичной дипломатии США, таких, например, как дорогостоящие программы культурного обмена, возможно, потребуется переоценка и реорганизация. Ведь на

данный момент в мусульманском мире найдется, очевидно, не много людей, горячо интересующихся американским джазом и современным балетом.

Особенности противника, спектр угроз и атмосфера, в которой развивается противостояние, таковы, что идеологическую борьбу не всегда удастся вести открыто. Пришло время в полном масштабе восстановить политический потенциал ЦРУ, реализовать возможности ведения тайных операций, негласной политической деятельности. Об этих возможностях не вспоминали с 70-х годов прошлого века.

Идеологическая война продлится долго, и вести ее нужно осторожно, иначе может возникнуть впечатление, что США и их союзники противопоставляют иудейско-христианскую цивилизацию исламу в целом. Главным принципом борьбы и залогом победы станет эффективная работа с элитой исламского общества, перемена ее мировоззрения и привлечение к идеологической борьбе. При этом главное оружие Америки и ее союзников в идеологической войне — это правда об обществе, в котором живут люди, об их правителях, о лидерах террористических организаций. В основу стратегии должно лечь продвижение идей личной свободы и уважения к жизни, вероисповеданию и собственности другого человека.

Идеи обладают сокрушительной силой, и последствия применения слов, образов и символов сравнимы с применением орудий и ракет. Если весь свободный мир во главе с США не одержит победу на новом идеологическом фронте, возникновение новых террористических организаций будет лишь вопросом времени. И, скорее всего, на этот раз в руках у них окажется настоящее оружие массового уничтожения.

Критическое мышление и обновление ислама

Рафаэль Хакимов

ТАКЛИД И ИДЖТИХАД

Сложился некий стереотип, одинаково свойственный мусульманам и немусульманам: ислам един, у него не может быть ни этнических, ни географических, ни каких-либо иных форм. Этот тезис может сосуществовать с прямо противоположным утверждением о своеобразии исламских традиций у разных народов.

Мир состоит из наций, которые не сливаются, даже если исповедуют одну религию. В Коране сказано: «К числу чудес Его принадлежит создание небес и земли, разнообразие ваших языков и цветов» [30:22]¹. Если бы Господь захотел, он бы всех создал единым народом, говорящим на одном языке.

Шиизм и суннизм, исмаилизм, суфизм и другие есть не что иное, как своеобразные течения ислама, возникшие исходя из потребности в них той или иной эпохи, государства и определенных социальных слоев. Суннитская богословско-правовая школа ханбалитов отвергла рационализм и возвела предание о пророке Мухаммеде (Сунна) как источник права на уровень Корана, проявляла нетерпимость к нововведениям, чем воспользовались впоследствии ваххабиты. Ханифизм (также школа суннитского толка) как наиболее гибкая доктрина допускал применение обычного права в качестве дополнения к шариату, что упрощало деловые отношения и быт разных народов. Он также учитывал этнические традиции. Каждая из четырех школ мусульманского суннитского права (мазхабы) содержала элементы, привлекательные для того или иного народа. Любопытно, что татары воспри-

Р.С. Хакимов – государственный советник по политическим вопросам при президенте Республики Татарстан, директор Института истории Академии наук Татарстана.

няли ханифизм из Азии, с которой находились в тесных торговых отношениях. Багдадский халифат пытался привлечь населявших Волжскую Булгарию предков татар на свою сторону и в 922 году направил туда посольство во главе с Ибн Фадланом. Однако эта миссия не увенчалась успехом, так как у болгарского государства имелись более веские, чисто прагматические соображения: для его развития было важнее сохранить торговые отношения с Бухарой, Хорезмом. Потребности диктовали конкретные формы ислама.

Мазхабы, появившись в IX–XI веках в ходе естественного развития ислама, впоследствии были канонизированы, и с тех пор основными чертами ислама стали неукоснительное следование авторитетным учениям правовых школ (таклид), а также запрет на новые толкования Корана, что консервировало мысль и общественные отношения. Понятие прогресса стало чуждым исламу. Если в Средние века вся Европа внимала мудрости мусульманских ученых, то впоследствии понятия творчества, рационализма, обновления выпали из лексикона ислама. За нововведение полагалась смерть. А ведь пророк Мухаммед говорил: «Воистину, Аллах в начале каждого столетия будет посылать умме человека для обновления религии». Как сочетать данное предписание со слепым подражанием – таклидом? Одно исключает другое. Для обновления требуется самостоятельное критическое мышление – иджитihad.

В начале становления ислама критическое мышление в качестве метода применяли даже по отношению к Сунне. Но в X столетии имело место явление, которое в мусульманском богословии определяется как «закрытие врат иджитхада». Критическое, аналитическое мышление оказалось под запретом. Все, что нужно, мол, уже разработано в рамках существующих богословско-правовых школ. Даже сегодня известный турецкий теолог Хайдар Баш пишет, что эти школы давно произвели анализ всех религиозных проблем, основываясь на самых достоверных принципах². Данное утверждение предполагает, что жизнь остановилась и в мире не происходит ничего принципиально нового. Коран допускает существование рабов: в шариате они приравнены к имуществу наравне с верблюдом. Эти нормы, как и многие другие, нуждаются в пересмотре – не вводить же снова рабство.

На самом деле не жизнь остановилась, а исламская мысль перестала развиваться. В мусульманских странах не делается фундаментальных открытий, не изобретаются высокие технологии и не производится современная техника. Все это стало уделом Запада.

Время от времени в разных странах появлялись реформаторы ислама, но им было непросто, порой они рисковали жизнью. Они остались одинокими борцами, о которых не любят вспоминать. Но в татарской среде произошла реформация ислама не только в теории, но и на практике.

В 1804 году татарский богослов Курсави написал трактат, в котором призвал к модернизации ислама. Он утверждал: «Вы не истинные и правоверные мусульмане. Вы отступили от Корана Аллаха и преданий Пророка». Курсави отверг толкования богословско-правовых школ и предложил обратиться к самой Священной книге и критически оценить существующие традиции. Однако при этом для Курсави общественное мнение не могло выступать критерием истины. Он считал, что ученый, убежденный в истинности своих рассуждений, в их соответствии «прямому пути», мог выступать от имени общества мусульман, а потому имел право действо-

В разных странах появлялись реформаторы ислама, но они остались одинокими борцами.

вать по собственному усмотрению, даже если его поступок осуждался большинством. Человек, отстаивающий истину, равновелик общине. Эта мысль была революционной. С Курсави начинается религиозное тече-

ние, получившее название «джадидизм» (ал-джадид в переводе с арабского — обновление, реформа) и распространившееся среди мусульман Поволжья, Крыма и Средней Азии в конце XIX — начале XX веков.

Главный пафос этого течения состоял в борьбе против слепого подражания авторитетам — за критическое мышление, высокий уровень образования любого мусульманина, равноправие мужчин и женщин, толерантность в отношении к другим религиям, открытость культурным достижениям Европы. Вся современная татарская культура имеет источником джадидизм. После революции 1917-го он дал о себе знать в теории «исламского социализма», основателем которого был Мирсаид Султан-Галеев. Большевики не могли ее воспринять, и Султан-Галеев пал первой жертвой сталинских чисток, но его идеи получили широкое распространение в арабском мире. Последний татарский богослов-реформатор Муса Бигиев был вынужден эмигрировать из страны в 1930 году.

Борьба татарских реформаторов со средневековыми традициями явилась одним из проявлений вечного противостояния прогресса с

отсталостью. В начале XXI века вызовы времени ставят перед исламом ту же самую проблему модернизации.

ПЛЮРАЛИЗМ В ИСЛАМЕ

Ислам далеко не монолит, как иногда его представляют. В мекканский период жизни Пророка (609–622 гг.) аяты Корана были обращены ко всем людям. Сказано: «О люди, Мы создали вас от мужчины и женщины; Мы разделили вас на народы и племена, чтобы вы знали одних других» [49:13]. Там нет различий в правах мужчины и женщины, запрещается применение силы для обращения в ислам, ясно выражено терпимое отношение к людям других религий.

Но уже в мединский период (после 622 г.) Коран предписывает арабам: «Убивайте их (язычников. — **Ред.**) всюду, где встретите, и выгоняйте отовсюду, откуда они вас выгнали» [2:191]. Утверждается неравноправие женщин. Сказано: «Мужчины выше женщин тем, чем Бог возвысил их одних над другими, и тем, что они дают им из имущества своего» [4:34].

Противоречия между стихами мекканского и мединского периодов слишком очевидны, и их невозможно примирить. Поэтому мусульманские правоведы посчитали аяты мекканского периода отмененными, как более ранние. Но сам Пророк не исключал их из текста Корана. Как известно, под его непосредственным контролем были подготовлены главные учителя Корана. Мухаммед очень внимательно следил за правильностью заучивания сур.

Дело не в том, что одни стихи объявлялись отмененными, а другие действительными; следует понять, что они обращены к разным аудиториям, к разным эпохам. Это исключительно важно с точки зрения современности. Ваххабизм ориентируется на насилие в борьбе с другими религиями и даже течениями в исламе. Призывая к «чистоте» ислама, он на самом деле следует ханбалитской интерпретации в ее крайнем выражении с полным отрицанием рационализма: Коран якобы понять нельзя, в него можно только уверовать. Тем самым утверждается традиционализм, не признающий никаких новых явлений. Но времена меняются, а вместе с тем и многие положения нуждаются в современном толковании.

Например, война с неверными в Средние века имела смысл, ибо тогда политика силы была обычным явлением. Пророк различал малый джихад с применением силы и высший, который предполагает

мирное продвижение ислама с помощью Корана. Сказано: «Не повинуйся неверным, но веди с ними упорную войну этой книгой и мечом» [25:52]. Малый джихад был нужен, когда существовала угроза мусульманам со стороны других государств, когда ислам завоевывал новые территории, ведя себя адекватно средневековой эпохе. Сегодня вопросы войны и мира регламентируются иначе. Поэтому под джихадом следует понимать то, что оно буквально и означает, а именно: «усердие», битву с материальным миром за духовное начало, борьбу с неверием в себе. Такой смысл дан Господом на все времена. Малый джихад, если он справедлив, объявляется в целях самообороны, для борьбы с насилием и тиранией, что вполне вписывается не только в текст Корана, но и в рамки международного права.

Во времена Пророка Мухаммеда не было оружия массового поражения. Тогда призывы к борьбе с неверными несли совершенно другой смысл и предполагали иные средства. Сегодня мусульманам следует опираться на вечную идею всеобщей солидарности, ниспосланную в мекканский период, ибо человечество, стремящееся к добру, и есть одно из проявлений Аллаха.

ТАТАРСКАЯ СУБЦИВИЛИЗАЦИЯ

Татары в силу ряда исторических причин оказались в специфических условиях, требовавших особого напряжения интеллектуальных и физических сил. Они жили в Российской империи – православном государстве, которое терпело мусульман вынужденно и ограничивало их в правах настолько, насколько могло. В частности, татарам было запрещено создавать светские учебные заведения, образование на татарском языке могло быть только религиозным, в результате чего ведущие медресе стали средоточием самой передовой мысли.

Татары были вынуждены конкурировать с русскими, причем в гораздо худших экономических и правовых условиях. На национальный бизнес легла тяжелая ноша финансирования всей системы образования, так как государство не считало это своей обязанностью. Причем задача оказалась настолько масштабной, что к XX веку среди татар не осталось неграмотных людей.

Наконец, нельзя не сказать еще об одном факторе, повлиявшем на развитие ислама среди татар. Государство не вмешивалось в ислам, поскольку считало себя ответственным только за православие. Это создало атмосферу свободного развития татарского богословия. Такая ситуация не могла сложиться ни в одной мусульманской

стране, где правители неизбежно диктовали свои условия совету улемов (ученые-богословы), который был вынужден подстраиваться под интересы сильных мира сего. Для татар модернизация стала внутренним и логичным процессом развития самого ислама.

Миллионы мусульман выросли в России с убеждением, что живут и должны жить в светской стране, считаясь с той культурой, которая выработана за многие столетия. Сегодня Татарстан, как и Россия в целом, производит высокотехнологичную продукцию, что требует развития собственных научных школ и системы высшего образования. Наши главные конкуренты находятся на Западе, а потому мы вынуждены вводить стандарты, близкие к европейским. Мы не можем ориентироваться на такие исламские страны, как Судан, Пакистан, Иран и др. Там не производят тяжелых грузовиков, самолетов и вертолетов, они лишь потребители этой продукции, а значит, не в силах помочь нам стать более конкурентоспособными.

Мусульманская умма (сообщество) существует как цивилизация, объединяющая людей одной веры. Но есть и отдельные мусульманские народы со своим национальным суверенитетом. У каждого народа специфические условия существования: климат, окружение, потребности. Татары волею судеб оказались северным форпостом ислама, они находятся на границе Запада и Востока не только географически, но и в культурном плане. Этим во многом объясняются особенности исламской субцивилизации в Татарстане и России ³.

ЕВРОИСЛАМ: КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ

По социологическим опросам, среди татарской молодежи свыше 80 % считают себя мусульманами, но только 2 % посещают мечеть не реже раза в неделю, 4 % — раз в месяц. Откровенных атеистов в Татарстане меньше 1 %, но и соблюдающих все религиозные обряды мало. Очень немногие (1–3 %) посещают занятия по основам религии (ислам и православие)⁴.

Татарская молодежь стремится в современные университеты, а многие ориентируются на европейские учебные заведения, предпочитая из иностранных языков английский, который помогает в бизнесе, политике, науке. Татары (горожане/селяне), желающие, чтобы их дети знали арабский язык, составляют 13 % / 25 %, на турецкий ориентированы 10 % / 19 %, на западноевропейские языки

– 74 % / 33 %. Среди молодежи количество желающих изучать западноевропейские языки еще выше, чем среди их родителей. Тенденция такова, что арабский превращается в ритуальный или же чисто профессиональный язык.

В то же время любой татарин, даже плохо владеющий татарским языком, считает себя мусульманином. Он может не посещать мечеть, не читать молитв, плохо знать шариат, тем не менее ислам – его культура. Он одинаково ценит светскую и религиозную, европейскую и азиатскую культуру, для него не существует барьеров между Западом и Востоком, поскольку татарская цивилизация, как открытая система, все это органично соединяет.

Под термином «евроислам» следует понимать современную форму джадидизма – неодадидизм, который в большей мере отражает культурологический аспект ислама, нежели его ритуальную часть, оставляя последнее на усмотрение самого человека. Отправная точка евроислама – критическое мышление иджитihad как метод современного толкования Корана, как гарантия постоянного прогресса мусульманской культуры.

В богословской литературе считается, что есть те, кто достоин, и те, кто недостоин анализировать Священную книгу. Египетский ученый Юсуф аль-Кардави, призывая к свободе мышления, в то же время пишет: «Недопустимо оставлять положение дел таким, когда каждый желающий имел бы доступ к иджитihadу, ибо это приведет к анархии и смуте»⁵. Трактовкой ислама якобы должны заниматься только избранные, невежественная толпа не имеет на это право. Богословы ссылаются на выдающихся мыслителей Средневековья, которые ограничивали круг людей, имевших право на независимость мышления. Это вполне объяснимо. В то время уровень образования населения был таков, что не все могли позволить себе размышления на богословские темы. Сегодня всеобщая грамотность и доступность высшего образования меняют ситуацию – каждый может самостоятельно изучать Коран, причем на родном языке.

Ислам постепенно переходит на национальные языки, и это правильно, ибо Господь слушает наши сердца, а самое сокровенное легче выразить не на арабском, а на родном языке. Малазийский теолог Сейд Мухаммад Накыб аль-Атгас ввел понятие мусульманского языка, под которым он понимает «внедрение базового словаря мусульманской терминологии в языки народов, исповедующих эту религию»⁶. Действительно, татарский язык насыщен арабизма-

ми, которые достаточно полно отражают мусульманскую терминологию и фактически делают лишним для широкого круга верующих знание арабского языка. Лингвистическая национализация ислама представляется неизбежной в XXI веке.

Об исламе в основном судят по ритуалам, которые несли важную социальную функцию, особенно в условиях Средневековья. Сегодня многие исторические нормы потеряли свою значимость. Например, запрет рисовать образ человека был связан с конкретным периодом в становлении ислама, когда велась борьба с идолами. Но сегодня нет необходимости расстреливать из пушек изваяния Будды, как это сделали талибы в Афганистане, чтобы доказать свою правоту. Дикость и ислам несовместимы. Господь не приемлет слепого поклонения. Пророк Мухаммед сказал: «Аллах не любит ненужного фанатизма и крайностей в проявлении веры».

Приверженность ритуалам не может служить критерием для отличия верующего от неверующего. Абу-Ханифа говорил: «Мы не должны принимать их за верующих или неверных, исходя из тех очевидных для нас фактов того, что они признают, а что отвергают в своих речах, [исходя] из [их] норм и религиозных церемоний. Если мы встретим людей, о которых ничего не знаем кроме того, что они [посещают] мечети, направляются на [нашу] киблу и вершат молитвы [как мы], то посчитаем верующими... Поэтому мы считаем, что должно принимать людей за верующих, исходя [лишь] из очевидных для нас фактов. Хотя может случиться, что для Аллаха они неверные. Других же мы посчитаем неверными, исходя из очевидных для нас признаков неверия, если нет в них ничего от признаков веры. Хотя может случиться, что для Всевышнего Аллаха они верующие...»⁷ (Кибла – направление на Каабу, которому надо следовать при совершении молитв. – Ред.) Если человек сказал: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед – Пророк Его», тогда он верующий, а ритуалы и обряды лишь укрепляют эту веру, но не определяют ее.

Религия из церковного действия, социального феномена все больше становится интимным, духовным, сугубо личностным. Люди не любят вмешательства в свою жизнь и внешнего диктата, предпочитая свободный внутренний выбор.

Праведность состоит в том, что люди становятся цивилизованными, культурными, образованными. Пророк Мухаммед сказал: «Для всего есть свой путь. Путь же в рай открывает знание». Приор-

бретение знаний есть главнейшая обязанность мусульманина. Это категорический императив. Истинный мусульманин – образованный человек, уважающий и постигающий науки. Стремление познать себя, окружающий мир, Вселенную и есть познание истины, то есть самого Аллаха. Сказано: «Он все обнимает знанием Своим» [65:12]. Любая наука, любое знание есть шаг к Господу, который ждет не слепого поклонения, а пользы от деятельности человека. Пророк Мухаммед советовал: «Кто научится сколько-нибудь наукам с целью научить других, тому Бог даст спасение семидесяти святых». Подменять ритуалами великую роль знаний противоречит исламу.

По смыслу Корана правоверный не может быть рабом Аллаха, потому что у него была свобода выбора и он сознательно исповедует исламские заповеди. Ислам – религия свободного человека.

Между человеком и Господом нет посредника. Священнослужители и община – это всего лишь помощники или учителя, не более того. Когда Господь призовет в Судный день, там не будет рядом ни имама, ни муфтия, ни общины. Там не будет адвокатов.

Ислам призывает к справедливости, а это не бывает без равенства мужчины и женщины. Стихи Корана в сурах «Женщины», «Свет», «Союзники» закрепляют неравноправие женщины. Они написаны в мединский период. Для той эпохи положения шариата в отношении прав женщин были самым передовым законодательством в мире. Но сегодня они выглядят анахронизмом.

Верховенство мужчины над женщиной признается в Коране при условии, что мужчина обеспечивает безопасность женщины и содержит ее [4:34]. В странах, где эти функции берет на себя общество, а женщина экономически независима, исчезает основание для такого верховенства. Женщина нуждалась в опеке в средневековом обществе, где тяжелый физический труд падал на плечи мужчин. Сегодня исчезает разделение труда по половому признаку.

Полигамия (как и исламское право наследования, процедура развода) ставит женщин в неравноправное с мужчинами положение. Справедливость не бывает без равноправия, а ислам – это сама справедливость. Все люди от рождения свободны и равны. Здесь не имеют значение физиология или происхождение, раса или язык, религия или страна.

В стихах Корана, ниспосланных в Мекке для всего человечества и на вечные времена, нет различий в положении женщин и мужчин. Это и должно стать основным принципом шариата XXI века.

Полнота прав, которыми пользуются женщины, и степень уважения к ним определяют силу самого общества.

Ислам толерантен. По Корану, Бог един, но религии разные, причем различия нагляднее всего проявляются в обрядах. Если не брать в расчет мединский период откровений, который специфичен ввиду существовавшей тогда необходимости создания исламской общины в условиях враждебного окружения, то в остальном Коран весьма терпим ко всем, творящим добро. Сказано: «Тем, которые уверовали, иудеям, христианам, сабеянам и всем, кто уверовал в Бога и в последний день и кто творил добро, будет награда от Господа, и им не будет ни страха, ни печали» [2:62]. Быть правоверным для Господа предпочтительно, но не является категоричным требованием. Творить добро для людей – безусловное предписание Аллаха.

Пророк Мухаммед продолжал монотеистическую традицию и призывал уважать последователей других религий. Ислам не претендует на то, что божественные блага могут принадлежать только мусульманам. Они ниспосланы всем народам и всем людям без исключения – ведь Аллах милостив и милосерд. Поэтому выдающийся богослов Муса Бигиев утверждал: «Чтобы ни один из несчастных людей не оказался обделенным этим бескрайним милосердием и чтобы перед людьми не закрылись широко открытые ворота бесконечной Его милости, я заявляю, что спасено будет все человечество». Он разработал теорию «абсолютной Божьей милости», по которой благодать Господа объемлет все его творения вне зависимости от вероисповедания. Сказано: «Господи, говорят они, Ты все объемлешь милосердием и знанием» [40:7]. Из этого стиха видно, что милосердием Господа охвачены не только мусульмане, но и все без исключения.

Когда-то воинственность была чертой всех религий. Мусульмане с мечом в руке создавали халифаты. Христиане Европы предпринимали Крестовые походы. Католики и протестанты воевали друг против друга с редким ожесточением. Но меч вложен в ножны. Сегодня важно в каждой религии увидеть призыв к добру и милосердию. Именно это делает человечество уммой – единым сообществом. Международные нормы стали выше, чем интересы отдельных государств и общин, а значит, и шариат нуждается в соответствующей корректировке.

Немусульман не следует объявлять врагами, полагая, что так угодно Господу. На самом деле это угодно экстремистам, не про-

никшим в глубинный смысл коранических стихов. Господь примет человека, если он делает добро и верит. Сказано: «Кто, делая добро, будет в то же время верующим, того усилия не останутся втуне, они будут записаны» [21:94].

После 11 сентября 2001 года в мире нарастает исламофобия, хотя терроризм не имеет религиозной природы. Мир раскололся на христиан, иудеев и мусульман, появилась брешь, которая может стать пропастью. Объединить расколотый мир могут только новые ценности. Они не могут быть только либеральными, но не могут быть исключительно традиционно-исламскими. Сближает Восток и Запад иджтихад, который есть не что иное, как начало либерального мышления. Если свободная личность тянется к образованию и наукам, стремится к прогрессу общества, то это вполне приемлемо как для западной, так и для исламской культуры.

¹ В квадратных скобках даны ссылки последовательно на номер суры и аята Корана в переводе Д.Н. Богуславского. См.: Коран. Стамбул, 2001.

² *Баш Хайдар*. Макалат. Ярославль, 2000. С. 161.

³ Северный Кавказ имеет свои собственные традиции, которые во многом отличаются от норм, характерных для мусульман европейской части России и Сибири.

⁴ *Мусина Р.Н.* Этноконфессиональные процессы в Республике Татарстан. В кн.: Ислам и христианство в диалоге культур на рубеже тысячелетий. Казань, 2001. С. 261–264.

⁵ *Юсуф аль-Кардави*. Современный иджтихад: от беспорядка к порядку. Казань: Иман, 2001. С. 67.

⁶ *Сейд Мухаммад Накыб аль-Атмас*. Введение в метафизику ислама – изложение основополагающих элементов мусульманского мировоззрения. М.- Куала Лумпур, 2001. С. 36.

⁷ *Абу-Ханифа Нуман ибн Сабит*. Трактаты. М., 2001. С. 55.

Знание как религиозный долг

Выдержки из второго Доклада о человеческом развитии в арабском мире

Распространение знаний: проблемы и успехи

Процессы распространения знаний в арабских странах (освоение норм и ценностей и воспитание, образование, работа СМИ и перевод) затруднены в силу глубоко укоренившихся социальных, институциональных, экономических и политических особенностей. Так, исследования показывают, что наиболее распространенная модель воспитания «младшего поколения» в арабских семьях – это авторитарный стиль в сочетании с чрезмерной защитой детей. В результате дети вырастают безынициативными и нерешительными, не вполне самостоятельными и уверенными в себе и приносят меньше пользы обществу. Это пагубно сказывается на мышлении ребенка, поскольку подавляется его природная любознательность.

В арабских странах, особенно в наименее развитых, как прежде, высок процент неграмотных женщин.

Многие дети до сих пор не имеют доступа даже к начальному образованию. Характерно сокращение числа абитуриентов; государственные расходы на образование фактически уменьшаются с 1985 года, снижается качество обучения.

Если, к примеру, на тысячу жителей стран развивающегося мира приходится 285 газет, то в арабских странах этот показатель составляет 53 издания. Цензура стала обычным явлением, газеты и телеканалы закрываются по произволу властей. Большинство СМИ, особенно радио и телеканалы, находятся в государственной собственности.

Правда, за последние два года информационная среда в арабском мире несколько улучшилась, чему способствует зарождающаяся конкурен-

Второй Доклад о человеческом развитии в арабском мире, подготовленный под эгидой Программы развития ООН и вышедший в свет в октябре 2003 года, уделяет особое внимание проблеме построения информационного общества. Полную версию основных положений доклада читайте на сайте www.globalaffairs.ru.

ция. Появилось больше газет, на страницах которых высказываются независимые суждения, — они бросают вызов господству старых, государственных органов печати, овладевших единоличным правом на распространение и интерпретацию информации. Имея представительства за рубежом, эти новые газеты могут обходить государственную цензуру. Некоторые частные спутниковые каналы также начали оспаривать монополию государственных каналов на телевидение.

Уровень доступа к цифровым СМИ — один из самых низких в мире. На тысячу жителей арабских стран приходится всего 18 компьютеров, и только 1,6 % арабского населения имеет доступ к Интернету. В арабском мире практически не развивается переводческое движение, а ведь перевод — это один из важнейших каналов распространения информации и общения с остальным миром.

**Производство знаний:
состояние науки и литературы**

Производство научных знаний сдерживается слабостью фундаментальных исследований, а также почти полным отсутствием перспективных исследований в таких областях, как информационные технологии и молекулярная биология. Неудовлетворительное состояние научной сферы объясняется недостаточным бюджетным финансированием (государство

тратит на научно-исследовательские работы не более 0,2 % ВВП, причем большая часть средств уходит на зарплаты), незначительной институциональной поддержкой и неблагоприятными социально-политическими условиями. На миллион граждан арабских стран приходится не более чем 371 ученый и инженер, занимающийся научно-исследовательскими работами. Это намного ниже среднемирового уровня.

Вместе с тем арабские государства могут по праву гордиться тем, что из-под пера их граждан вышло множество выдающихся литературных и художественных произведений, отвечающих самым высоким критериям. Ведь если наука и технология требуют существенных социально-экономических инвестиций, художники могут творить и без серьезной институциональной или материальной поддержки.

Литературное творчество наталкивается, однако, на серьезные препятствия. Прежде всего это ограниченный размер читательской аудитории, обусловленный уровнем неграмотности и низкой покупательной способностью. Количество книг, издаваемых в арабском мире, не превышает 1,1 % мирового книгопечатания при том, что арабы составляют 5 % населения планеты. Религиозная литература составляет 17 % от общего количества книг, издаваемых в арабских странах, тогда как в других странах она занимает всего 5 % книжного рынка.

Арабский шатер.
E.v. Seydlitz. Grosses Lehrbuch der Geographie, Breslau, 1905

Религия и культура: стимул для распространения знаний

Тесный союз между некоторыми репрессивными режимами и консервативными религиозными учеными-богословами породил такие истолкования ислама, которые были выгодны властям, но неблагоприятно сказывались на человеческом развитии. В частности, это касается таких аспектов существования общества, как свобода мысли, интерпретация суждений, подотчетность режимов народу и участие женщин в общественной жизни. Ограничения на политическую деятельность во многих арабских странах заставили одни

движения уйти в подполье, а другие — рядиться в мусульманские одежды. Лишившись мирных и действенных средств борьбы с несправедливостью на национальном, региональном и мировом уровнях, некоторые политические движения, называющие себя мусульманскими, стали прибегать к ограничительному истолкованию ислама и к насилию как политическому средству. Они раздувают угли нетерпимого отношения как к оппозиционным политическим силам в арабских странах, так и к «чужим», выставляя и тех и других врагами ислама и нагнетая конфликты и противоречия в общественной,

государственной и международной жизни.

Между тем мусульманская вера не только не противопоставляет себя знаниям, но и призывает людей стремиться к знанию и просвещению. Лучшим тому подтверждением служит эпоха процветания арабской науки, для которой был характерен тесный союз между исламской религией и наукой.

Сегодня арабская культура оказывается лицом к лицу с такими вызовами, как усиливающиеся во всем мире культурная однородность и единообразие, проблема «своих» и «чужих», угроза сохранению культурной идентичности. Современная арабская мысль и культура пронизаны тревогой в связи с возможным угасанием языкового и культурного своеобразия, стиранием и распылением национальных особенностей. У арабской культуры, однако, нет выбора: она вынуждена участвовать в новом глобальном эксперименте. Без сомнения, некоторые течения, укоренившиеся в арабской культуре, предпочли бы политику самоустранения и ухода. Они хотели бы видеть отвержение всех ценностей, идей и норм, навязываемых глобальной культурой. Такая стратегия может показаться в каком-то смысле оправданной, однако отказ от взаимодействия приведет лишь к ослаблению и угасанию особенностей арабской культуры, а не к их укреплению и развитию. Открытость, вза-

имодействие, ассимиляция, усвоение, критическая переработка и исследование не могут не стимулировать творческое производство знаний в арабском сообществе.

Арабская культура способна в третьем тысячелетии помочь в создании общества, основанного на знаниях, точно так же, как она это делала в конце первого и в начале второго тысячелетия нашей эры. Более того, сила и богатство арабской культуры повысят способность арабского общества успешно справляться с бурными процессами глобализации.

Приобретение знаний и экономические особенности

Эксперименты арабских стран по переносу и усвоению нужных технологий не привели к желаемому техническому прогрессу; инвестиции не принесли ожидаемой прибыли. Импорт технологий не увенчался их восприятием и широким применением, не говоря уже о распространении и воспроизводстве. Во-первых, в арабских странах отсутствуют действенные системы производства знаний и инноваций. Во-вторых, нет разумной политики, направленной на укрепление тех необходимых ценностей и институциональных структур, которые поддерживают информационное общество. Данные проблемы усугубляются, поскольку существует ошибочное мнение, будто информационное общество можно построить путем импорта науч-

ных разработок при полном отсутствии инвестиций в местное производство знаний. В деле подготовки научных кадров арабские лидеры полагаются на сотрудничество с университетами и исследовательскими центрами передовых стран. При этом они не создают на местном уровне научных традиций, способствующих приобретению знаний.

Одной из главных особенностей производственной структуры, преобладающей в арабских странах, является сильная зависимость от экспорта сырья, прежде всего нефти, и упование на внешнюю ренту. Такая модель экономики по типу «рантье» обрекает арабское сообщество на импорт научных кадров извне, поскольку это быстрый и легкий путь. Но тот же путь приводит к ослаблению внутреннего спроса на знания и потере благоприятных возможностей для производства знаний в своих странах и их эффективного использования в экономической деятельности.

Спрос на знания в арабских странах упал не только из-за колеблющихся показателей экономического роста и производительности труда за последнюю четверть прошлого века, но и в силу чрезмерной концентрации богатства в руках немногочисленной элиты. Тот факт, что огромная доля арабского капитала инвестирована в индустриально развитые страны и, следовательно, выведена с арабского рынка, лишний раз подтверждает

известную закономерность: с точки зрения человеческого развития знание имеет не само обладание деньгами и богатством, а эффективность их вложения.

Изменение ценностей и критериев успеха

После обретения независимости во многих арабских странах у власти оказались режимы, которые мало отличались от деспотичных форм правления в древней и новейшей истории. Процесс распределения власти в арабских странах, который иногда совпадал с процессом распределения богатства, оказывал влияние на нравственное состояние общества и отдельных людей. Погоня за личной наживой, преобладание частных интересов над государственными и общественными, коррупция и нравственное разложение в обществе, отсутствие честности и отчетности и многие другие общественные болезни были так или иначе связаны с неравномерным распределением власти, неизбежно порождающим социальную несправедливость. Первой жертвой стало правосудие.

Нефтяной бум также сыграл свою роль в размывании некоторых ценностей и общественных стимулов, которые могли бы благотворно сказаться на творческой деятельности, а также способствовать приобретению и распространению знаний. Общественная значимость измерялась только деньгами и размером состояния;

при этом никто не обращал внимания на то, как эти состояния приобретались. Право собственности и обладание имуществом вытеснили такие достоинства, как знание и интеллект. Вместе с ними были преданы забвению независимость, свобода и критическое мышление.

Репрессии и маргинализация притупляли в людях стремление к достижениям и счастью, сводили на нет приверженность идеалам. В результате среди широких слоев населения распространились такие опасные явления, как полное равнодушие к жизни и политическая апатия.

Центробежные тенденции в социально-экономической и политической жизни региона в сочетании с центростремительными тенденциями в других странах привели к усилению утечки мозгов. Чтобы противодействовать этому, нужно, во-первых, использовать знания и квалификацию арабской диаспоры за рубежом, а во-вторых, предлагать арабским экспатриантам привлекательные стимулы для временного или окончательного возвращения на родину — в частности, интересную и творческую работу в их родных странах. Этого можно добиться лишь путем реализации серьезной программы в области человеческого развития.

Внутренние и внешние вызовы знаниям

Политическая власть в арабских странах поощряет те знания, кото-

рые помогают ей добиваться своих целей, и подавляет инакомыслие.

Политическая нестабильность и ожесточенная борьба за руководящие посты при отсутствии устоявшихся правил мирной ротации власти, или, другими словами, демократии, мешает развитию знаний на арабской почве. Одним из главных следствий этой политической нестабильности стало подчинение научных учреждений политическим стратегиям и борьбе за власть. Здесь лояльность ценится больше, чем эффективность и качество знаний. Власть не дает развернуться деятельным натурам, убивая страсть к учебе и всякое желание творить и изобретать. Необходим такой независимый институт знаний, который позволил бы создавать знания, свободные от политического принуждения и диктата. Это возможно лишь путем демократизации политической и интеллектуальной жизни при обеспечении свободы приобретения и производства знаний.

Нужны законы, гарантирующие гражданам арабских стран права, связанные с накоплением знаний, в первую очередь — свободу мысли и самовыражения, без которой знание не сможет процветать. Большинство арабских государств подписали международные конвенции по правам человека, суть которых, однако, не стала неотъемлемой частью правовой культуры этих стран. Проблема свободы в арабском мире

связана не столько с принятием новых законов, сколько с нарушением уже существующих. Политический гнет, выборочное применение законов, избирательная цензура и другие политически мотивированные ограничения получили широкое распространение. Часто они принимают форму юридических ограничений деятельности печатных изданий, ассоциаций, собраний и электронных СМИ, что не позволяет тем выполнять коммуникативную и культурную функции.

Но еще более опасные ограничения вводятся органами безопасности, которые ставят себя выше конституционных норм, ссылаясь при этом на

интересы «национальной безопасности» или общественного порядка.

Прежде всего от подавления или отрицания свобод страдает творческая, инновационная деятельность.

Знание почти равноценно религиозному долгу, который арабы должны свято чтить и исполнять. Оно указывает им путь к достойному и благополучному будущему. Религия, культура, история и человеческая воля побуждают к успешному овладению знаниями. Препятствия на этом пути — дело рук смертных, а виной всему — ущербные социально-экономические и, прежде всего, политические структуры прошлого и настоящего.

Я верю, настал переломный момент... Я предлагаю укрепить основы демократии в странах тоталитарного правления... Демократия уже процветает в государствах с весьма различными культурами и неодинаковым историческим опытом. Сказать, что какой-либо народ предпочитает демократии диктатуру, — значит проявить культурное высокомерие... Наша долгосрочная цель и надежда — это марш за свободу и демократию, в результате которого марксизм-ленинизм окажется на свалке истории — там же, куда мы отбросили другие деспотические режимы, подавляющие свободу и самовыражение людей. Это — крестовый поход за свободу, и он потребует веры и силы духа уже от следующего поколения.

Рональд Рейган.

*Из речи в Британском парламенте,
18 июня 1982 года*

Мы достигли еще одного переломного момента — и решимость, которую мы демонстрируем, определит следующую стадию глобального демократического развития... Наша приверженность демократии также проходит испытание на Ближнем Востоке, который останется в центре внимания американской политики на многие десятилетия... Скептики утверждают, что традиции ислама отвергают представительную форму правления. Это «культурное высокомерие», как определил его Рональд Рейган, имеет долгую историю... Наблюдатели снова и снова спрашивают: эта страна, или тот народ, или эта группа — «готовы» ли они к демократии?.. Всем должно быть ясно, что ислам — религия одной пятой всего населения Земли — нисколько не противоречит демократическому правлению... Религия, которая требует от человека моральной ответственности и подталкивает его к сближению с Богом, вполне совместима с правами и обязанностями, связанными с самоуправлением.

Поддерживая процесс реформирования в этом регионе, мы не забываем, что модернизация и вестернизация — это совсем не одно и то же. Представительное правление на Ближнем Востоке не будет — да и не должно — копировать наше.

Стратегия свободы, которой мы придерживаемся на Ближнем Востоке, требует от нас той же настойчивости, энергии и идеализма, что мы уже демонстрировали прежде. И она принесет те же плоды. И в Европе, и в Азии, и в любом регионе планеты — везде свобода ведет к миру.

Джордж Буш.

*Из выступления в Национальном фонде
за демократию, 6 ноября 2003 года*

Как сделать Персидский залив безопасным

Кеннет Поллак

ОПЯТЬ НА АМБРАЗУРУ

В 1968 году Великобритания сложила с себя ответственность за обеспечение безопасности в регионе «к востоку от Суэца», оставив Соединенным Штатам в удел собирать осколки прежней системы. Среди обязательств, унаследованных при этом Америкой, главным было обеспечение стабильности и безопасности в стратегически жизненно важном регионе — Персидском заливе. В последующие десятилетия Вашингтон пытался справиться с этой задачей разными способами. В 1970-е — опираясь на такие «два столпа», как Иран и Саудовская Аравия; в 1980-е — делая крен в сторону Ирака; в 1990-е — проводя политику «двойного сдерживания» Ирана и Ирака. Ни один из этих подходов не был по-настоящему эффективен. В результате Соединенным Штатам за последние 16 лет пришлось трижды осуществить непосредственное вмешательство против угрозы региональной безопасности: в Иране — в 1987–1988 годах, в Ираке — в 1991-м и прошлой весной.

Стремительная военная победа США и Великобритании в операции по освобождению Ирака сегодня расчистила дорогу новым усилиям Америки по созданию более прочной системы безопасности в районе Персидского залива. Администрация Буша в действительности уже приступает к этой работе путем выведения большей

Кеннет Поллак — директор исследований Сабанского центра ближневосточной политики при Институте Брукинга. В 1995–1996 и 1999–2001 годах возглавлял Управление по делам Персидского залива в Совете национальной безопасности США. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 3 (июль–август) за 2003 год. © 2003 *Council on Foreign Relations, Inc.*

части американских войск из Саудовской Аравии; правда, этот шаг скорее свидетельствует о завершении предыдущей главы в истории американского участия в делах региона, чем об открытии новой. С уходом Саддама Хусейна возникла необходимость в глубоком переосмыслении стратегии США в районе Персидского залива. Ведь в некоторых отношениях проблемы безопасности этого региона могут стать теперь не менее, а более серьезными.

Так, в 1980-е годы справиться с угрозой судоходству в Заливе со стороны Ирана было сравнительно легко: гигантское превосходство США на море и в воздухе позволяло достичь желаемого эффекта в результате сравнительно маломасштабной военной кампании. Точно так же, несмотря на необходимость дважды применить значительно более серьезные усилия для окончательной ликвидации угрозы со стороны военно-воздушных и сухопутных сил саддамовского Ирака, в сущности, и это представляло собой относительно простую военную задачу. Однако угрозы, с которыми столкнутся в будущем США и их союзники, вряд ли будут носить столь же простой и изолированный характер. Поэтому администрации Буша пора задуматься над тем, как оградить себя от этих угроз, чтобы не подвергнуться риску оставить Соединенные Штаты плохо подготовленными к тому, что ждет их впереди.

ТАМ ЖЕ НЕФТЬ, РАЗВЕ НЕ ЯСНО?

В чем состоит главный интерес Америки в Персидском заливе? В обеспечении свободного и бесперебойного поступления нефти из этого региона в любую точку планеты. Сей факт не имеет ничего общего с теориями мирового заговора, сделавшими администрацию Буша своей мишенью в момент приближения последней войны в Заливе. Интересы США не сводятся к вопросу о том, будет ли галлон бензина на заправке стоить два или три доллара, получит ли контракты *Exxon*, а не «ЛУКОЙЛ» или *Total*. Дело и не в количестве нефти, вывозимой самими Соединенными Штатами из Залива или любого другого региона. Причина, по которой США на законных основаниях проявляют повышенную заинтересованность в том, чтобы обильный поток относительно дешевой нефти из данного региона не прекращался, проста. Мировая экономическая система, построенная за последние 50 лет, зиждется на высоком уровне потребления недорогой нефти. Разрушение этой основы привело бы к коллапсу всей мировой экономики.

На сегодняшний день примерно 25 % производимой в мире нефти поступает из стран Персидского залива. Одна только Саудовская Аравия поставляет порядка 15 %, причем ожидается, что в будущем эта цифра только увеличится. В районе Персидского залива сосредоточены ни много ни мало две трети разведанных мировых запасов нефти. К тому же добыча нефти баснословно экономична: саудовский баррель стоит в пять – десять раз дешевле российской. Саудовская Аравия не только крупнейший производитель и обладатель богатейших запасов нефти в мире; ей принадлежат также самые большие в мире избыточные производственные мощности, благодаря которым она стабильно поддерживает и контролирует цены на нефть, повышая или понижая объемы производства по мере необходимости. Ввиду одинаковой важности как подъемов, так и спадов производства саудовской нефти внезапная потеря местной нефтяной инфраструктуры парализовала бы всю мировую экономику и весьма вероятно привела бы к спаду столь же губительному, как Великая депрессия 30-х годов, а возможно, и того хуже. Тот факт, что импорт из района Персидского залива отнюдь не составляет значительной доли потребляемой США нефти, не играет особой роли. Если вдруг иссякнет саудовский источник, скачок мировых цен на нефть сокрушит и американскую экономику, и экономики всех прочих стран.

Но США не просто озабочены тем, чтобы сохранить поток нефти из Персидского залива. Они заинтересованы еще и в том, чтобы предотвратить установление контроля над регионом и его ресурсами со стороны какого-либо потенциально враждебного государства, которое бы стремилось к беспредельному могуществу и искало возможности шантажировать остальной мир. Сверх того Америка заинтересована в сохранении военного доступа к Персидскому заливу ввиду его ключевого геостратегического положения, близости к Ближневосточному, Центральноазиатскому, Восточноафриканскому и Южноазиатскому регионам. Утрата Соединенными Штатами такого доступа привела бы к резкому снижению их способности влиять на события в ряде других ключевых регионов мира. (Так, воздушная война против Афганистана в значительной степени велась с баз, расположенных в районе Персидского залива). Наконец, трагедия 11 сентября 2001 года показала, что США заинтересованы в искоренении процветающих в данном регионе террористических группировок.

ТРОЙНАЯ УГРОЗА

В ближайшие несколько лет картину безопасности в районе Персидского залива будут омрачать в основном три проблемы: дилемма стабильности в Ираке, иранская программа создания ядерного оружия, а также возможные волнения в государствах, входящих в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива (СССПЗ) — Бахрейне, Кувейте, Омане, Катаре, Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратах. К сожалению, ни одна из этих проблем по отдельности, не говоря уже об их совокупности, не имеет простых решений, и тут неизбежны трудные компромиссы.

Парадокс иракского могущества очень прост: достаточно сильный Ирак, способный уравнивать и сдерживать Иран, неизбежно будет в состоянии оккупировать Кувейт и Саудовскую Аравию. С подобной проблемой регион столкнулся в конце ирано-иракской войны, когда после уничтожения наземных и военно-воз-

душных сил Ирана Ирак вскоре смог захватить Кувейт и стал угрожать нефтеносным районам Саудовской Аравии. Недавняя победа Америки над Саддамом мало что изменит в этом фундаментальном динамическом рав-

Режимы в странах Персидского залива опасаются нарастающего внутреннего брожения.

новесии, потому что в основе его лежит не характер власти в Ираке, а обычная геополитика. Как и послевоенным Германии и Японии, послесаддамовскому Ираку почти наверняка не позволят когда-либо вновь заняться разработкой оружия массового уничтожения (ОМУ). Однако ему придется найти какой-то способ защитить себя от пусть отдаленной, но реальной угрозы со стороны Ирана. Если Ираку не разрешат обрести ОМУ, он будет вынужден добиваться каких-то надежных внешних гарантий безопасности или же содержать немалые (а значит, потенциально опасные) силы, оснащенные обычным вооружением.

Что касается Ирана, то, по последним оценкам разведки США и даже по оценкам МАГАТЭ, работы по его ядерной программе зашли уже далеко. Если они не будут остановлены — самим Ираном или под давлением извне, — то один или несколько ядерных зарядов, по-видимому, могут быть изготовлены в ближайшее десятилетие. (Разумеется, ошибки в оценках иракской ядерной программы, имевшие место за последние 20 лет, лишь укрепляют чувство неуверенности, которое сопровождает все подобные прикидки.) В случае

Ирака превентивное вмешательство было предполагаемым (и в конечном счете осуществимым) решением, потому что США могли вторгнуться и оккупировать страну без проведения крупномасштабной мобилизации. Но это совершенно нереалистично в случае Ирана. Он втрое превосходит Ирак по численности населения, в четыре раза — по площади, его территория имеет сложный рельеф, который превратит организацию тылового обеспечения операций в настоящий кошмар, а его население в прошлом, как правило, сплачивалось вокруг правящего режима перед лицом внешней угрозы. Вторжение в Иран обернулось бы столь масштабным предприятием, что такой вариант можно себе представить разве что в случае каких-то чрезвычайных обстоятельств.

Конечно, не исключено, что иранская ядерная проблема разрешится сама собой. Иранский народ глубоко разочарован политикой реакционных клерикалов, захвативших власть в Тегеране, и с 1997 года подавляющее большинство населения неизменно голосует против сторонников жесткой линии. Кроме того, население Ирана очень молодо, иранская молодежь проявляет наибольшую активность, выступая против нынешнего режима за более демократическую систему правления. Так что время работает на иранских реформаторов. Более того, большинство этих реформаторов высказывали заинтересованность в хороших отношениях с Соединенными Штатами.

Все это немаловажно. Ведь хотя Соединенные Штаты и проповедуют политику всеобъемлющего нераспространения ядерного оружия, но на практике Вашингтон всегда последовательно (и, вероятно, оправданно) проявлял больше беспокойства, когда распространение касалось его врагов (таких, как Ирак и Северная Корея), нежели друзей (таких, как Израиль и в меньшей степени Индия). Поэтому появление в Тегеране плюралистического проамериканского правительства могло бы сильно поубавить опасения США по поводу иранской ядерной программы. (Правда, и в этом случае достижения Ирана в ядерной области были бы источником сильной головной боли ввиду их неизбежного влияния на дальнейшее распространение ядерного оружия в другие страны региона.)

Проблема в том, что никто не может точно сказать, победят ли иранские реформаторы, и если да, то когда именно. В частности, не ясно, падет ли правительство сторонников жесткой линии, прежде чем Иран обретет ядерное оружие. Так что разумнее будет предпо-

ложить, что Иран получит ядерную бомбу еще до того, как твердолобые клерикалы будут отстранены от власти, и Соединенным Штатам следует быть готовыми к такому развитию событий. Однако действия, которые можно считать целесообразными в создавшихся обстоятельствах (продолжение дипломатического и экономического давления, демонстративное военное присутствие на иранских границах, даже угрозы применения силы), легко могут рикошетом ударить по внутрииранским процессам, сводя на нет или подрывая перспективы «бархатной революции» в Тегеране. Сторонники жесткой политики в Иране удерживают власть в том числе и путем разжигания в народе страхов, будто бы США стремятся управлять страной и осуществлять контроль над ее политикой. Тем самым энергичные меры по военному сдерживанию или нераспространению ядерного оружия могут сыграть на руку режиму. Иначе говоря, иранский парадокс состоит в том, что подготовка к худшему варианту развития событий, при котором иранские сторонники жесткой линии получают ядерное оружие, легко может сделать такой сценарий более вероятным.

Похоже, что Тегеран стремится заполучить ядерное оружие прежде всего для того, чтобы предотвратить нападение со стороны США. Однако обретение такого оружия может изменить стратегические расчеты Ирана и вдохновить его на проведение более агрессивной внешнеполитической линии. Вооруженные силы страны пока слишком слабы, чтобы вынашивать планы сухопутного вторжения на Аравийский полуостров через Ирак или переброски морского десанта через Персидский залив, и какое-то время такое положение дел сохранится. Так что опасность представляет не столько вторжение войск, оснащенных обычным вооружением, сколько попытки заблокировать для танкеров путь через Ормузский пролив как метод шантажа или провоцирования восстаний в соседних странах. К несчастью, нынешнее состояние безопасности в регионе — внушительное американское военное присутствие по всему Персидскому заливу — наилучшим образом отвечает задачам сдерживания будущей агрессии Ирана, но является наихудшим вариантом с точки зрения третьей крупнейшей проблемы, связанной с терроризмом и внутренней нестабильностью государств — членов СССПЗ.

Терроризм и внутренняя нестабильность в странах Персидского залива в конечном итоге подпитываются последствиями политической, экономической и социальной стагнации в местных арабских

государствах. Политика США действительно вызывает гнев многих арабов, а палестинская проблема является предметом серьезной озабоченности населения. Но на самом деле не это создает плодородную почву для внутренних беспорядков или рекрутирования сторонников радикальными исламистскими группировками вроде «Аль-Каиды». Важнее то, что среди арабов слишком много безработных и частично занятых — по причине полного краха экономик арабских стран. Слишком многие чувствуют себя беспомощными и униженными перед лицом деспотических правительств, которые все меньше делают для людей, одновременно лишая их возможности как-либо влиять на свое будущее. И слишком многие ощущают на себе влияние обескураживающей и удушливой атмосферы общества, не способного встать вровень с проблемами современности.

Большинство специалистов по Ближнему Востоку считают, что революция или гражданская война в каком-либо из государств — членов СССПЗ в ближайшие несколько лет маловероятна. Но лишь немногие утверждают это теперь столь же уверенно, как прежде. Фактически и сами режимы в странах Персидского залива все больше опасаются нарастающего внутреннего брожения. Именно это побудило их в последнее десятилетие анонсировать пакеты демократических и экономических реформ. Все правители стран Персидского залива — от саудовского принца Абдаллы до эмира Катара и нового бахрейнского монарха — отдают себе отчет в растущем напряжении среди населения и необходимости выпустить часть паров. Если вследствие неуспеха реформ вспыхнет революция или гражданская война, то Соединенные Штаты, возможно, столкнутся с серьезными проблемами в плане безопасности. Например, массовые беспорядки в Саудовской Аравии поставят экспорт саудовской нефти под угрозу с такой же неизбежностью, как и иранское вторжение.

Наилучшее средство, к которому Соединенные Штаты могли бы прибегнуть в борьбе с ростом терроризма и внутренней нестабильностью в Саудовской Аравии и других государствах — членах СССПЗ, — это сократить до абсолютного минимума свое военное присутствие в регионе или даже полностью вывести свои войска. Присутствие американских войск дает террористам повод выступать с пропагандистскими заявлениями о том, что США стремятся укрепить власть ненавистных местных тиранов и контролировать весь Ближний Восток. И практически для всего местного населения оно служит источником чувства унижения и негодования, постоянным

напоминанием о том, что наследники великих исламских империй теперь не могут защитить себя и вынуждены подчиняться силе неверных. Поэтому вывод войск снизил бы давление на режимы региона изнутри и предоставил бы им необходимое политическое пространство, чтобы приступить к болезненным, но жизненно важным реформам во имя установления там долгосрочной стабильности. Но, с другой стороны, вывод войск был бы самым неудачным ходом с точки зрения сдерживания Ирана или готовности быстро ответить, скажем, на гражданскую войну в Саудовской Аравии, если она вдруг разразится.

Перед лицом такого головоломного переплетения проблем выстроить новую эффективную архитектуру безопасности для Персидского залива будет далеко не просто. Ирак должен оставаться сильным государством, но не сверх меры. Иран следует держать под контролем и одновременно настаивать на либеральных реформах. Правительствам государств — членов СССПЗ нужно предоставить пространство для начала реформ и одновременно защиту от внешних и внутренних врагов. Сбалансировать все эти многообразные интересы, угрозы и ограничения будет трудно. Настолько трудно, что ни для кого не будет неожиданностью, если новая стратегия США в этой области в конце концов потерпит неудачу, как и все предыдущие.

И все же положение не совсем безнадежно. Возможно, тут нет панацеи, безупречного политического курса, который обеспечит все интересы и отразит все угрозы, одновременно избежав всех подводных камней в области стратегии, политики и культуры. Но вместе с тем существует три принципиальных решения, заслуживающие серьезного рассмотрения: отход «за горизонт», попытка создания местного оборонного пакта наподобие НАТО и попытка установить своего рода кондоминиум безопасности.

НАЗАД, ЗА ГОРИЗОНТ

Самый консервативный подход к проблемам безопасности района Персидского залива заключается в возврате к первоначальной американской стратегии поддержания равновесия из «офшорных» зон. Попытки реализации этого подхода в 1970-е и 1980-е годы потерпели неудачу, поскольку Иран и Ирак оставались весьма сильны, а присутствие сил США «за горизонтом» было недостаточным сдерживающим фактором. Однако в настоящий момент позиции Ирана

и Ирака гораздо слабее, и, скорее всего, они останутся таковыми (по крайней мере, пока Иран не обретет ядерное оружие). Вашингтон же с тех пор неоднократно демонстрировал готовность вмешиваться в дела региона ради защиты собственных интересов и предотвращения агрессии. Поэтому на сей раз эта стратегия может оказаться более эффективной.

При таком подходе Соединенные Штаты резко сократили бы свое военное присутствие в регионе, оставив на месте лишь минимальную часть нынешних сил. Штаб 5-го флота мог бы оставаться в Бахрейне (где флаг американских ВМС гостеприимно приветствуют на протяжении 50 лет), но воды залива бороздило бы меньшее количество американских военных судов. ВВС могли бы сохранить за собой новую крупную базу в катарском Аль-Удейде — опять-таки потому, что населению Катара, по-видимому, нравится иметь ее на своей территории. Сухопутные силы могли бы по-прежнему держать в Кувейте и Катаре часть уже расположенного там оборудования и установить регулярную ротацию батальонов с целью обучения работе с ним, если указанные государства будут чувствовать себя комфортно в окружении таких гостей. Кроме того, если удастся договориться с будущим правительством Ирака, Соединенные Штаты сохранили бы в этой стране базу ВВС и часть наземных войск. В качестве альтернативы можно было бы покинуть все армейские базы в регионе и полагаться только на оборудование, хранимое на судах-контейнерах, базирующихся на острове Диего-Гарсия в Индийском океане.

На политическом уровне Соединенные Штаты сохранили бы неформальные отношения с государствами — членами СССПЗ, а сверх того могли бы установить подобные связи с новым, дружественным правительством Ирака. США продолжали бы сдерживать Иран, давая ясно понять, что любая агрессивная акция с его стороны натолкнется на адекватную реакцию военных сил Америки. Далее, США старались бы прилагать дальнейшие усилия по обеспечению поддержки со стороны ЕС, Японии и России в оказании как дипломатического, так и экономического давления на Тегеран с целью прекращения иранской поддержки террористов и свертывания программ по созданию неконвенциональных вооружений.

Сокращение непосредственного военного присутствия немало способствовало бы облегчению внутренних проблем, вызванных присутствием боевых подразделений США в районе Персидского

залива. Неудивительно поэтому, что такую стратегию приветствуют сами арабские государства региона. С уходом Саддама их главной заботой стало снижение недовольства местного населения, и они считают, что для поддержания мира в регионе Соединенным Штатам достаточно минимального присутствия. Такой подход могла бы одобрить и известная часть американских военных, которая с радостью избавится от бремени полицейских функций в негостеприимном и отнюдь не богатом регионе вдали от дома.

С другой стороны, сам факт, что государства Персидского залива так горячо приветствуют эту стратегию, должен предоставить тайм-аут американцам, отвечающим за стратегическое планирование. После иракского вторжения большинство этих государств, за исключением Кувейта, многие годы вместо попыток решения демонстрируют обескураживающее упорство в игнорировании собственных проблем, как внешних, так и внутренних. Возврат к политике присутствия преимущественно «за горизонтом» мог бы дать государствам Персидского залива запас времени для проведения реформ, но не менее вероятно и то, что в отводе американских сил они усмотрят панацею от всех своих проблем и решат, что необходимость во внутренних реформах благодаря ему отпала. Кроме того, сокращение американского военного и политического присутствия ослабило бы способность Вашингтона подталкивать своих местных союзников к трудному выбору по ряду вопросов, который им необходимо сделать ради собственного благополучия в долгосрочной перспективе.

Возврат к присутствию «за горизонтом» чреват также риском рецидива некоторых из проблем, которые, собственно, и продемонстрировали несостоятельность этой стратегии в прошлый раз. Если у Ирана появится ядерное оружие, сведение к минимуму американского присутствия в регионе может послужить для него искушением развязать новую агрессию. Государства — члены ССПЗ в прошлом нередко проявляли склонность оказывать услуги могущественным агрессивным соседям, и сокращение американского присутствия может вновь спровоцировать такое их поведение — например, допустить Иран слишком близко к контролю над потоками нефти. Наконец, ограничение американского присутствия может однажды вызвать искушение у других внешних сил — к примеру, у Китая — половить рыбу в мутной воде залива.

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ НАТО

Второй подход к обеспечению безопасности в Персидском заливе заключается в создании нового регионального оборонного альянса наподобие того, который так эффективно работал в Европе во времена холодной войны. Этот подход пользуется еще более плохой репутацией в регионе, чем поддержание равновесия из «офшорных» зон, хотя и не вполне заслуженно. В 1954 году США убедили Иран, Ирак, Пакистан, Турцию и Великобританию подписать Багдадский пакт о совместной обороне. Спустя четыре года Ирак вышел из этого объединения, предоставив Ирану, Пакистану и Турции возможность создать Организацию центрального договора (СЕНТО), которая в течение последующих 20 лет едва ли стала чем-то большим, чем средством вооружения Соединенными Штатами шахского Ирана. Эти альянсы были малоэффективны из-за того, что их члены сталкивались с весьма непохожими проблемами в плане безопасности (пакистанцев заботила Индия, Турцию — Россия и Греция, Иран — Ближний Восток в целом), а также из-за революций 1958-го в Ираке и 1979-го в Иране, которые вывели из игры центральных игроков. В сегодняшних условиях региональный альянс мог бы иметь больше шансов на успех.

Смысл этой идеи в том, что США могли бы создать формальный оборонный альянс с участием государств — членов СССПЗ и нового иракского правительства. Перефразируя знаменитую шутку лорда Исмея в адрес НАТО, цель такого альянса состояла бы в том, чтобы оставить американцев внутри, иранцев — вовне, а иракцев — внизу. Формальные оборонные обязательства как нельзя лучше закрепили бы неуклонное стремление США к обеспечению безопасности в регионе и могли бы послужить лучшим средством удержания Ирана от прямой агрессии. А путем распространения гарантий безопасности на Ирак они эффективно разрешили бы и багдадскую дилемму безопасности, создав основу для переоснащения Ирака обычным оружием и одновременно избавляя его от необходимости приобретения ОМУ с целью сдерживания Ирана. Если бы общественность стран региона удалось убедить в том, что американские силы находятся здесь как часть содружества равных, то в качестве дополнительного преимущества такой расклад одновременно способствовал бы легитимизации присутствия США. В то же время такой альянс в принципе более жизнеспособен, чем его предшественники, поскольку у государств — членов СССПЗ и Ирака одна и та же главная внешняя угроза безопасности — Иран.

Однако и этот подход имеет свои недостатки. В частности, государства — члены СССПЗ, вообще-то, не выказывают желания иметь формальные отношения альянса с США, по крайней мере, в настоящий момент. Лидеры этих стран опасаются, что такой альянс не то чтобы легитимизирует американское присутствие, а, напротив, будет рассматриваться как крайнее выражение колониальных нравов и кумовства и тем самым способствовать развенчанию легитимности их собственных режимов. По сходным причинам даже самое проамериканское правительство Ирака могло бы счесть для себя заключение формального договора неудобным. К тому же неясно, как такой альянс может решить проблему внутренней нестабильности в государствах — членах СССПЗ. Военная мощь Ирана недостаточна, и даже если он однажды решит следовать более агрессивному курсу, то скорее попытается подорвать своих соседей изнутри, чем открыто напасть на них извне. И, несмотря на свою устрашающую ударную мощь, альянс стран Персидского залива оказался бы уязвимым для противника, который бьет ниже пояса.

КОНДОМИНИУМ БЕЗОПАСНОСТИ

Если возврат к стратегии поддержания равновесия из «офшорных» зон может оказаться неадекватным с точки зрения отражения внешней агрессии, а система нового альянса — с точки зрения внутренней нестабильности, то третий подход открывает заманчивые перспективы одновременного решения обеих проблем. Этот подход состоит в организации Соединенными Штатами кондоминиума безопасности в Персидском заливе, основанного на опыте контроля за вооружениями в Европе в конце холодной войны.

Начиная с 1970-х годов НАТО и страны Варшавского договора проводили множество форумов по вопросам безопасности, осуществляли меры по укреплению доверия, заключали соглашения по контролю над вооружениями (Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе, переговоры по взаимным сбалансированным сокращениям вооруженных сил, Договор об обычных вооруженных силах в Европе), целью которых было комплексное решение многообразных проблем безопасности на континенте. Переговоры по всем этим вопросам заняли больше двух десятилетий острой полемики. Но в конце концов их результатом явилась Европа гораздо более стабильная и безопасная, нежели прежде.

В Персидском заливе создание такого кондоминиума безопасности повлечет за собой развертывание сходного объема активности, объединяющей усилия США, государств – членов СССПЗ, Ирака и Ирана. Процесс мог бы начаться с организации регионального форума по вопросам безопасности с проведением дебатов и дискуссий по данной тематике, с обменом информацией и определением контуров будущих соглашений. Затем участники могли бы перейти к рассмотрению мер по укреплению доверия, таких, как уведомление о проведении учений, обмен наблюдателями, паритетный обмен пакетами информации. Разумеется, целесообразно было бы перейти к итоговым соглашениям по контролю над вооружениями, включающим, например, создание демилитаризованных зон, запрещение дестабилизирующих видов вооружений, сбалансированное сокращение вооруженных сил всеми сторонами. В частности, страны региона могли бы поставить себе целью запрет всех видов ОМУ, включающий санкции в отношении нарушителей и программы многосторонних (или международных) инспекций для обеспечения его соблюдения.

В пользу данного подхода говорит многое. Так, это был бы наименее болезненный способ введения неизбежного запрета на ОМУ в Ираке. Включение такого запрета в контекст более широкого процесса, в рамках которого в направлении разоружения работают все государства региона, просто Ирак опережает остальных, помогло бы Багдаду с большей легкостью проглотить пилюлю. Точно так же если бы региональный кондоминиум безопасности преуспел в окончательном устранении угрозы со стороны Ирана и наложении ограничений на Ирак, то тем самым он способствовал бы решению проблем безопасности государств – членов СССПЗ, не полагаясь на массивное, дестабилизирующее американское военное присутствие. Больше того, если бы военные отношения между США и СССПЗ строились в рамках общерегионального форума, они были бы более приемлемыми для населения стран Персидского залива.

Еще одно преимущество состоит в возможном наличии у иранцев желания также принять участие в этом процессе. Вот уже 20 лет Иран требует, чтобы США, Ирак и государства – члены СССПЗ отнеслись серьезно к его проблемам в сфере безопасности. Предлагаемый процесс впервые предоставил бы ему место и повод для их обсуждения. Приглашение Ирана обсудить вопросы безопасности района Персидского залива за столом переговоров с США наполнило

бы Тегеран чувством заслуженного, по его мнению, уважения со стороны Вашингтона. Что еще важнее, такого рода процесс открывает единственно возможный для Ирана путь влияния на вооруженные силы своего самого упорного оппонента — Соединенные Штаты. Чтобы эта система заработала, Вашингтону следует проявить добрую волю и согласиться, как ранее в Европе, с установлением ограничений на развертывание его собственных сил в регионе. Эти ограничения сами по себе стоят того, чтобы допустить к участию Иран.

Не будет катастрофой, даже если сторонники жесткого курса в Тегеране предпочтут не участвовать, поскольку тем самым они, скорее всего, окажутся в изоляции, как внутренней, так и международной. У себя дома им будет очень трудно оправдывать какие-либо действия предполагаемой угрозой со стороны США (Ирака или государств — членов СССПЗ) после того, как они не пожелали участвовать в процессе, который дал бы им возможность предотвратить эту угрозу средствами дипломатии и контроля над вооружениями. Что касается иностранной аудитории, то отказ Тегерана принять оливковую ветвь из рук Соединенных Штатов продемонстрировал бы принадлежность Ирана к государствам-изгоям, не заинтересованным в мирных средствах решения проблем безопасности. В свою очередь Вашингтону было бы легче заручиться международной поддержкой для более жестких санкций и других форм давления.

Кое-кто, возможно, будет против такой системы из опасения, что она придаст легитимность нынешнему правительству Ирана. Но нет необходимости впадать в крайности, и эта система не воспрепятствует смене режима, если окажется, что политическая ситуация в Иране развивается в таком направлении. В конце концов, ведь не воспрепятствовал же подобный процесс смене режимов в России и Восточной Европе.

Подобный региональный кондоминиум безопасности может оказаться недостижимой целью. Не следует забывать, что в Европе создание эффективной системы потребовало порядка 20–25 лет мучительных переговоров. У Соединенных Штатов накоплен горький опыт многосторонних переговоров по ближневосточным проблемам, и нет оснований считать, что данный случай окажется проще. Каждая сторона положит на стол переговоров собственную повестку дня и постарается либо сорвать переговорный процесс, либо свети его к решению непосредственно интересующих ее вопросов. Ужасным секретом стран Персидского залива является то, что един-

ство СССПЗ всего лишь фикция. Катару нужны американские военные базы не для защиты от Ирана или Ирака, а для устрашения Саудовской Аравии. Точно так же Бахрейн заинтересован в мощных ракетах не для того, чтобы быть дееспособным членом сил «Щит полуострова» (*Peninsula Shield Force*), а чтобы иметь возможность в случае надобности ударить по Катару. Региональный форум по вопросам безопасности вкупе с мерами контроля над вооружениями заставит выйти наружу все эти ненадежные моменты внутри СССПЗ, что еще более усложнит процесс.

Далее, Иран может попытаться торпедировать все эти усилия, потребовав включения в тот же процесс Израиля, что вызовет мощный резонанс среди арабского населения стран Персидского залива. Ввести в такую структуру безопасности района Персидского залива Израиль означало бы взвалить на нее дополнительное бремя проблем и бесконечных споров вокруг процесса мирного урегулирования арабо-израильского конфликта и ближневосточной безопасности в целом, что явно бесперспективно.

И все же региональный кондоминиум безопасности, если бы каким-то образом удалось заставить его заработать, предлагает наилучшую перспективу стабильности и безопасности в районе Персидского залива. Но запустить данный процесс непросто, и на это уйдут годы, а то и десятилетия. Америке следует поэтому постоянно помнить о нем и держать его в поле зрения в качестве конечной цели, безотлагательно начав движение в этом направлении. Уже сам факт объявления Вашингтоном об этом как о своем твердом намерении наряду с созывом конференции по безопасности Персидского залива способен оказать мощное позитивное воздействие, придать легитимность американскому присутствию в регионе и дискредитировать тех, кто выступает против него.

Однако кондоминиум не должен стать единственной точкой приложения усилий США в деле создания новой архитектуры безопасности в регионе, поскольку в ближайшей перспективе требуются более эффективные решения. В действительности все три предложенные модели не исключают друг друга, и, возможно, их было бы полезно рассматривать как этапы непрерывного процесса. Сегодня США могли бы предпринять шаги по сокращению своих сил в духе подхода, предусматривающего поддержание равновесия из «офшорных» зон. Одновременно они могли бы изучить возможности создания в регионе нового альянса либо положить начало про-

цессу строительства кондоминиума безопасности. Несомненно, страх перед появлением нового альянса между США, СССПЗ и Ираком мог бы стать еще одним мощным стимулом для Ирана, чтобы принять участие в кондоминиуме безопасности, а озвучивание такой цели сделает альянс более приемлемым для государств, входящих в Совет по сотрудничеству стран Персидского залива.

В конечном счете, если кондоминиум безопасности окажется эффективным, мир удастся сохранить, а военные силы во всем регионе начнут существенно сокращаться, это может открыть дорогу и для полного перехода США к подлинному осуществлению стратегии присутствия за горизонтом — поворот событий, который горячо приветствовали бы все заинтересованные стороны.

Мы исходим из убеждения, что Россия и исторически, и политически, не говоря о культуре, – неотъемлемая часть Европы.

Мы убеждены, что только последовательная интеграция России в основные европейские институты, на основе единых представлений и ценностей, способна обеспечить континенту и миру подлинные безопасность и процветание.

Мы создали общественный Комитет "Россия в объединенной Европе" с целью употребить все наши возможности и авторитет для того, чтобы сделать мечту о единой, безопасной и процветающей большой Европе, Европе от Рейкьявика до Сахалина – реальностью.

Р.О.Е
РОССИЯ В ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЕ

**Контактная информация:
Комитет "Россия в объединенной Европе"
101000, Москва,
Лучников пер., д. 2**

**Тел.: 206 89 98
Факс: 206 89 97
E-mail: mail@rue.ru
Internet: www.rue.ru**

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Глобальная экономика

“ Газ – не просто еще один товар. В силу своего международного характера торговля газом является также хорошей возможностью для разных стран установить длительные отношения друг с другом, как это произошло в Азии и Европе в последние тридцать лет ”

Следующая цель – мировой рынок газа

Даниэл Ергин, Майкл Стоппард

146

Глобальный газовый рынок – взгляд из России

Владимир Фейгин

160

Следующая цель — мировой рынок газа

Даниэл Ергин, Майкл Стоппард

Сегодня зарождается новый глобальный энергетический бизнес, и связан он с природным газом. Этот бизнес несет новые возможности и риски, создает новые взаимозависимости и геополитические группировки и окажет далеко идущее воздействие на мировую экономику. По мере того как природный газ будет становиться предметом мировой торговли, он превратится в решающий фактор удовлетворения множества насущных потребностей. Соединенным Штатам природный газ нужен, чтобы обеспечить развитие и предупредить ожидаемую нехватку энергии. Европе — чтобы оживить свою экономику. Развивающимся странам — чтобы повысить темпы роста. И всем странам без исключения природный газ необходим, если они хотят жить в более чистой окружающей среде.

Возникновение мирового рынка становится возможным как за счет строительства магистральных трубопроводов, так и благодаря изменениям, происходящим с самим природным газом. По иронии судьбы он больше не является газообразным, а сжижается посредством охлаждения. Танкеры, которыми будут перевозить сжиженный природный газ (СПГ), смогут менять свой курс в открытом море, реагируя на внезапные изменения спроса или цен. Что означает появление этого нового мирового товарного рынка? Возможность того,

Даниэл Ергин — председатель Кембриджской ассоциации энергетических исследований (*CERA*) и автор книги *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power* («Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть».) **Майкл Стоппард** — директор департамента СПГ в *CERA* и соавтор книги «Новая волна: глобальный СПГ-бизнес в XXI веке». Данная статья была опубликована в журнале *Foreign Affairs* в № 6 (ноябрь/декабрь) за 2003 год. © 2003 *Council on Foreign Relations, Inc.*

что электричество, на котором в США работают осветительные приборы, системы кондиционирования воздуха и промышленные предприятия, будет генерироваться из природного газа, добываемого в Индонезии или в алжирской пустыне, в акватории Тринидада и Тобаго или в Нигерии, на острове Сахалин — самой восточной части России, в холодных северных водах Норвегии или у подножия Анд.

Один из наиболее тревожащих аспектов, связанных с появлением нового глобального бизнеса, состоит в том, что этот процесс напоминает изменения конца 1960-х — начала 1970-х годов, когда США интегрировались в мировой нефтяной рынок. Всего за несколько лет Соединенные Штаты превратились из второстепенного в одного из самых крупных импортеров нефти. Всплеск спроса на нефть на мировых рынках, подстегнутый американской экономикой, способствовал возникновению условий для нефтяного кризиса 1970-х и создал взаимозависимости между странами, которые мир до сих пор не может преодолеть.

Если не считать импорта из Канады, то на протяжении более чем полувека Америка в значительной степени обеспечивалась собственным природным газом. По всей вероятности, в ближайшие пять лет США станут крупным импортером газа, а в течение десятилетия они обгонят Японию — нынешнего лидера среди импортеров. По мере того, как Америка неизбежно становится частью этого нового мирового рынка газа, не приведет ли это к новым проблемам в сфере безопасности? Или, напротив, новые взаимозависимости позволят уменьшить будущие риски?

За последнее десятилетие предметом действительно глобального бизнеса — как по характеру операций, так и по своим перспективам — стали многие товары. Природный газ до сих пор являлся исключением. Хотя торговля газом — это гигантский бизнес (его стоимость составляет более чем 500 млрд долларов в год), в силу ограниченной протяженности трубопроводов и отсутствия мирового рынка газа он развивался лишь на местном, государственном и региональном уровнях. Однако эта картина меняется, поскольку благодаря СПГ потребители смогут получать газ из богатых, но в течение долгого времени не разрабатываемых и простаивающих месторождений во всем мире.

Потребность в глобальном рынке СПГ становится насущной. Со второй половины 1990-х годов цены на газ в США удвоились, это ложится дополнительным бременем на экономику и предвещает дефицит газа. Глава Федеральной резервной системы США Алан

Гринспен предостерег недавно: сокращение внутренних запасов газа является «очень серьезной проблемой» и одной из главных угроз национальной экономике; он решительно заявил о необходимости наращивать поставки СПГ.

На СПГ возлагаются сейчас большие надежды. Однако, чтобы полностью развить его потенциал, в общей сложности может потребоваться 200 млрд долларов, и энергетическим компаниям придется выбирать между инвестициями в СПГ и иными инвестициями. Учитывая неопределенность на мировых рынках, в сфере регулирования и государственной политики, удастся ли своевременно создать сложную систему технологий и инвестиций? Не будут ли геополитические риски сдерживать или подрывать это развитие? Способен ли природный газ удовлетворить наши потребности и оправдать наши ожидания?

РАСШИРЯЮЩИЕСЯ РЫНКИ

Природный газ, как и нефть, является углеводородом и в природе встречается либо вместе с нефтью, либо в отдельных месторождениях. Есть старый анекдот времен зарождения нефтяного бизнеса: пробуриив разведочную скважину, геолог докладывает: «Плохая новость — мы не обнаружили нефти. Хорошая новость? Газа мы тоже не обнаружили». Шутка отражает тот факт, что природный газ традиционно имеет более ограниченный рынок и меньшую ценность по сравнению с нефтью. Да и к тому, что нельзя закачать в бензобак, принято было относиться пренебрежительно. В последние десятилетия, однако, преимущества газа становятся все более очевидными.

Из всех видов природного топлива газ имеет самую высокую степень сгорания. При сжигании он лишь незначительно загрязняет окружающую среду и выделяет меньше двуокиси углерода — основного парникового газа, чем нефть или уголь. Кроме того, газа на земле много. Объем всех доказанных запасов составляет более триллиона баррелей в нефтяном эквиваленте. Россия, на которую приходится 30 % известных запасов, является «газовой Саудовской Аравией». Еще 25 % выпадает на долю Ирана и Катара: газ находится в сообщающихся месторождениях «Южный Парс» и «Северное», залегающих под акваторией между обеими странами. Далее по запасам газа следуют Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты. США, на долю которых приходится лишь 3,3 % мировых

запасов, занимают шестую позицию. Государства с еще меньшими запасами (например, Индонезия и Малайзия), все же входят в число крупнейших экспортеров СПГ. Во многих других странах также имеются большие запасы газа, способные стать основой для производства СПГ. Естественно ожидать, что вследствие роста интереса к природному газу будут открыты еще более крупные месторождения. Нигерию, например, обычно считают крупной нефтяной страной. Однако для тех, кто знает о результатах геологических изысканий на ее территории, она представляется потенциально огромной газовой провинцией, в которой заодно встречается и нефть.

Современная газовая промышленность США зародилась в один из самых мрачных периодов Второй мировой войны, когда дефицит энергии угрожал успеху союзников. «Я хочу, чтобы по Вашему указанию кто-то из Ваших людей рассмотрел возможность использования природного газа, — писал президент США Франклин Рузвельт министру внутренних дел Гарольду Икесу в 1942 году. — Мне известно, что на западе и юго-западе США есть ряд месторождений, где практически не найдено нефти, но в огромных количествах находится природный газ. Этот газ так и оставлен в земле, поскольку месторождения расположены слишком далеко от крупных населенных пунктов, чтобы к ним можно было бы проложить трубопровод».

После Второй мировой войны только что созданные газовые компании наконец подвели трубопроводы к этому газу и стали перегонять его с юго-запада на северо-восток страны. Сегодня природный газ обеспечивает выработку почти четверти всей электроэнергии для экономики США. Хотя европейский рынок газа по настоящему «развернулся» только в 1959-м с открытием крупного месторождения в Нидерландах, в настоящее время газ используется для выработки более 20 % энергии региона, и эта доля продолжает расти.

Основным источником природного газа для Европы был Советский Союз, а теперь — Россия. В 1980-х годах предложения по расширению поставок советского газа в Европу стали причиной осложнения геополитической ситуации: между США и европейскими странами разгорелся самый острый спор десятилетия. Сторонники строительства новых трубопроводов из СССР полагали, что транспортируемый газ уменьшит зависимость Европы от Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК) и укрепит ее экономику. Противники,

в основном в США, утверждали, что таким образом усилится зависимость Европы от СССР, а у Кремля появятся как политические рычаги, так и дополнительная твердая валюта для содержания своего военно-промышленного комплекса. И хотя в середине 1980-х конфликт удалось отчасти уладить в результате активных дипломатических действий, окончательное урегулирование произошло лишь с распадом СССР. Однако развитие того, что ныне представляет собой сеть трубопроводов из Сибири до берегов Атлантики длиной около 10 тыс. километров, предвещало интернационализацию газового бизнеса. О том же говорило и появление СПГ.

ЖИДКАЯ ЭНЕРГИЯ

Эффективно транспортировать природный газ – в его газообразной форме – можно только по трубопроводам. Но когда на пути возникает океан, трубопроводы не помогут. К счастью, если природный газ охладить до температуры примерно минус 162 градуса по Цель-

сию, он превратится в жидкость, которую можно на специальных танкерах перевозить по морю на расстояния в тысячи километров.

На СПГ возлагаются большие надежды. Однако чтобы полностью развить его потенциал, может потребоваться 200 млрд долларов.

Затем доставленный сжиженный газ возвращается в первоначальное состояние на терминалах по регазификации СПГ. Это традиционно очень

дорогостоящий процесс. Однако он очень эффективен (газ метан, будучи сжиженным, уменьшается в объеме в 600 раз) и позволяет уместить огромное количество энергии в одной грузовой емкости: за одну перевозку доставляется количество, эквивалентное 5 % газа, потребляемого в США за одни сутки.

Торговля СПГ началась в середине 1960-х годов между Алжиром, с одной стороны, и Великобританией и Францией – с другой. Но вскоре на смену этому многообещающему бизнесу пришли более дешевые поставки по трубопроводам из Нидерландов и британской части Северного моря, а затем из России и Норвегии. И только в конце 1990-х в Европе появился СПГ из Нигерии, Тринидада и Табаго и позже – Катара, где были реализованы новые газовые проекты.

Прирост СПГ, однако, произошел благодаря азиатским странам. Япония стремилась уменьшить загрязнение воздуха за счет перехода от угля и нефти к природному газу для выработки электроэнер-

гии, но транспортировка газа по трубопроводам исключалась. Таким образом, в 1969 году Япония стала импортировать СПГ из Аляски (что продолжает делать и до сих пор). После нефтяного кризиса-1973 правительство Японии сделало ставку на СПГ из соображений энергетической безопасности, чтобы снизить зависимость от ближневосточной нефти. С тех пор Япония диверсифицировала свои источники энергетического сырья путем импорта из различных стран, таких, как Объединенные Арабские Эмираты, Австралия, Бруней, Индонезия, Малайзия и Катар. Южная Корея стала вторым крупнейшим импортером СПГ в Азии в конце 1980-х годов, а Тайвань присоединился к азиатскому клубу импортеров СПГ в 1990-х. Постоянно растущий спрос на электричество в ближайшие несколько лет вынудит войти в ряды импортеров СПГ Китай и Индию — страны с гигантскими экономиками.

В 1970-х годах, когда США начали импорт газа из Алжира, казалось, что они примкнут к странам — покупателям СПГ. Но затем растущая доступность североамериканского газа пресекла легкий «газовый» бум и привела к образованию значительного избытка внутреннего предложения (это явление известно как «газовый пузырь»). По мере того как контракты, вокруг которых разгорался конфликт, приводили к бедственному финансовому положению и тяжбам, СПГ превратился из объекта морских перевозок в объект судебных разбирательств. Терминалы по регазификации были закрыты, и в течение нескольких лет США вообще не импортировали СПГ.

Реализация азиатских и европейских проектов, связанных с СПГ, проходила в соответствии с определенным набором неписаных правил, которые можно назвать «парадигмой СПГ». Эта парадигма направлена на обеспечение того, чтобы логистическое, финансовое и коммерческое звенья цепи связывали поставщиков и потребителей контрактами, оговаривающими каждый этап процесса — от добычи и сжижения газа до его погрузки, доставки и регазификации. Для конкретных предприятий по сжижению природного газа определены и разрабатываются определенные залежи, а готовая продукция доставляется специальными судами на конкретные рынки. Все элементы таких проектов, рассчитанных на 20 лет и более, продумываются и разрабатываются самым тщательным образом еще до каких-либо серьезных инвестиций. Цены на газ рассчитываются по формулам, связывающим цены на СПГ с ценами на нефть. Та-

ким образом, цены остаются конкурентоспособными и не зависящими от последующих решений и покупателей, и продавцов.

Парадигма СПГ была разработана по двум причинам: огромные капитальные затраты на проекты, связанные с СПГ, и неизбежная взаимозависимость между покупателями газа и его продавцами. Попросту говоря, не имеет смысла разрабатывать запасы, если нет рынка, и наоборот. Согласно данной парадигме необходимо, чтобы спрос и предложение развивались в тандеме.

Стоимость «газовых» проектов — от трех до десяти миллиардов долларов за один проект — означает, что инвесторы хотят обеспечить будущие продажи и доходы, защищая себя от непредвиденных и непредсказуемых колебаний рынка.

Эта парадигма вступает в резкое противоречие с тем, как устроен американский газовый рынок после его дерегулирования в 1980-х. Для газового рынка США не характерны долгосрочные контракты: он функционирует на основе спотовых и фьючерсных сделок и краткосрочных контрактов. Несоответствие между парадигмой СПГ и организацией газового бизнеса в США заставило многих наблюдателей прийти к выводу о том, что вряд ли США когда-либо будут импортировать значительное количество СПГ. По крайней мере, такого мнения эксперты придерживались до самого последнего времени.

НАПРАВЛЯЮЩИЙ СВЕТ

Если и существует единственная причина превращения природного газа в товар мирового масштаба, то это рост спроса на электричество. Сегодня природный газ в качестве «предпочтительного топлива» для удовлетворения быстро растущих потребностей в электричестве выбирают как развитые, так и развивающиеся страны. В США спрос растет темпами, которые составляют две трети от темпов роста экономики в целом. В развивающихся странах спрос растет гораздо быстрее. В Китае ныне потребляется в три раза больше электричества, чем в 1990 году, и рост потребления равен рекордным 17 % в год.

Газовые турбины комбинированного цикла (ГТКЦ) — это предназначенная для выработки электроэнергии технологическая новинка, идея которой была заимствована у реактивного двигателя. Она обусловила главное преимущество газа перед его конкурентами: углем, нефтью, атомной и гидроэнергетикой. Станции, оснащенные ГТКЦ, требуют меньше затрат, быстрее строятся и более

эффективны в потреблении энергии, чем существующие станции, работающие на угле. Экологические соображения также укрепили позиции газа в качестве нового «предпочтительного топлива». Из всех видов природного топлива природный газ больше всего подходит для «пост-Киотской» ситуации в мире: при производстве электричества из природного газа образуется лишь 40 % углекислого газа, выделяемого при выработке электроэнергии из угля. И поскольку эти, работающие на газе, электростанции меньше по размеру и гораздо чище, их можно размещать внутри или вблизи городов, что устраняет необходимость в строительстве магистральных линий электропередач.

Государственные лидеры во всем мире проводят дерегулирование энергетического бизнеса с целью перехода от «естественных монополий» к такому рынку, на котором присутствовали бы различные игроки, торгующие и конкурирующие друг с другом. Оказывается содействие новым независимым энергогенерирующим компаниям, выходящим на рынок. Работающие на газе турбины — небольшие по размеру, дешевые, быстрые и экологически чистые — хорошо приспособлены для эры дерегулирования рынков энергии.

Технологии также воздействовали на поставки газа на этот рынок. Раньше казалось, что не удастся сократить высокие затраты на терминалы и танкеры, но фактически они снизились. Недавние технические и проектные усовершенствования привели к снижению стоимости почти на 30 %. Снижение это продолжается и поныне.

Но для формирования мирового рынка недоставало одного компонента — Соединенных Штатов.

АМЕРИКАНСКИЙ ЛОКОМОТИВ

За последние два года США продемонстрировали, что являются одним из ключевых, а в действительности ведущим рынком СПГ с высоким потенциалом развития. Только на США приходится четверть всего природного газа, ежедневно потребляемого в мире. По мере увеличения американского импорта из Канады на протяжении 1990-х самообеспеченность в национальном масштабе плавно переросла в самообеспеченность — и взаимозависимость — в масштабе всего континента. И в довершение всего теперь уже Мексика импортирует газ из США.

В США с большим энтузиазмом восприняли технологию производства энергии из природного газа. В целом использование газа в

выработке электроэнергии выросло почти на 40 % по сравнению с 1990 годом – и ожидается еще более значительный рост. За последнее время построены или скоро вступят в строй новые электростанции общей мощностью свыше 200 тыс. мегаватт. Это огромная мощность, эквивалентная более чем четверти всех энергетических мощностей страны в 2000-м и превышающая мощность всей электроэнергетики Великобритании и Франции, вместе взятых. Значительно больше чем 90 % этой новой мощности будет производиться за счет природного газа.

Однако увеличивающийся спрос на газ столкнулся с проявляющейся сегодня нехваткой природного газа в США. Традиционные источники снабжения больше не способны удовлетворить растущее вследствие повышения спроса на электроэнергию потребление газа. Неутешительные результаты бума 2000–2001 годов, когда активно велись буровые работы, стали первым индикатором этого несоответствия. С 2001-го поставки снизились на четыре процента. В предстоящие годы будут пробурены новые скважины и осуществлены новые поставки. (Ввиду истощения действующих скважин через десять лет более половины собственного газа в США будет добываться из еще не пробуренных в настоящее время скважин.) В ближайшие несколько лет может произойти умеренный скачок поставок газа, что в совокупности с ослабленной экономикой и мягкой погодой способно на какое-то время создать иллюзию отсутствия дефицита. Реальность такова, отмечает Национальный нефтяной совет США в своем новом исследовании, что потенциал геологической базы США уже исчерпан. Нехватка поставок газа и, как следствие, скачок цен на выработку электроэнергии из природного газа стали одной из причин энергетического кризиса в Калифорнии в 2000–2001 годах.

Реагируя на несоответствие между предложением и спросом в США, внутренние цены на газ выросли в два раза, что негативно отразилось на экономике. Между тем сегодняшний разрыв весьма незначителен по сравнению с тем, что может произойти через несколько лет, когда начнется фактическое снижение добычи североамериканского газа. Рост цен ударит по домовладельцам и таким зависящим от газа отраслям, как производство удобрений и пластмасс, химическая промышленность. Компании, занятые в этих секторах, уже сокращают производство и закрывают предприятия. Но в полной мере эффект роста цен на газ еще не ощущается. Когда это произойдет, предприятия будут вытеснены за пределы страны, а рабочие ме-

ста — сотни тысяч или даже миллионы — потеряны. Печальным образом этот крайне болезненный процесс одновременно приведет к снижению потребления в промышленном секторе экономики. Некоторые из этих явлений происходят уже сейчас.

Сбережение энергии будет играть важную роль в смягчении проблемы, связанной с дефицитом поставок газа, однако его возможности ограничены, особенно в свете постоянного роста спроса на электроэнергию (а значит, и на природный газ), опережающего рост эффективности ее использования. Открытие новых крупных месторождений и прорывы в технологии бурения могут увеличить внутренние поставки газа. В США достаточно крупных разведочных областей: восточная часть Мексиканского залива, Скалистые горы и шельфы восточного и западного побережий. Но в настоящее время их нельзя разрабатывать по экологическим соображениям, и любые попытки получить доступ к этим районам неизбежно приведут к политическому скандалу. Строительство нового газопровода с севера Аляски (не путать с Арктическим национальным заповедником дикой природы в Аляске, вокруг которого ведутся дискуссии) обеспечит новые значительные поставки газа, но на реализацию этого проекта уйдет десять лет или больше, и даже если он будет осуществлен, то нехватка покроется лишь частично.

Таким образом, СПГ необходим для возмещения большей части дефицита поставок. В 2002 году на СПГ приходился лишь один процент американских поставок природного газа. К 2020-му его доля может превысить 20 %. Но для реализации потенциала СПГ США необходимо достаточно быстро инвестировать в терминалы по регазификации СПГ. Эти терминалы являются воротами, соединяющими мировую газовую сеть с внутренними рынками США. Разногласия на экологической почве по вопросам лицензирования и выбора участка для строительства терминалов способны сорвать инвестирование, поэтому необходимо решать их разумно и четко применять существующие нормы. Выступая перед Конгрессом, Алан Гринспен сказал: «Мы не можем, с одной стороны, стимулировать использование в США природного газа, более предпочтительного с экологической точки зрения, пока, с другой стороны, не разрешим проблему импорта СПГ в большем объеме».

И рынок, кажется, реагирует на эти потребности: для реализации уже предложено более 30 проектов по регазификации СПГ. Одни регазификационные установки будут находиться на суше, другие

же на плаву в море. А для удовлетворения потребностей тех штатов, которые больше всего нуждаются в таких терминалах, но имеют наиболее строгие экологические законы, установки по регазификации могут быть построены в соседних странах: в Мексике — для снабжения Калифорнии, на Багамах — чтобы обеспечить Флориду, а в Канаде — для удовлетворения нужд Новой Англии. Чтобы преодолеть газовый дефицит США, по меньшей мере треть из предложенных проектов необходимо реализовать в ближайшие десять лет. Каждому из проектов придется пройти через сложный лабиринт процедур получения разрешений и одобрений.

Еще более серьезный вопрос — будут ли разрабатываться месторождения газа и строиться заводы по его сжижению? Ведь именно они и обеспечат поставки на терминалы по регазификации. Многие еще предстоит сделать, чтобы мечта о поставках со всего мира, обеспечивающих Америку сжиженным природным газом, воплотилась в реальность из стали и железобетона. Единственное и самое большое препятствие на этом пути — исключительный масштаб необходимого финансирования: разработка запасов для обслуживания одного терминала в США стоит миллиарды долларов. Для компаний, которые обеспечивают финансирование, проекты, связанные с СПГ, представляются лишь одним из возможных направлений для инвестирования. Таким проектам мало быть просто привлекательными — они должны быть более привлекательны, чем другие проекты. Реалистичные и своевременные переговоры между компаниями и государствами являются одним из важнейших шагов для преодоления этих финансовых трудностей.

ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

Что может обратить вспять развитие СПГ-бизнеса? В случае высоких цен на нефть и газ перспективы нового рынка СПГ вот-вот будут давать основания для оптимизма. Однако производство не будет развиваться по прямой линии — придется преодолевать трудности и вносить исправления уже по ходу работы. Низкие цены на газ, даже если это только временное явление, способны насторожить инвесторов и замедлить рост. Для формирования мирового рынка требуется нечто большее, нежели рост спроса, многочисленные запасы и конкурентные цены. Частные компании должны предоставить необходимые финансовые и человеческие ресурсы. Государственные компании должны разрешить противоречия между коммерческой

привлекательностью СПГ и другими, политическими и социальными, императивами. Банкам и прочим кредиторам необходима уверенность в финансовой состоятельности этих проектов. И все участники проектов должны быть способны выдержать взлеты и падения цен на товарных рынках.

Высокие цены на энергию могут также подорвать этот бизнес, возродив традиционный спор за раздел прибыли между правительствами и иностранными компаниями. Под воздействием спроса на рынке, финансовых трудностей или же националистических настроений правительства могут испытать соблазн пересмотреть существующие договоренности, чтобы добиться более высокой цены на свои ресурсы. В конечном счете крупные газовые проекты будут реализовываться только тогда, когда контракты станут заключаться на равных, справедливых и неизменных для всех сторон условиях. Вероятно, возникнут новые налоговые схемы, чтобы адекватно отразить уровень осознанного риска и ожидаемой доходности от инвестирования в развитие газового бизнеса, а также минимизировать разрыв между неустойчивым американским рынком газа и традиционно стабильной долгосрочной парадигмой СПГ.

Правительствам стран – потребителей газа также придется бороться с рядом искушений. В учебниках сказано: если дать рынку возможность работать, то рост цен на газ приведет к увеличению поставок, и тогда восстановится рыночный и ценовой баланс. В действительности, однако, высокие цены на газ могут также подтолкнуть правительства к принятию таких мер, которые хотя и будут политически популярными, но с экономической точки зрения окажутся контрпродуктивными. В США уже ходят разговоры об установлении контроля над ценами и ограничении потребления газа «актами о потреблении топлива». Серьезное рассмотрение этих мер увеличит риск и неопределенность новых проектов и таким образом приведет к отсрочке столь необходимых инвестиций. А уж применение подобного рода ограничений способно вообще остановить развитие.

Глобализация рынка газа поднимает также вопросы геополитического характера. Одни эксперты предсказывают, что новые интересы и взаимозависимости, появившиеся в результате торговли СПГ, упрочат отношения между странами-производителями и странами-потребителями. Другие опасаются, что это лишь создаст зависимость от импорта еще одного ключевого товара и в итоге приве-

дет к уязвимости перед умышленными махинациями, политическими потрясениями и экономическими трудностями.

Это беспокойство нельзя сбрасывать со счётов. Мятеж исламских сепаратистов на острове Суматра в 2001 году привел к временной остановке предприятий, снабжающих Японию СПГ, хотя образовавшийся дефицит и был компенсирован за счет СПГ из других районов Индонезии. В прошлом году производство нефти было прервано в Венесуэле, где фактически разразилась гражданская война между президентом Уго Чавесом и его противниками, а также в Нигерии – в результате межэтнической напряженности и региональных конфликтов. Оба случая имели серьезные последствия для мирового нефтяного рынка. Можно легко представить себе сценарии, при которых большие объемы экспорта СПГ будут каким-либо образом заблокированы, пусть даже на короткое время. Самая правильная реакция на обеспокоенность по поводу безопасности поставок СПГ – это развивать мировой СПГ-бизнес и обеспечивать поступление больших объемов СПГ из многих стран. Гарантией того, что не возникнет излишняя зависимость от ограниченного числа поставщиков, является поддержка проектов, связанных с СПГ, во многих странах.

Что можно сказать насчет ОГЕК, то есть «газовой» версии ОПЕК? Могут ли несколько стран стать доминирующими на рынке поставок СПГ и перенять конфронтационный курс, которому следовала ОПЕК в 1970-х? Какого-либо рода объединение стран – экспортеров СПГ вполне вероятно. Многие из этих стран являются также экспортерами нефти, и не исключено, что они не удержатся от желания уподобить финансовые условия продажи газа условиям продажи нефти. Но все же эти страны будут ограничены в своих стремлениях. Во-первых, по всей вероятности, их окажется чересчур много и они будут слишком разными, чтобы сформировать единый блок. Видение мира Австралией, Йеменом и Анголой не совпадет. Более того, страны – экспортеры СПГ будут конкурировать не только между собой, но и с местным производством в странах-потребителях, и с поставками газа по трубопроводам, что также ослабит их давление. Наконец, самим странам-экспортерам необходимы также хорошие отношения с потребителями, дабы защитить свою долю рынка и продвигать дополнительные инвестиции. Следовательно, они, по всей видимости, станут с осторожностью подходить к таким действиям, которые способны прервать поток необходимых доходов, поступающих в их казну.

Эти геополитические вопросы должны служить напоминанием того, что торговля газом будет иметь и политические последствия, хотя и не обязательно в форме конфронтации. Газ — не просто еще один товар. В силу своего международного характера торговля газом является также хорошей возможностью для разных стран установить длительные отношения друг с другом, как это произошло в Азии и Европе в последние тридцать лет. Испытывающая недостаток в электроэнергии, Япония давно осознала необходимость укрепления политических связей с государствами, поставляющими ей газ. Так, инвестиции в размере 10 млрд долларов в связанный с СПГ проект «Сахалин», предусматривающий поставки российского газа в Японию, являются единственным примером столь крупного капиталовложения в Россию со стороны иностранного частного сектора. Это — грандиозное предприятие, которое существенно зависит от решимости правительств всех участвующих в проекте стран поддерживать частные инвестиции.

Газовый бизнес ожидают радикальные перемены. Он начинает приобретать глобальный масштаб и действовать по более гибкой рыночной модели. Газ действительно может стать топливом, способным обеспечить развитие во всем мире. Но чтобы эти преобразования в самом деле стали реальностью, Америке необходимо освоить рынок СПГ. К тому же присутствие США на рынке СПГ требуется для удовлетворения потребностей их собственной энергетики и экономики. Компании, разрабатывающие свою стратегию, и правительства, формирующие свою политику, должны идти одним курсом, добиваясь перемен в сфере газового бизнеса. Усиление взаимозависимости приведет к множеству рисков, но в условиях растущего многоотраслевого глобального рынка их можно нейтрализовать. И кроме того, они кажутся незначительными на фоне гораздо более серьезного риска — ведь не исключено, что США и Европа столкнутся с постоянным дефицитом природного газа. Инвестиции в СПГ крайне необходимы в ближайшее время, чтобы позже, в течение этого десятилетия, избежать более серьезных осложнений на газовых рынках и в экономике.

Глобальный газовый рынок — взгляд из России

Владимир Фейгин

Статья Даниэла Ергина и Майкла Стоппарда достойна особого внимания по нескольким причинам. Она интересна прежде всего в силу значимости затронутой темы (газ как «топливо XXI века») и личности первого из авторов — крупнейшего «энергетического политолога» наших дней. Перу Ергина принадлежит объемная монография «Добыча. Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть», описывающая более чем вековую историю мировой нефтяной индустрии, а также вышедшая в начале 1990-х «Россия в 2010 году». В этой книге, написанной в соавторстве с Тейном Густафсоном в период, когда наша страна переживала критическую фазу трансформации, представлены сценарии возможного развития событий в России.

Созданная Даниэлом Ергиним ассоциация энергетических исследований *CERA* быстро превратилась в авторитетную международную организацию. Исследуя наиболее важ-

ные и проблемные сферы современной энергетики — а она, по сути, определяет мировую геоэкономику и геополитику, — *CERA* придерживается принципа сценарного, вариативного описания возможностей развития ситуации, разумно хеджируя риски, неизбежно связанные с прогнозированием. В своих работах *CERA* особенно подробно останавливается на политических аспектах энергетических проблем, стремясь к намеренно заостренной подаче материала и выводов.

Ведя исследовательскую деятельность по всему миру, ассоциация в то же время максимально отражает интересы и озабоченности бизнеса и корпораций США. С этих позиций написана и статья «Следующая цель — мировой рынок газа». Так, констатируя, что «Россия... является газовой Саудовской Аравией», крупнейшим мировым резервуаром природного газа, авторы лишь в незначительной степени затрагивают тему,

В.И. Фейгин — исполнительный директор исследовательского центра «ЭНГО».

связанную с развитием и перспективами газовой отрасли в бывшем СССР и России. Это и неудивительно: ведь в «газовой» сфере Москва традиционно сотрудничает не с Соединенными Штатами, а с Европой. Между тем вопрос о возможных поставках российского газа активно обсуждался на втором российско-американском энергетическом саммите, прошедшем в сентябре 2003 года в Санкт-Петербурге. Тогда официальные лица обеих стран выражали уверенность в том, что газовое взаимодействие (продажа в США сжиженного газа) будет налажено в течение ближайшего десятилетия. Поэтому мнение влиятельных американских аналитиков и их представление о будущем глобального газового рынка для нас особенно интересны, хотя и требуют уточнений и комментариев с российской точки зрения.

Газовая паутина

Бывший СССР и США создали две крупнейшие в мире системы газоснабжения мощностью соответственно свыше 800 млрд куб. м/год (в т.ч. в России более 600 млрд куб. м/год) и свыше 600 млрд куб. м/год. Американская система была сформирована преимущественно в послевоенные годы; пик развития советской пришелся на 1970–80-е. В результате грандиозные трубопроводные системы опутали два материка — Северную Америку и Евразию (точнее, Европу и Западную Азию,

включая Западную Сибирь и центральноазиатские республики). Обе газовые сети представляют собой трансконтинентальные системы большой протяженности. При этом Единая система газоснабжения (ЕСГ) бывшего СССР и России связана экспортными газопроводами со странами Европы, так что максимальная дальность поставок российского газа достигает 6 тыс. км (конечно, не 10 тыс. км, как ошибочно указывается в статье). Среднее расстояние, на которое газ транспортируется российским потребителям, превышает 2 500 км. Основу системы составляют три мощных коридора — Северный, Центральный и Южный, — по которым тюменский газ поступает в европейскую часть страны. Многониточный Центральный коридор производительностью свыше 350 млрд куб. м/год является крупнейшим в мире, а суммарная производительность всех трех достигает 550 млрд куб. м/год.

В американской системе экспорт не играл существенной роли, а газ доставляется на расстояние, в среднем не превышающее 1,5 тыс. км. Правда, примерно 15 % газа поступает на северо-восток США из Канады, прежде всего из западной провинции Альберта. Эти поставки осуществляются по мощным системам протяженностью свыше 2,5 тыс. км. Цена газа в значительно большей степени, чем цена других энергоносителей, зависит от дальности транс-

портировки, и это определяет пределы возможной экспансии трубопроводных поставок газа. Достаточно реалистичной оценкой стоимости транспортировки по трубам большого диаметра и высокого давления можно считать 15 дол. за тыс. куб. м на 1000 км. При складывающихся рыночных ценах на газ (газовые контракты увязаны с нефтяными ценами и индексируются в зависимости от их колебаний) расстояние в 6 тыс. км является естественной границей, за которой поставки перестают быть рентабельными.

Конечно, российский газ не единственный источник поставок в Европу. На континенте есть собственные крупные поставщики газа (Великобритания, Норвегия, Нидерланды), важным внешним партнером является Алжир. Аналитики Европейского союза указывают, что Европа, которая сама обладает значительными, но все же ограниченными по сравнению со своими потребностями запасами, окружена «океаном природного газа». В пределах экономической досягаемости находятся как ресурсы Западной Сибири (в том числе перспективные месторождения полуострова Ямал, пока не включенные в разработку), Баренцева моря, Северной Африки, так и ресурсы Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока.

Упомянутая в статье «парадигма» сжиженного природного газа (СПГ) является и парадигмой газа трубопро-

водного. Можно говорить о парадигме поставок газа вообще, причем она заметно отличается от нефтяной. Все используемые в газовом бизнесе технологии связаны с высокими капитальными затратами и требуют длительных сроков окупаемости, а значит, необходимо установление долгосрочных отношений поставщиков с кредиторами, покупателями и т.п.

Для осуществления газовых трубопроводных проектов нужна долговременная стабильность во всех сегментах создаваемой системы, и многие разработанные проекты не реализуются, потому что ее трудно обеспечить.

К примеру, когда правительство Алжира решило пересмотреть условия заключенных контрактов, сочтя их недостаточно выгодными, европейские покупатели (прежде всего Франция) испытывали сложности с поставками алжирского газа. Международные санкции против Ливии осложнили в 1990-е реализацию проектов по импорту газа из этой страны.

На этом фоне послужной список российских газовиков, которые всегда, даже в период тяжелейшего кризиса, связанного с распадом Советского Союза, обеспечивали бесперебойные поставки в Западную Европу, является убедительным доводом в пользу расширения сотрудничества.

Ситуация в Азии отличается от европейской и американской. Размеры этой части света таковы, что сухопутные поставки газа возможны только на субконтинентальной основе. Такие

проекты, как поставки газа с севера Тюменской области в восточные районы Китая, представляются хотя и осуществимыми, но едва ли экономически эффективными. Правда, развитие транспортных технологий позволяет надеяться на то, что в будущем положение изменится.

Рынок глобальный или региональный?

Россия (бывший СССР) была и остается крупнейшим игроком на рынке сухопутных, трансконтинентальных поставок газа. США же на протяжении последних десятилетий руководствовались, по сути, изоляционистской моделью, создавая собственный рынок, мало связанный с мировыми.

А ведь попытки наладить связи с мировыми рынками предпринимались. Так, проект поставок СПГ из СССР в США рассматривался еще в 1970-е годы. Он так и остался на бумаге, однако в Америке были построены четыре терминала по приему СПГ из других стран, которые к настоящему моменту почти не используются и частично закрыты. Одной из основных причин тогдашнего падения интереса к подобным поставкам стала либерализация газового рынка США, в результате которой предложение природного газа превысило спрос, цены резко снизились, после чего ряд масштабных проектов утратил рентабельность. Таким образом, газ, в отличие от

нефти, оставался по преимуществу региональным товаром. Несколько рынков, крупнейшими среди которых являются Североамериканский и Европейский, действуют в значительной мере независимо друг от друга. При этом Североамериканский рынок действительно функционирует как целостная система с общими правилами игры.

В Европе же хотя и создана инфраструктура поставок, но формирование единого Европейского рынка еще только стоит в повестке дня.

Интеграция, за 40 лет охватившая все сферы хозяйственной жизни Европейского союза, до последнего времени обходила стороной газовую (и электроэнергетическую) область.

Страны — члены ЕС продолжали руководствоваться национальными законодательствами, свобода передвижения сырья была ограничена, поддерживались структуры-монополисты (юридические или фактические). Директива по газу, принятая в 1998 году и призванная создать единый рынок ЕС, поставленную задачу не выполнила. Ныне подготовлена вторая Директива, которая ужесточает условия и сроки создания такого рынка: его следует завершить к 2007 году. В результате должен возникнуть работающий по единым правилам (с определенными исключениями) рынок газа 27 стран расширенного ЕС. Реальность поставленных сроков и достижимость целей вызывают сомнения, однако в любом случае процесс либе-

рализации существенно изменит картину мировой газовой отрасли и создаст важный элемент формируемого глобального газового рынка.

Вопросы интеграции в ЕС внешних поставщиков газа, прежде всего России, только начинают обсуждаться.

Речь, в частности, идет о перспективах общего экономического пространства ЕС—Россия, а также построения Евразийского рынка газа, на котором России предстоит взаимодействовать с другими производителями газа, в том числе с государствами Центральной Азии.

Третий рынок газа, который активно обсуждается в статье, — это рынок СПГ. На сжиженном природном газе почти полностью построено газоснабжение стран Юго-Восточной Азии и в определенной мере (в пределах 10 % потребления) — стран Западной и Южной Европы. Морские перевозки СПГ, как и перевозки многих других товаров, относительно дешевле наземной транспортировки и, что немаловажно, не требуют (по крайней мере, в технологическом отношении) жесткой привязки поставщика к потребителю и к трассе транзита газа. Поэтому потенциально рынок СПГ может быть глобальным. В то же время реализация проектов, связанных с СПГ, требует крупных инвестиций, и для их окупаемости тоже необходима жесткая и долгосрочная связь поставщиков с потребителями. Только в последние два-три года на спотовые рынки нача-

лись поставки СПГ, которые, несмотря на их ограниченные размеры, действительно начинают играть роль ценового арбитража между крупнейшими региональными рынками газа.

Топливо, необходимое всем

Обращение авторов авторитетного американского журнала к газовой тематике, которая, по крайней мере для Даниэла Ергина, является относительно новой, безусловно, связано с кардинальным изменением роли природного газа в мире и в США.

Примечательно, что в статье не описываются различные сценарии на этот счет, что обычно свойственно материалам CERA, а просто констатируется тенденция. С чем же она связана? Налицо, как минимум, два фактора: один общемировой, а второй собственно американский. Общемировой фактор — это резкий рост потребности в природном газе, что обусловлено в первую очередь его преимуществами в качестве источника для получения электроэнергии. Потребление газа растет даже в странах со стабильным уровнем энергопотребления — например, в Японии, Франции, Германии. Объем газового рынка выходит на сопоставимый уровень объема рынка нефти, в тени которой он долгое время пребывал. При этом газ оставляет далеко позади уголь, ядерную энергетику и возобновляемые источники энергии (несмотря на увеличение доли последних).

Потребление газа на разных национальных и региональных рынках растет неравномерно, это связано с особенностями рынков и методов их регулирования. Если в ряде европейских стран (Великобритании, Нидерландах, Италии) массивный сдвиг в сторону использования природного газа в электроэнергетике произошел уже в 1990-е годы, то в других развитых странах (например, Германии, Франции или Швеции) эти процессы носят более замедленный характер или пока отложены.

Значительная доля энергетических мощностей США традиционно базируется как на угле (Америка располагает крупными запасами качественного угля, разрабатываемого открытым способом, и эффективными технологиями его «чистого» сжигания), так и на атомной энергетике. Долгое время потребление природного газа не увеличивалось. Однако при расширении и модернизации энергетических мощностей подавляющая доля новых проектов (порядка 90 %) предусматривает использование природного газа. В обозримой перспективе это приведет к резкому росту (наполовину) потребности в этом энергоносителе.

Газовая отрасль США относится к старейшим в мире. В стране обозначилась тенденция к снижению объемов добычи, в целом ясно, что собственные ресурсы природного газа не смогут обеспечить основную долю прироста потребления. Возможностей

Канады и Мексики — соседей США по североамериканскому рынку — также далеко не достаточно для решения этой задачи. США вступают в новую газовую эру: после длительного периода изоляционизма, преимущественной опоры на собственные силы неизбежен резкий рост импорта. А для этого потребуются вовлечение в глобальную торговлю этим продуктом. США уже проходили подобный этап в нефтяной сфере. Так что задача понятна: построить глобальный рынок природного газа, как ранее был построен глобальный рынок нефти или как создаются глобальные финансовые рынки. Этот вызов становится для США одним из национальных приоритетов.

Однако если сама задача сформулирована в статье Ергина и Стоппарда весьма четко, то пути ее решения обозначены довольно неопределенно. А ведь подходы могут быть разными; и сценарии развития событий тоже могут отличаться.

В определенном смысле идеальной для США моделью газового рынка был бы аналог рынка нефти, что подразумевает доминирование спотовых сделок, отсутствие привязки к поставщику, широкое использование финансовых инструментов, то есть поле, на котором американские компании могли бы в полной мере использовать свою конкурентную силу и преимущества. Между тем рынок нефти испытывает периоды волатильности (краткосрочной изменчи-

ности), а в последнее время — неприятный для потребителей длительный период аномально высоких цен. Американский рынок газа, на котором реализованы основные принципы либерализации, учитывает волатильность нефтяных цен (есть значительный круг потребителей газа, способных на конкурентных началах использовать вместо газа нефтепродукты), но ему, особенно в последние годы, присущи собственные резкие ценовые колебания. Они связаны как с сезонными колебаниями потребности в газе (следствие усугубляющейся разбалансировки погодных и даже климатических явлений), так и с тем, что цены на газ жестко увязаны с газотранспортными возможностями. В результате утрачено главное достижение либерализации — длительный период низких цен на газ.

Трудно согласиться с утверждением авторов о нынешнем преобладании в США спотового рынка газа. По некоторым данным, большинство контрактов до сих пор носят среднесрочный характер (три-пять лет).

Потребители предпочитают именно такие контракты как способ снижения части своих рисков. Что же касается борьбы с так называемой парадигмой СПГ, то данная задача не решена и внутри США. В этом контексте вполне понятно упоминание о необходимости введения «новых налоговых схем». Принимая во внимание приверженность американских экономистов к стандартным, не

учитывающим отраслевые особенности, либеральным подходам, можно утверждать, что этот посыл представляется очень важным. Пока, правда, совершенно неясно, о чем может идти речь на практике. Видимо, авторы осознают, что «парадигма СПГ» сама по себе не исчезнет, однако они не предлагают никаких рецептов для ее преодоления. Тем не менее внимание, которое Ергин и Стоппард уделили этой проблеме в статье, посвященной столь глобальной теме, говорит о многом.

Значительная зависимость от внешних факторов выдвигает на первый план проблему безопасности поставок. Возможность образования альянсов производителей или, по крайней мере, их согласованного поведения возрождает призрак газовой ОПЕК (ОГЕК). Этот вопрос в статье только обозначен, однако перспективы такого рода организации — весьма интересная тема.

Россия, несомненно, будет представлена на глобальном рынке СПГ.

Уже осуществляется проект «Сахалин-2» с годовой производительностью около 10 млн тонн (свыше 13 млрд куб. м/год). Обсуждаются возможности строительства заводов по производству СПГ на Ямале и на основе Штокмановского месторождения в Баренцевом море. И все-таки российский рынок носит ярко выраженный континентальный характер, поэтому трубопроводные поставки российского газа будут, по-

видимому, и в дальнейшем доминировать над поставками СПГ. Ведь даже сахалинский завод, который окажется одним из крупнейших в мире, по производительности не сопоставим с существующими многоточными трубопроводными системами. Его производительность составляет менее половины производительности одного магистрального газопровода диаметром 1420 мм. Между тем именно на таких газопроводах основана ЕСГ России. СПГ, очевидно, станет одной из составляющих обоих крупнейших российских проектов — Ямальского и Штокмановского. Насколько она будет велика и каковы сроки ее реализации, пока трудно предсказать. Каждый из проектов по своему масштабу намного превосходит обычные проекты, реализуемые в сфере СПГ. Так, запасы Штокмановского месторождения превышают 3 трлн куб. м, а Ямальских месторождений — 9 трлн куб. м, годовые объемы добычи могут достигать соответственно 60–90 млрд куб. м/год и 160–200 млрд куб. м/год и выше. Кроме того, оба проекта должны быть важнейшим фактором обеспечения внутренних потребностей России, не связанным с получением и использованием СПГ. Сделаем еще несколько уточнений. В Иране, во второй после России стране по объему газовых ресурсов, «Южный Парс» отнюдь не единственное месторождение газа. Объединенное месторождение «Южный

Парс» (иранская часть) — «Северное» (Катар), являясь крупнейшим в мире и содержа порядка 13 трлн куб. м газа, более чем в три раза уступает промышленным запасам газа России. Далее, трудности, связанные со строительством приемных терминалов СПГ на побережье США, не представляются непреодолимыми, хотя, конечно, необходимость соблюдать экологические стандарты может их усугубить (недавно такие проблемы привели к отсрочке строительства терминала в Италии).

В соревновании за мировое первенство с нефтью газ пока резко проигрывает в одном из основных сегментов рынка — в секторе моторного топлива. Однако и здесь ситуация может измениться. Крупнейшие нефтяные компании уже приступили к реализации первых проектов по строительству крупных установок по принципу *GTL (Gas-To-Liquids)*: природный газ преобразуется в экологически чистые жидкие моторные топлива. Эти установки становятся конкурентоспособными при достаточно высоких нефтяных ценах. Установки *GTL* могут быть созданы там, где для выработки СПГ недостаточно ресурсов или возникают потребности рынка в жидком топливе. Между тем данное направление не отражено в статье Ергина и Стоппарда. Очевидно, решить стратегические задачи по обеспечению масштабного и стабильного развития импорта СПГ для Америки сегодня гораздо важнее.

Газовый переворот

«**К**огда народ поднялся на защиту своего газа, это было ясным сигналом: люди не хотят, чтобы газ продавался на экспорт на существующих условиях. Газ — наша надежда, газ — наше будущее. Отдать его в руки транснациональных корпораций противоречит конституции...» (**Эво Моралес**, лидер боливийских производителей коки и Движения к социализму, индеец-аймара).

Президент Боливии **Гонсало Санчес де Лосада** стал первым в истории главой государства, свергнутым из-за природного газа. Волнения в одной из беднейших стран Латинской Америки вспыхнули в октябре 2003 года, когда правительство обнародовало планы экспорта газа (по его запасам Боливия занимает второе место на континенте) в США и Мексику. Распределение доходов между иностранными (испанскими и американскими) подрядчиками и правительством — 82 : 18. Ситуация резко обострилась, когда выяснилось, что сырьё предполагается экспортировать через чилийские порты: Чили — исторический соперник Боливии, захвативший боливийское побережье во время войны 1879—1883 годов.

Фелипе Киспе, лидер индейцев-кечуа и исполнительный секретарь Конфедерации крестьян Боливии, пригрозил гражданской войной, если «земля, недра и все, что в этих недрах», не достанется индейцам. Профсоюзы потребовали отменить Закон об углеводородном сырье, «чтобы вернуть боливийцам их достойное — газ». Парламент высказался за пересмотр договоренностей с иностранными компаниями.

Попытки убедить население, что контракт выгоден Боливии, так как создаст рабочие места, стимулирует экономику, решит проблемы торгового и бюджетного дефицитов, к успеху не привели. В результате беспорядков погибли более 60 человек. Президент Лосада бежал в США, а новый глава государства (ранее вице-президент) **Карлос Меса Хисберт** призвал «не поддаваться излишним эмоциям. Боливия не может позволить себе не экспортировать газ, особенно когда экономика в критическом состоянии, и перспективы немедленного роста невелики...»

Соседи включились в борьбу за транзит. Перу объявила о готовности профинансировать разницу в стоимости экспорта (309 млн дол.) через чилийские порты и перуанский порт Ило, свой маршрут предложил Уругвай. Иностранные компании по-прежнему намерены начать экспорт боливийского газа в 2008—2009 году.

Полемика

“ Принцип «справедливости для всех» изначально отнюдь не заложен в мироздании — ни в природе, ни в человеческом обществе. Никакие правила «справедливой конкуренции» не могут снять противоречий, кроющихся в самой природе рыночной экономики ”

Реальность глобализации и критика антиглобалистов

Сергей Долгов

170

Модель на выброс *Надежда Арбатова*

181

Объективное познание Европы *Тимофей Бордачёв*

188

России нужна не реформа армии, а новая армия

Александр Храмчихин

192

Реальность глобализации и критика антиглобалистов

Сергей Долгов

Полемика между сторонниками и противниками глобализации продолжается. Впрочем, для трезвомыслящих наблюдателей это звучит так же нелепо, как если бы речь шла о сторонниках и противниках вращения Земли или смены времен года.

При этом сами критики глобализации нередко впадают в явные противоречия. Один из характерных примеров — статья преподавателя Гарвардского университета **Стэнли Хоффмана**, опубликованная в журнале *Foreign Affairs* (№ 4, 2002 г.), а в переводе — в журнале «Россия в глобальной политике» (№ 1, 2003 г.).

Автор определяет экономическую глобализацию как результат недавних революций в технологии, информации, торговле, иностранных инвестициях и международном бизнесе, а ее главными действующими лицами, наряду с государствами и международными

организациями, называет компании, инвесторы, банки и частный сектор сферы услуг. Однако через две страницы он заявляет, что «глобализация — это лишь набор технических средств...». И тут же утверждает: «Нет оснований считать, что глобализация неизбежна и непреодолима... В значительной мере глобализация — детище Соединенных Штатов». Спрашивается, каким же образом можно «преодолеть» глобализацию, куда денутся ее «главные действующие лица»: международные компании и другие, которые только что перечислил автор?

Что касается роли США в процессах глобализации, то она явно преувеличена. Согласно *World Investment Report*, среди 25 крупнейших транснациональных корпораций только 6 базируются в США, 15 — в западноевропейских странах, 3 — в Японии и 1 — в Канаде. Зачем же преуменьшать роль двух других центров совре-

С.И. Долгов — д. э. н., профессор, ректор Всероссийской академии внешней торговли.

менного мира – Западной Европы и Японии, а также крупнейших ТНК развивающихся стран – Южной Кореи, Мексики, Малайзии и других? А ведь транснациональные корпорации – основной экономический каркас, несущая конструкция глобализации.

Критические выступления антиглобалистов идут преимущественно по двум линиям. Во-первых, это критика глобализации, так сказать, с морально-этических позиций, в терминах «социальной справедливости и несправедливости». Здесь много человеческих эмоций, но явно недостает реалистичного анализа ситуации. Во-вторых, это критика глобализации с позиций догматических марксистско-ленинских концепций. При этом современная, изменившаяся и продолжающаяся изменяться действительность насильственно втискивается в рамки устаревших понятий. Среди ряда кардинальных вопросов, которые обсуждаются ныне в связи с глобализацией, есть и старый вопрос о соотношении экономики и этики, об экономических и моральных целях и ценностях. Речь идет в данном случае о разных сферах, в каждой из которых существуют свои критерии, понятия, законы. В сфере экономики главный критерий –

эффективность. В сфере морали – справедливость.

Названные критерии и цели далеко не всегда совпадают, и еще со времен социалистов-утопистов XIX века критики капитализма указывали на это обстоятельство, рассматривая его как глубокое, органическое противоречие, неразрешимое в рамках существующего строя.

По мнению Хоффмана, глобализация как «сегодняшняя форма существования капитализма... выдвигает в качестве основной дилеммы противоречие между эффективностью и справедливостью», причем глобализация усугубляет это противоречие. Тот же мотив звучит еще более эмоционально в статье португальского писателя, известного противника глобализма **Жозе Сарамыгу** «Почему я поддерживаю антиглобалистов» («Россия в глобальной политике», № 1, 2003 г.).

Спору нет, противоречие между экономическими и социальными целями крайне остро проявлялось на ранних стадиях промышленного капитализма, в XIX веке, а также и в XX столетии. В последние десятилетия, в эпоху развернувшейся научно-технической революции, включая появление «новой экономики», основанной на информационных технологиях,

это противоречие, прежде всего в развитых странах, постепенно смягчается.

Именно человеческий ресурс и интеллектуальный потенциал превращаются в главный источник экономического развития. Такова природа «новой экономики», экономики знаний. Это относится ныне и к старым, традиционным отраслям, во многом преобразованным на основе автоматизации, роботизации, компьютеризации (например, металлургическая промышленность, где в прошлом преобладал тяжелый ручной труд). Поэтому затраты на «человеческий капитал», обеспечение достойного уровня и качества жизни как со стороны частных компаний, так и со стороны государства выступают в качестве необходимого условия экономической эффективности.

Таким образом, постепенно преодолевается (хотя, конечно, и не полностью) то самое «противоречие между эффективностью и справедливостью», о котором пишет Хоффман. С развитием процессов глобализации, основным экономическим содержанием которых является рост зарубежного производства ТНК, эти же положительные тенденции проявляются и в менее развитых странах.

Трудно отрицать то обстоятельство, что именно благодаря прямым иностранным инвестициям условия жизни в десятках развивающихся стран для многих улучшились и продолжают улучшаться, вопреки скептическому утверждению Хоффмана о том, что «это весьма сомнительно», поскольку в основе международных отношений лежат «вовсе не гуманитарные соображения» и альтруизм. Скептицизм Хоффмана распространяется и на такое проявление глобализации, как создание общего экономического пространства ряда государств. Следовательно, надо полагать, что условия жизни в США и Канаде стали бы лучше, если бы граница между ними была не прозрачной, а по-настоящему «обустроенной». А для населения Западной Европы было бы лучше обойтись без шенгенских соглашений, создавших единое безвизовое пространство от Скандинавии до Португалии. Особого внимания заслуживает тезис о том, что «экономическая глобализация стала причиной неравенства между странами...». Причины «неравенства между странами» (а также между крупными регионами, цивилизациями), которые издавна изучают историки, связаны со множеством разнообразных факторов: природ-

ных (климат, полезные ископаемые и т. п.), социально-экономических, общественно-политических, региональных, национально-культурных традиций и других. При этом в разные эпохи на первый план выдвигались то одни, то иные из этих факторов. Отсюда — исторические перемещения цивилизационных центров и, говоря современным языком, источников и центров экономического роста.

Таким образом, неравенство между странами в уровне, темпах, структуре, общих тенденциях экономического развития столь же неизбежно, сколь и неравенство между людьми. Целью демократического общества является «равенство возможностей, но не результатов». Подобный подход, по существу, воплощается в деятельности ООН и ее учреждений.

Поэтому представляется несколько неудачным название интересной, весьма содержательной статьи **Владислава Иноземцева** (в том же номере журнала «Россия в глобальной политике») «Глобализация и неравенство: что — причина, что — следствие?». Такая постановка вопроса предполагает строго однозначный ответ. Нам представляется, что вопрос в данном случае состоит в том, ведет

ли глобализация к ослаблению или к усилению неравенства?

Если подходить к делу беспристрастно, то трудно получить однозначный и количественно точный ответ на этот вопрос. Тем не менее из обобщенных показателей, охватывающих десятки стран «центра» и «периферии», можно сделать вывод об увеличении «мирового неравенства». Однако, как справедливо подчеркивает автор, «современное углубление мирового неравенства» не связано с глобализацией, которая «не является причиной роста неравномерности мирового развития». Следовало бы лишь добавить, что без влияния глобализации этот разрыв был бы более значительным по крайней мере по двум очевидным причинам. Импорт в развитые страны, с одной стороны, и прямые иностранные инвестиции в страны «периферии», с другой — эти два фактора глобализации стимулируют экономический рост в развивающихся странах и потому смягчают указанное неравенство. Это подтверждается также «доказательством от обратного»: самоизоляция отдельных стран с закрытой или полужакрытой экономикой (пример — Северная Корея) ведет к самым пагубным экономическим последствиям.

В статье Иноземцева отмечается,

что глобализация не способна стать значимым фактором преодоления мирового неравенства. Но что же может стать таким фактором? И возможно ли, хотя бы теоретически, такое «преодоление»? Думается, что преодоление «неравномерности мирового развития», а отсюда и «мирового неравенства» так же в принципе невозможно, как преодоление неравенства между отдельными людьми. Кстати говоря, значительное неравенство существует и подчас даже усиливается как в группе стран «центра», так и между странами «периферии». В мировой рыночной экономике иначе и быть не может.

В связи с проблемой «глобализация и неравенство» Иноземцев выдвигает концепцию новой природы «мирового неравенства». В его основе, по мнению автора, лежит не военная сила, не монопольная собственность на землю или капитал, а знания и информация.

Хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу этой концепции.

Знания и их практическое применение всегда играли немалую роль в истории человечества и создании «неравенства между странами». Та же самая «военная сила», на которую ссылается ав-

тор как на орудие господства и подчинения в прежние исторические эпохи, в полной мере использовала все технические достижения каждой эпохи: от римских боевых колесниц и средневековой метательной катапульты до динамита, самолетов и ракет. «Превращение капитала в решающий фактор производства» также непосредственно было связано с использованием науки и техники своего времени (достаточно вспомнить историю промышленного капитализма XIX века). Своеобразие нынешней эпохи состоит в том, что «производство знаний» превратилось в самостоятельную, крупную, ведущую отрасль экономики, питающую все другие отрасли. Это производство поставлено на поток и само использует индустриальные методы не только в прикладных областях, но и в фундаментальной науке. Отсюда – громадная и все возрастающая роль «предприятий», где вырабатывается этот продукт (то есть новые знания): университеты, научные институты, лаборатории и научные центры крупных компаний. Такова инфраструктура данной сферы современной экономики. Верно ли при этом, что проблемы «информационной революции», в том числе вопросы рас-

пространения в мире ее результатов, «не имеют прямого отношения к глобализации»? Сама глобализация мировой экономики стала возможной в значительной степени на основе современных информационных технологий и развития средств связи. Вместе с тем международное производство все больше охватывает не только традиционные отрасли обрабатывающей промышленности, но и новейшие информационные технологии: производство компьютеров, всевозможных электронных приборов производственного и бытового назначения, телекоммуникационного оборудования, а также программного обеспечения всей новейшей техники. Поэтому глобализация ведет к сокращению «информационного неравенства» между странами.

В этой же статье проводится мысль о том, что «экономика знаний» создает все более катастрофическую ситуацию в странах «периферии», поскольку «если собственники капитала объективно стремятся расширить сферу своего влияния, то носители знаний, напротив, тяготеют к концентрации и консолидации», а «потенциальные создатели знаний мигрируют исключительно из “периферии” к “центру”. Про-

цесс социальной поляризации во всемирном масштабе становится поэтому неконтролируемым и необратимым».

Как нам представляется, перспективы здесь все же иные. В отличие от земли и ее недр, в отличие от капитала (в его денежной и особенно вещественной форме), знания в гораздо меньшей степени поддаются «концентрации и консолидации». Великое множество специальных журналов на десятках языков, глобальная сеть Интернет, непрерывная череда научных конференций, семинаров и симпозиумов, развитая и достаточно прозрачная международная система патентования изобретений и открытий — все это в условиях глобализации способствует широкому распространению по всему миру новых знаний, а не их монополизации в руках немногих. В этом же направлении действует международная система коммерческого оборота (купля-продажа) лицензий на использование тех или иных достижений науки и техники.

Конечно, есть научные разработки, закрытые по соображениям национальной безопасности, а также стремление корпораций возможно дольше использовать выгоды от новейших разработок,

но это не отменяет общей тенденции. Завтра или послезавтра результатами новых открытий сможет воспользоваться большинство стран, как это и происходит в действительности. Все чаще иностранный капитал создает в развивающихся странах нормальные предприятия обрабатывающей промышленности (например, автомобильные с частичной, а потом и с полной сборкой). В дальнейшем настанет очередь для производства за границей компьютеров и другой электроники. Тем более что подобная «диффузия» ожидает и новое «производство знаний», поскольку оно требует меньшего стартового капитала.

Что касается проблемы «утечки умов», то и в этой области не все выглядит предельно однозначно. Вряд ли «потенциальные создатели знаний мигрируют исключительно из “периферии” к “центру”». Среди огромного и растущего числа студентов и аспирантов из Третьего мира, обучающихся за границей, далеко не все потеряны для своих стран.

В итоге автор приходит к выводу, что поскольку ныне неравенство доходов в различных странах порождается в конечном счете неравенством интеллекта и знаний, то «в соответствии с традиционными

представлениями о справедливости “новое неравенство” нельзя признать несправедливым».

Отсюда следует и другой, безусловно, верный и весьма существенный вывод: возможно, в дальнейшем «желание реформировать складывающийся мировой порядок будет угасать». Добавим к этому, что в последние десятилетия оно уже «угасает». Достаточно вспомнить, как сошла на нет, испарилась идея «нового международного экономического порядка», активно продвигавшаяся в 1960–1970-х годах на всех международных форумах «Группой 77», то есть развивающимися странами. И это произошло и происходит вследствие тех позитивных для многих развивающихся стран изменений, которые влечет за собой экономическая глобализация.

В этой связи представляется неоправданной позиция Хоффмана, который утверждает, что глобализация поощряет конфликты и недовольство, так как современные средства коммуникации позволяют обездоленным сравнивать условия своей жизни с условиями жизни в свободных и процветающих странах. Об этом «демонстрационном эффекте» писал еще в 1960-х норвежский социолог Рагнар Нурксе. И по сему, заключает Хоффман, эти

обездоленные «могут начать требовать возмездия и защиты... посредством терроризма».

А, например, по мнению Сарамангу, глобализация — это новая форма тоталитаризма. Однако, как ни велико могущество крупнейших ТНК, сильное демократическое государство имеет возможность пресечь их противоправную деятельность и «призвать к порядку», используя при этом необходимые рычаги исполнительной и судебной власти. В качестве примеров можно назвать недавние судебные преследования таких гигантов большого бизнеса, как компании «Майкрософт» и «Энрон» (США).

Другое направление критических выступлений антиглобалистов связано с безнадежно устаревшей ленинской концепцией империализма. Сошлюсь, в частности, на статью **Низами Абдулгамидова и Сергея Губанова** «Глобализация: трактовки и действительность» в журнале «Экономист» (№ 9, 2001 г.).

Общее впечатление от этой статьи таково, что никаких существенных изменений в мире не произошло и что, как сто лет назад, сущность мировой экономики состоит в наличии двух противоположных групп стран: «империалистических хищников» и

стран, находящихся в неокOLONиальной зависимости и подвергающихся империалистической эксплуатации.

Правда, некоторые изменения, не затрагивающие, по мнению авторов, сути международных экономических отношений, все же имели место. В мире империализма вместо нескольких стран-метрополий, эксплуатирующих каждая по отдельности свои колониальные владения, сложился единственный международный империалистический центр во главе с США, совместно эксплуатирующий зависимые от него страны. Этот центр представляет «большая семерка», с 1975 года ежегодно проводящая свои заседания.

Есть, правда, обстоятельство, которое авторы обходят молчанием. Как известно, «большая семерка» уже превратилась в «большую восьмерку» — за счет вхождения в нее России. Из данной схемы следует, что и Россия (а, возможно, в дальнейшем и Китай) входит в этот клуб «империалистических хищников».

Новым моментом, как отмечается в статье, явилось и то, что в мире империализма возникли «вертикально интегрированные компании» (то есть ТНК). Здесь сложился, по терминологии авторов,

«высший капитализм». В отличие от этого «высшего капитализма» неоколониальный мир находится на стадии «низшего капитализма» (в прошлом колониальные страны находились на докапиталистической стадии развития). Эти «стадиальные» различия представляют собой, как утверждает в статье, основу нынешней неоколониальной зависимости и эксплуатации, которая осуществляется преимущественно экономическими и финансовыми методами: «в эпоху монетарной эксплуатации объектом колонизации становятся страны, находящиеся на низших ступенях развития капитализма...».

Отсюда делается общий вывод: «Глобализация есть, в сущности, не что иное, как новейшее явление современного империализма, которое характеризуется превращением отношений неоколониальной зависимости из региональных во всемирные. За ней нет ничего, кроме глобализации империалистической эксплуатации зависимых стран».

Из этой концепции фактически следует (хотя авторы даже не упоминают об этом), что формирование «богатых наций» связано с развитием «высшего капитализма», который обеспечивает достойный уровень жизни

и благополучие подавляющего большинства населения.

Другой вывод: оказывается, существует много государств, которые авторы не относят ни к империалистическим, ни к колониальным. Например, это все западноевропейские страны, кроме четырех, входящих в «большую восьмерку». Однако они и без эксплуатации неоколоний достигли в той или иной мере стадии «высшего капитализма» и, конечно, представляют «богатые нации», в ряде случаев опережающие по социально-экономическим показателям государства так называемого империалистического центра.

Несомненно, что целый ряд стран, отнесенных к «неоколониальной эксплуатируемой периферии», постепенно вступают в стадию «высшего капитализма» с его главными признаками: собственными транснациональными корпорациями, прямыми инвестициями за границей и т. п. (Мексика, Индия, Южная Корея и др.). Где же их место в этой классификации?

Вместе с тем большинство наиболее бедных стран и сегодня находятся еще не на стадии «низшего капитализма», а на докапиталистическом уровне (Афганистан, Йемен, ряд стран тропической

Африки). Именно эти государства в наименьшей степени вовлечены в процессы глобализации, и потому трудно доказать, как это следует из рассматриваемой статьи, что их бедственное положение является результатом «империалистической глобализации». Между прочим, именно колонизация отсталых стран в конце XIX века дала толчок к развитию капитализма в колониях. Можно лишь присоединиться к нестандартной (в отечественной литературе) характеристике последствий колониализма в упоминавшейся статье Владислава Иноземцева: «Что принесла европейская колонизация народам Африки, Латинской Америки и Азии? Безусловно, во многих своих проявлениях она обернулась позором для европейцев... Но именно колонизаторы положили начало тем отраслям промышленности и сельского хозяйства, которые подчас и сегодня остаются важнейшими для экономики стран “периферии”». Что же касается бедности миллионов людей в современном мире, то это действительно острейшая и тяжелейшая проблема. (Причем речь идет об абсолютных показателях уровня бедности, а не относительных, которые растут и за счет успешного развития «богатых стран».) Дело, однако, в том,

что улучшить положение возможно как раз лишь за счет постепенного приобщения соответствующих стран к процессам капиталистической глобализации.

Именно в последние десятилетия, то есть в эпоху глобализации, здесь наблюдается определенная положительная динамика. Так, в исследовании индийского специалиста Суржита Балла, на которое ссылается *The Economist*, приводятся данные о том, что число людей с доходами не выше двух долларов в день, которое в 1980 году составляло 56 % всего населения Земли, в 2000-м сократилось до 23 %.

Есть, однако, еще одно существенное обстоятельство, на которое часто не обращают должного внимания. Современное положение населения ряда стран Третьего мира выглядит удручающе. Однако «многие ужасы этого положения, — как об этом совершенно верно говорится в статье Иноземцева, — следует поставить “в заслугу” правительствам и народам самих этих стран. Людские потери в колониальных войнах были огромны, но лишь с 1988 по 2001 год в семи основных конфликтах в Африке было убито не менее 6,3 млн человек... При этом потери природных ресурсов несопоставимы с любыми грабе-

жами, на которые были способны колонизаторы».

Добавим к этому огромные масштабы банального разворовывания международной помощи, которая направляется в эти страны. Недаром в системе ООН родилась горькая шутка: «Что такое международная помощь? Это когда бедные люди в богатых странах помогают богатым людям в бедных странах».

Каковы же перспективы глобализации?

Антиглобалисты подчас ставят под сомнение даже сам этот процесс, отмечая, что пока речь идет лишь о некоторых тенденциях, а «тенденции и реальность — не одно и то же» (Абдулгамидов и Губанов). Спрашивается, где же как не в реальности проявляются и действуют эти тенденции? И не так уж незаметны эти тенденции. Например, Евро-союз, недавно перешедший на общую валюту двенадцати стран, — это разве не реальность? Конечно, «мир очень далек от идеальной интеграции рынков, ус-

луг и производства» (Хоффман), да никогда и не будет этой идеальной интеграции. Объективные исследователи вовсе не утверждают, что глобализация ведет и приведет к какому-то «новому прекрасному миру». В ее основе лежит система капиталистической рыночной экономики, неотъемлемой чертой которой является конкуренция. Никакой другой реальной основы нет и не предвидится. А конкуренция — это одновременно и движущее начало, и источник неизбежных противоречий, трений, конфликтов.

Принцип «справедливости для всех» изначально отнюдь не заложен в мироздании — ни в природе, ни в человеческом обществе. Никакие правила «справедливой конкуренции» не могут снять подобных противоречий, кроющихся в самой природе рыночной экономики, будь то в рамках отдельной страны или в международном масштабе. Глобализация лишь наиболее ярко высвечивает эти противоречия.

Модель на выброс

Надежда Арбатова

Статья **Тимофея Бордачёва и Татьяны Романовой** «Модель на вырост», опубликованная в журнале «Россия в глобальной политике» (2/2003), посвящена важной теме — стратегии России в отношении Европейского союза (ЕС). Оговорюсь сразу: в статье много верного и заслуживающего внимания. Однако интересна она не столько с точки зрения конкретных проблем, существующих в отношениях России и ЕС, сколько в свете мировоззрения авторов, представляющих новую внешнеполитическую философию, завоевывающую все больше сторонников в российском экспертном сообществе и политической элите.

Вследствие деидеологизации нашей политической науки после распада СССР образовался вакуум, который заполнили самые разные школы внешнеполитической мысли. По прошествии первого десятилетия в истории постсоветской России этот калейдо-

скоп мнений постепенно приобрел четкий рисунок, который и при отсутствии традиционных красных тонов до боли напоминает прежнюю картину.

Очевидно, что при анализе внешней политики любого государства наиболее важными критериями являются природа, интересы и соответственно цели государства, отвечающие его внутри- и внешнеполитическим потребностям, а также определение ресурсной базы для достижения этих целей и выработка стратегии и тактики. С каких же позиций рассматривают авторы статьи европейское направление во внешней политике России и перспективы ее отношений с ЕС?

Представления авторов об интересах и целях внешней политики России, в том числе на европейском направлении, можно свести к одному тезису: неограниченная Европейским союзом «свобода действий» России на международной арене для осуществления

Н.К. Арбатова — д. п. н., директор научных программ Комитета «Россия в объединенной Европе», завотделом Центра европейской интеграции ИМЭМО РАН.

ее «геополитических амбиций» (с. 55, 57). Именно этот критерий «ограничивает — не ограничивает» принципиален для авторов в оценке отношений России и ЕС, в частности возможности включения России в Общее европейское экономическое пространство (ОЕЭП).

Прежде всего представляется неудачным сам термин «амбиция» (который во всех европейских языках имеет негативный оттенок, означая обостренное самолюбие, спесь, чванство), не говоря уже о пугающем словосочетании «геополитические амбиции». Но даже если заменить «амбиции» на «интересы», то и здесь возникает закономерный вопрос: что такое свобода действий в современном взаимозависимом мире? Даже США — самое сильное и в экономическом, и в военном отношении государство — не могут полностью игнорировать позиции своих союзников и партнеров. А если они и осуществляют такие попытки, то это создает им больше проблем, нежели преимуществ, о чем свидетельствует сегодняшняя ситуация в Ираке. Россия, как постоянный член Совета Безопасности ООН, член ОБСЕ, Совета Европы и участник многочисленных международных соглашений, связана оп-

ределенными обязательствами, что, в свою очередь, накладывает ограничения на ее внешнеполитическую деятельность, но дает ей и существенные преимущества. Очевидно, что для проведения в жизнь национальных интересов, в том числе геополитических, помимо ресурсной базы нужны союзники и партнеры. Как говорил Гарри Трумэн, «тот, кто имеет союзников, уже не вполне независим». Однако без этого не обойтись. Более того, как правило, выбор союзников, будь то, скажем, Швеция или Северная Корея, является проявлением и политических предпочтений государства, и пределов его морально-политической гибкости. Неловко было бы даже писать о столь очевидных вещах, если бы не повторяемые авторами предупреждения о том, что следствием экономической интеграции с ЕС станет «политическая обусловленность» действий России и (о, ужас!) «более тесная координация внешней политики, включая формирование единой позиции по ключевым международным проблемам» (с. 57).

Кроме того, участие в процессах глобализации — и в сфере социально-экономической модернизации, и в области международной безопасности — диктует государ-

ствам, которые не хотят остаться на обочине мирового развития, условия для их включения в эти процессы. Это, кстати, признают и авторы (с. 61), цитируя высказывание Владимира Путина о том, что «для России проблема выбора – интегрироваться в мировое экономическое пространство или нет, не интегрироваться – такая проблема перед нами уже не стоит».

Европейская интеграция – неотъемлемая часть этих процессов. Хотя европессимизм существует столько же времени, сколько и сама европейская интеграция, оглядываясь назад, нельзя не удивляться динамизму процесса европейской интеграции. Всего лишь за пятьдесят лет – а это меньше, чем одна человеческая жизнь, – европейская интеграция прошла путь от узкопрофильных структур, таких, как Европейское объединение угля и стали (ЕОУС, 1951), постепенно перерастая в институты более широкого профиля: Европейское экономическое сообщество (ЕЭС, 1957), Европейское сообщество (ЕС, 1965) и, наконец, Европейский союз (ЕС, 1992). Несомненно, что и в дальнейшем на пути углубления и расширения интеграции возникнет много проблем, будут неудачи и разочарования.

(Кстати, и для России чрезвычайно важным является вопрос о том, каким ЕС будет после глубоких преобразований – более сильным или, наоборот, ослабленным и менее привлекательным партнером.) Вместе с тем Европейский союз сегодня – это не просто реальность; прежде всего это главный институт, ответственный за преобразование постбиполярной Европы, неотъемлемой частью которой является и Россия.

Это несколько обреченно признают и авторы статьи «Модель на вырост», отмечая, «что отгородиться от “трудного” соседа и строить свой курс без оглядки на него у Москвы не получится» (с. 61). На это можно возразить: «Почему же? Все зависит от того, какой Россия хочет быть в XXI веке». Во всяком случае, та Россия, которую рисуют Бордачев и Романова, вполне может обойтись и без ЕС, и без Общего европейского экономического пространства, и без сближения законодательств – словом, без всего, что может ограничить свободу действий. Что же это за Россия? Во-первых, это Россия, по-прежнему лелеющая миф о своей исключительности, который веками служил утешением народу, жившему в нищете и бесправии: «за-

то мы не такие, как все!». Так, авторы размышляют о сложностях, с которыми при создании Общего европейского экономического пространства может столкнуться Россия «в связи с ее историческим наследием и восприятием мира, а также особым, отличным от большинства европейских стран подходом к концепции суверенитета» (с. 61). Поразительно, насколько популярна идея «российской особенности», несмотря на многочисленные заявления высшего руководства о европейских корнях России.

Во-вторых, это Россия, которая не исключает для себя нарушение принципов демократии и несоблюдение прав человека. Как пишут авторы статьи, принцип политической обусловленности, вытекающий из взаимодействия России и ЕС, «позволяет приостанавливать помощь и даже вводить санкции при нарушении партнером принципов демократии или несоблюдении им прав человека» (с. 55).

В-третьих, это Россия, демонстрирующая пренебрежительное отношение к интересам человека и общества в целом во имя так называемых высших государственных интересов, а попросту интересов государственной бюрократии. «...Сближение в вопросах

корпоративного права или политики в области конкуренции приведет к восприятию Россией других разделов *acquis communautaires* (вторичного законодательства ЕС), включая и такие непопулярные, как защита потребителя и окружающая среда» (с. 53). Авторы приводят цитату из Ивана Самсона без комментариев, разделяя, по всей видимости, мнение о том, что принципы защиты прав потребителя и окружающей среды останутся чуждыми российскому руководству. В-четвертых, это Россия, которая, несмотря на все заявления о желании интегрироваться в мировое экономическое пространство, на деле продолжает политику протекционизма. Авторы статьи пишут о «переоценке возможностей российско-европейского сближения», приводя в качестве иллюстрации письмо Паскаля Лами вице-премьеру Алексею Кудрину, в котором комиссар ЕС по вопросам торговли «жестко поставил вопрос о допуске европейских страховщиков в Россию» (с. 51). Несомненно, рыночная экономика и глобализация не только могут дать многочисленные преимущества для поддержания устойчивого экономического роста, развития технического прогресса и общества в целом,

но и таят риски неблагоприятных внешних воздействий на национальную экономику и экономическую безопасность государств (см.: Между прошлым и будущим: Россия в трансатлантическом контексте. М., 2001. С. 69—70). Найти правильный баланс между огромными возможностями и рисками является важнейшей задачей внешней и внутренней хозяйственной политики любого государства. Несомненно также и то, что нужно поддерживать и отечественный рынок услуг, и российских производителей, но только не за счет российского потребителя.

Иными словами, образ сегодняшней России, который вырисовывается в статье Тимофея Бордачёва и Татьяны Романовой, больше напоминает Советский Союз, разве что «приправленный» рыночной экономикой. Тем более парадоксальным представляется вывод авторов о том, что «норвежский» сценарий отношений с ЕС является наиболее благоприятным для России. Правда, авторы признают, что для осуществления этого сценария Россия пока не обладает экономическим потенциалом, сопоставимым с норвежским. Однако проблема не только в экономической слабости России. Норвегия (в которой,

кстати, постоянно возрастает число сторонников ее членства в ЕС) не планирует нарушать «принципы демократии или не соблюдать права человека», и она придает первостепенное значение защите окружающей среды и прав потребителя. И для Норвегии, в отличие от России, членство или нечленство в ЕС является вопросом ее собственного выбора, а не объективных ограничений.

В свете вышесказанного вызывает сомнение и другая рекомендация авторов — сделать ставку в ЕС на страны Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) для продвижения российских интересов. Как представляется, Россия, имея опыт взаимодействия с расширенной НАТО, сегодня обеспокоена тем, что характер ЕС как партнера России может измениться после расширения ЕС за счет стран, все еще испытывающих «советский синдром». Образ России, живописуемый авторами, лишь подтвердил бы наихудшие подозрения стран ЦВЕ относительно направленности системной трансформации сегодняшней России. К счастью, наша действительность сложнее, чем та, которую описывают авторы. Есть политические силы, заинтересованные в реставрации в каком-либо вари-

анте советской модели. Но есть и такие силы, которые понимают, что, несмотря на все трудности построения эффективной демократии и рыночной экономики, восстановление «подправленного» прошлого — тупиковый путь и что залогом успешной интеграции России в Европу является ее демократизация. В то же время последовательная интеграция России в евроатлантическое партнерство, а не избирательное, поверхностное сотрудничество является важнейшим внешним фактором демократизации России.

Быть партнером — значит вести себя в соответствии с определенными нормами поведения и, следуя этим правилам у себя дома, влиять на поведение других.

Дискуссии об «особости» России отражают объективную реальность постбиполярных международных отношений — нерешенность вопроса о месте России в Европе, и они будут продолжаться до тех пор, пока этот вопрос остается открытым. Таким образом, главным в отношениях России и ЕС по-прежнему является вопрос о степени, до которой Россия может быть интегрирована в расширяющийся и углубляющийся Европейский союз.

В принципе отношения ЕС с соседними государствами предпола-

гают три уровня отношений — сотрудничество, интеграцию и полное членство. (Как отмечал еще в 1994-м Отто фон Ламбсдорф, председатель Либерального интернационала, «даже ниже уровня членства (в ЕС) может быть достигнут очень высокий уровень интеграции».) Юридически каждому уровню отношений соответствуют определенные соглашения: о партнерстве и сотрудничестве, об ассоциации и членстве в ЕС.

Очевидно, что вопрос о членстве России в ЕС не стоит на повестке дня ни России, ни ЕС, поскольку и та, и другая сторона не готова к этому. Россия не отвечает копенгагенским критериям, ЕС сосредоточен на внутренних проблемах, возникающих в связи с новым этапом расширения и углубления европейской интеграции. Более того, ставить вопрос о членстве России в ЕС даже в чисто теоретическом плане контрпродуктивно, так как сегодня это выглядит пугающе в глазах и брюссельской, и московской бюрократии. Зачастую данный вопрос сознательно выносятся на обсуждение противниками сближения России и ЕС с обеих сторон.

Сегодняшние отношения между Россией и ЕС находятся юриди-

чески на нижнем уровне — уровне сотрудничества. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве (СПС) вступило в силу 1 декабря 1997 года. Между тем отношения России и ЕС в политической области давно перешагнули рамки этого документа. Что касается сферы экономического сотрудничества, то, как отмечал известный российский экономист Иван Иванов, продвинувшись вперед на некоторых направлениях, и Россия, и ЕС не смогли реализовать весь потенциал СПС. Некоторые положения Соглашения о партнерстве и сотрудничестве безнадежно устарели, некоторые не выполняются ни той, ни другой стороной. В целом под эту классификацию попадают 64 положения СПС (см.: *Иванов И.Д. Какая интеграция нужна России? // Россия и Европа: курс или дрейф? Дискуссии. М.: Комитет «Россия в объединенной Европе», 2002. С.7–8.*)

Решения последнего саммита Россия — ЕС в Санкт-Петербурге свидетельствуют о решимости переместить сотрудничество России и ЕС на новый уровень — уровень интеграции России в «европейские пространства», прежде всего в Общее европейское экономическое пространство. Авторы статьи выделяют на этом направлении лишь одну

проблему для России — потерю части суверенитета, как будто само включение России в ОЕЭП — дело решенное. Между тем здесь существует множество практических проблем (от неоднородности российского экономического пространства до вопроса о долгосрочной специализации российской экономики), без решения которых участие России в ОЕЭП останется лишь благим намерением.

Вообще, «пасторальность внешнего вида» отношений России и ЕС, о которой пишут авторы, — явное преувеличение. Проблемы в отношениях России и ЕС (на самых разных уровнях — от концептуального до практического) — предмет самого пристального внимания российского экспертного сообщества, в частности Комитета «Россия в объединенной Европе». Вместе с тем необходимо сказать и о российском «европессимизме», выразителями которого являются авторы статьи «Модель на вырост» и который самым необычным, если не парадоксальным образом подтверждает «европейскость» России. Часть политической элиты и в странах ЕС, и в России продолжает страдать от так называемых фантомных болей — утраты особых отношений с США времен биполярности. Для России, как и

для Европы, отношения с США самоценны и не являются альтернативой европейской интеграции. Надежды некоторых российских политиков и экспертов на то, что только США могут гарантировать России особый международный статус, иллюзорны. Это, пожалуй, последнее, что волнует сегодня администрацию Буша. Статус России как вели-

кой державы может быть обеспечен ее последовательной интеграцией в Европейский союз, выступающий в качестве мирового экономического, а в будущем и военно-политического центра силы, не противостоящего США, но гораздо более независимого и имеющего собственный проект рационального мироустройства.

Объективное познание Европы

Тимофей Бордачёв

Рискну утверждать: даже «несмотря на многочисленные заявления высшего руководства», Россия по-прежнему не вполне европейская страна. Впрочем, таковы и Соединенные Штаты, что не мешает им быть страной по-настоящему западной, демократической и рыночной. И Япония — это тоже не европейская страна, в которой, тем не менее, существуют и рыночная экономика, и демократические выборы.

Следует признать: и в самих отношениях между Россией и Европейским союзом, и в их экспертно-научных оценках всегда

было чересчур много идеологии. Тезис о «европейском выборе» России, воспринимаемый как аксиома, очень редко проверяется на состоятельность с точки зрения требований, предъявляемых к субъекту, сделавшему такой выбор, и рациональности его целеполагания. Недостаток фактического наполнения в отношениях России и ЕС последовательно приводит комментаторов к необходимости подменять объективный анализ общими рассуждениями, а научные выводы — политическими лозунгами. Статья «Модель на вырост» («Россия в глобальной полити-

ке». № 2, 2003, с. 49–62) не преследовала цель утвердить какие-либо ценностные представления или, того хуже, представить новую внешнеполитическую философию. Во-первых, от попыток углубиться в философию при обсуждении сугубо прикладных вопросов и так уже деваться некуда. Во-вторых, авторы статьи – выпускники факультета европейской администрации Колледжа Европы в Брюгге (Бельгия) – так же далеки от высоких мировоззренческих дискурсов, как далеки от веберовской объективности социально-политического познания те, кто при анализе экспертной статьи ставит во главу угла ценности и этические принципы авторов.

Любой профессиональный исследователь отношений России и Европейского союза подтвердит, что гораздо большее значение имеют в них не добрые намерения партнеров, а их объективная способность соответствовать определенным и весьма жестким требованиям. Такая способность не зависит от взглядов или ценностей, которые они исповедуют. Она определяется существующей политико-экономической системой и рациональным отношением к возможности и необходимости ее менять. Посему и

задача авторов статьи «Модель на вырост» была гораздо проще – дать объективный анализ состояния российско-европейских отношений и предложить несколько наиболее вероятных сценариев их развития.

Одной из главных бед российской внешнеполитической науки остается ее сильнейшая идеологизированность, постоянное стремление выдать желаемое за действительное, а объективный анализ подменить умозрительными схемами по принципу «вот было бы здорово».

Иногда это действует, и экспертному сообществу удается навязать власти и избирателям свои представления о том, «что здорово». В таком случае наука действительно начинает вершить историю. Другое дело, что собственные, несколько идеалистические, взгляды на природу и перспективы российско-европейских отношений совершенно не дают многим исследователям «опуститься» до банального анализа того, что эти отношения представляют собой в действительности и какова объективная позиция нашей страны *vis-a-vis* с объединенной Европой.

А реальность состоит в следующем. У России и Европейского союза, по сути, сейчас нет дол-

госрочной совместной повестки дня. В отличие от Молдавии, Украины и даже Белоруссии у России отсутствует даже теоретическая перспектива вступления в Европейский союз. По мнению наблюдателей, искусственная попытка «втискивания» ее туда ни к чему хорошему не приведет, а статус «вечного кандидата», ставший уже привычным для Турции, в нашем случае серьезно рассматриваться не может.

Максимум же того, что может предложить ЕС «новым соседям», помимо членства, — это создание общего экономического пространства на основе трех свобод передвижения: товаров, услуг и капиталов.

Такое пространство теоретически и практически может стать вознаграждением за принятие соседями целого комплекса европейских правовых норм. При этом участия в выработке данных правил игры — а нормы европейского законодательства постоянно дополняются — никто не обещает и обещать не собирается. Но в отличие от большинства стран средиземноморского бассейна у России нет истории зависимого положения по отношению к ведущим европейским государствам. Это также

будет препятствием для ее вписывания в концепцию «нового соседства», или, по выражению председателя Европейской комиссии Романо Проди, в «круг друзей» объединенной Европы. Далее. Россия ведет вооруженную борьбу на своей территории. От исхода этой борьбы во многом зависит не только ее будущее как целостного государства, но и успех глобальной войны с терроризмом. Поэтому она объективно не может беспрекословно подписываться под теми же обязательствами в отношении прав человека, что и, простите за поднадоевшее уже цитирование политолога Роберта Кейгана, «живущие в мире Канта» европейские демократии.

Россия, перед которой стоит задача удвоения национального ВВП к 2010 году — что реально достижимо только путем колоссального модернизационного рывка, — не может позволить себе такие же, как в ЕС, экологические стандарты или другие требования, которые часто не поддаются нормальной логике, но прекрасно существуют в Европейском союзе. Заметим, что и США подвергаются критике со стороны ЕС по вопросам экологии или прав человека, что не мешает им иметь двусторонний

товарооборот, по качеству сильно превосходящий российско-европейский.

И последнее. За прошедшие десять лет российские и европейские эксперты много времени и сил посвятили описанию «окон возможностей» для развития взаимоотношений России и Европейского союза. К числу наиболее популярных сюжетов, что нашло свое отражение и в официальной повестке дня, относились взаимное открытие рынков, энергетический диалог и координация усилий в сфере поддержания международной безопасности. Вся рекомендательная часть многочисленных исследований основана на базовой предпосылке об обязательности и неизбежности европеизации России, понятой как восприятие ею именно европейских норм и правил. Проблема же в том, что в последние годы произошла фактическая привязка самого понятия европеизации к так называемым «копенгагенским критериям» — списку требований, предъявляемых ЕС странам-кандидатам. Россия кандидатом на вступление в Европейский союз не является и вряд ли станет таковым в ближайшие десять-пят-

надцать лет. Стало быть, и европеизация в ее современном понимании имеет для России мало смысла.

Сейчас можно говорить скорее о модернизации или, в лучшем случае, вестернизации России, которая станет не только залогом ее успешного сосуществования с объединенной Европой, но и фундаментом для продвинутых форм взаимоотношений в будущем. Это США могут сохранять с Европейским союзом исключительно торговые связи.

Непосредственная географическая близость России и ЕС будет способствовать переходу количества двусторонних контактов в более интеграционное качество отношений.

Другое дело, что такая постановка вопроса, основанная на отказе от упрощенных схем, потребует внятной, четкой и жесткой постановки насущных вопросов и поиска адекватных на них ответов. В противном случае красивые разговоры о «европейской идентичности» России будут не более чем дымовой завесой для постепенного превращения ее в энергетический придаток мощного и динамично развивающегося Европейского союза.

России нужна не реформа армии, а новая армия

Александр Храмчихин

В ближайшие годы российские Вооруженные силы, возможно, просто прекратят свое существование, оставив страну вообще без армии. В случае продолжения процесса реформирования нынешних ВС такой итог вполне вероятен. Если переход на чисто контрактную систему комплектования не будет сопровождаться созданием полноценного института младших командиров и военной полиции, введением жестких интеллектуальных, физических, морально-психологических критериев отбора контрактников, ужесточением мер наказания личного состава за нарушения дисциплины, увеличением в разы средств, выделяемых на боевую подготовку, то Вооруженные силы очень скоро превратятся в «законное бандформирование», которое станет абсолютно неуправляемым и чрезвычайно опасным для собственной страны. Принятие новых вооружений и военной техники

(В и ВТ) в единичных экземплярах в отсутствие вразумительной концепции их применения является, по сути, бессмысленным расходом средств. К тому же оно закрепляет порочную советскую систему, при которой армия и флот получают не то, что им нужно, а то, что может дать промышленность. Еще более бессмысленна модернизация В и ВТ, уже состоящих на вооружении, так как значительная их часть даже после модернизации не отвечает современным требованиям и не соответствует ни одному типу войн, которые, возможно, предстоит вести России. Введение новых обучающих программ в военных вузах также бесполезно (впрочем, оно и не предполагается), ибо молодые офицеры попадут под командование тех, кто обучен по старым программам. Проводимые в настоящее время регулярные изменения организационной и территориальной стру-

А.А. Храмчихин — заведующий аналитическим отделом Института политического и военного анализа.

ктур Вооруженных сил носят откровенно хаотический характер, а некоторые из них (например, включение армейской авиации в состав ВВС или постоянно декларируемые сокращения тыловых и обеспечивающих подразделений) являются значительным шагом назад относительно современных требований. Уровень денежного довольствия недопустимо низок, при этом его повышение до приемлемого уровня всему личному составу невозможно по экономическим причинам. Наконец, репутация нынешних Вооруженных сил в обществе настолько низка, что исправить ее уже невозможно (тем более что в значительной степени эта репутация заслужена, а никаких реальных мер для улучшения ситуации даже не предлагается). Это резко снижает качество как офицерского, так и рядового состава и деморализует военнослужащих. Любые «улучшения» существующих Вооруженных сил являются классическим «вливанием нового вина в старые мехи» с единственно возможным в такой ситуации результатом. Дополнительным фактором, препятствующим реформам, является психология большей части офицерского состава и практически всего генералитета. И те, и другие, во-первых, воспринимают

США и НАТО даже не как противника, а как воплощение Абсолютного Зла, а во-вторых, до сих пор готовятся исключительно ко «Второй мировой с ракетами» (даже опыт чеченской войны интерпретируется только в таком плане). Поэтому наиболее целесообразно создание новых Вооруженных сил РФ «с нуля» путем формирования новых частей и соединений. На первом этапе следует создать рабочую группу при президенте РФ. Она должна будет определить состав новых ВС, структуру частей и соединений, концепции и тактико-технические характеристики их вооружения и военной техники, принципы комплектования и прохождения службы, критерии (профессиональные, физические, морально-психологические, идейно-политические) отбора личного состава для новых Вооруженных сил, необходимый объем финансирования и сроки исполнения. Ей также следует разработать общие и боевые уставы, учебные программы для подготовки офицерского и младшего командного состава. Затем группа может получить статус министерства (возможное название – министерство военной реформы), которому и будут подчиняться новые Вооруженные силы. Их формирование

будет происходить постепенно, планы могут корректироваться с учетом полученного опыта. Первые подразделения и соединения будут в значительной степени экспериментальными. Отбор офицерского состава для них может производиться из числа ныне действующих офицеров, офицеров запаса и гражданских лиц, при этом звание, полученное офицером в новых Вооруженных силах, будет определяться уровнем его профессиональной пригодности, а не имеющимся званием. В дальнейшем под новые Вооруженные силы потребуются создание новых военных учебных заведений (как на базе ныне существующих, так и «с нуля»). Необходимо отрабатывать систему гражданского контроля. Очевидно, что денежное содержание военнослужащих новых ВС должно в разы превышать теперешнее, при этом какие-либо задержки в его выплате категори-

чески недопустимы. Для пропаганды новых Вооруженных сил необходима серьезная PR-кампания, способная поднять их репутацию и престиж. Возможно, следует объявить конкурс на проведение такой кампании среди соответствующих гражданских структур, победители же затем станут основой информационных войск.

Нынешние Вооруженные силы будут сворачиваться по мере развертывания новых, при этом достаточно длительный период обе армии будут существовать параллельно. Современное Министерство обороны выполнит роль «могильщика» сегодняшних Вооруженных сил, после чего также будет полностью заменено министерством, осуществляющим строительство новых ВС. Разумеется, новое минобороны станет чисто гражданским ведомством, как это принято в демократических государствах.

Рецензии и обзоры

Bernard Gillam, Judge, November 19, 1982.
Пейзаж после президентских выборов

“Избранные президенты достаточно быстро обнаруживают, что их зрение завлакивает своего рода туман, образующийся так же, как и в природе, в результате столкновения холодного и теплого фронтов, — иными словами, внешней критики и внутреннего низкопоклонства. У некоторых президентов горечь, паранойя и защитная реакция начинают преобладать и разрушают их и как людей, и как президентов”

«Воспоминания» о настоящем *Владислав Иноземцев*

Памятка избранным и избирающимся *Марк Шкундин*

Дипломатия на ветру перемен *Федор Лукьянов*

Когда воротимся мы в Портленд? *Станислав Кувалдин*

«Еврорусский» мост *Татьяна Игнаточкина, Очир Манджиков*

«Малый народ» и теория заговоров *Алексей Пименов*

Киотский протокол: за и против
(Обзор конференции)

«Воспоминания» о настоящем

Владислав Иноземцев

Stiglitz, J.E. The Roaring Nineties. A New History of the World's Most Prosperous Decade. New York, London: W.W. Norton & Co., 2003. 379 pp. (Джозеф Стиглиц. Ревущие девяностые. Новая история самого благополучного мирового десятилетия.)

Для политиков стало привычным говорить, что современный исторический период начался 11 сентября 2001 года, когда в Нью-Йорке рухнули башни Всемирного торгового центра. Со своей стороны экономисты не усматривают символического значения в дате 11 марта 2000 года, хотя именно в этот день основной американский фондовый индекс *S&P500* достиг исторического максимума и начал скольжение вниз, не остановленное до сих пор. С точки зрения политиков, все мы живем в мире, качественно отличающемся от мира 1990-х. С точки зрения экономистов, сегодняшние реалии порождены хозяйственной революцией последнего десятилетия XX века. И потому новую книгу Джозефа Стиглица, имеющую подзаголовок «Новая история самого благопо-

лучного десятилетия», если и можно воспринимать как воспоминания, то лишь как воспоминания о настоящем.

Это исследование опубликовано автором менее чем через год после предыдущей книги. В работе «Глобализация и ее разочарования» (Stiglitz, J.E. *Globalization and Its Discontents*, New York, London: W.W.Norton & Co., 2002) Стиглиц, занимавший с 1997 по 2000 год пост старшего вице-президента Мирового банка, попытался оценить, как кризисы на «развивающихся рынках» повлияли на ход глобализации. Ныне же Джозеф Стиглиц (в 1993–1997 годах он являлся членом, а затем и председателем Комитета экономических советников при президенте Клинтоне) предпринимает попытку проанализировать процессы, приведшие к кризису «новой экономики». Этот кризис породил множество проблем, до сих пор угрожающих хозяйственной стабильности США.

Джозеф Стиглиц известен как глубоким видением экономических проблем, так и изрядной категоричностью в отношении тех, кто

эти проблемы вызвал. В прошлый раз такой подход сделал его работу одной из самых скандальных публикаций года; в новой книге Стиглиц также совершает ряд выпадов в адрес видных фигур клинтоновской эпохи, причем отнюдь не только в силу методологических разногласий с ними. Читатель, перевернувший последнюю страницу «Ревущих девяностых», почти наверняка обнаружит, что эти годы были не только самым благополучным, но и очень лукавым десятилетием. В самом деле, автор уверен в правильности целей администрации Клинтона (они и сегодня кажутся ему единственно верными), но — увы — на пути к их достижению, по его мнению, было сделано столько ошибок, что остается лишь вспомнить крылатое выражение о том, куда приводит дорога, вымощенная благими намерениями. «Я уверен, — пишет Стиглиц, — что, если бы мы чаще сверялись с нашими целями и осмысливали бы, как следовало достигать их в современных хозяйственных условиях, мы смогли бы избежать ряда перегибов 1990-х годов и оказались бы более подготовленными к решению порожденных ими проблем» (р. 281). Хозяйственная история 1990-х годов представлена автором как история уникального периода, когда американская экономика имела возможность черпать выгоды из

редкой комбинации факторов, каждый из которых оказывался и случайным, и в то же время закономерным, но ни один из них не мог быть постоянным или даже долгосрочным. Так, автор считает, что технологический бум развивался не благодаря, а, скорее, вопреки здоровому прагматизму американцев, которые с некоторых пор стали пренебрегать знаниями, собственными и позволившими им создать «новую экономику». Стиглиц пишет, что хотя «успехи 90-х коренились [в сфере] науки и технологий... сами американцы не слишком-то ценили науку и технологии... В значительной степени Америка привлекала идеи и людей из-за рубежа, как заимствовала она и средства, необходимые для финансирования бума» (р. 311). Экономический подъем открыл перед американской экономикой гигантские возможности. Но полученные средства либо вкладывались в спекулятивные операции на фондовом рынке, что позволило довести его совокупную капитализацию до 17 трлн дол. (см. р. 138), либо инвестировались в новые отрасли, потенциал роста которых не был адекватно оценен (например, только на прокладку оптоволоконных кабелей для ультрасовременных систем связи в 1995–1999 годах было затрачено более 60 млрд дол. — см. р. 114). Либо же средства просто разворовывались, как в

случае с печально известной корпорацией *Enron* (см. pp. 241–268). Быстрый хозяйственный рост в условиях снижения бюджетного дефицита представляется автору едва ли не чудом: «В обычных условиях сокращение дефицита бюджета не должно вызывать экономического оживления» (p. 54).

Важной заслугой Стиглица является его реалистический и весьма актуальный, учитывая сегодняшнюю политику США, анализ американской позиции в отношении остального мира. Он касается не только достаточно широко известных явлений — таких, например, как манипуляции валютными курсами или использование преимуществ доллара как мировой резервной валюты (см. pp. 215, 224 и др.), — но и тех, что обычно оказываются вне поля зрения экспертов. Так, в 1990-е Соединенные Штаты быстрее всех других стран наращивали субсидии своему аграрному сектору (см. p. 114); Америка выкручивала руки развивающимся странам на переговорах по проблемам охраны интеллектуальной собственности (см. p. 22); она не останавливалась и перед прямым политическим давлением на Индию, Индонезию и другие страны, заставляя их соглашаться на условия контрактов, навязанные американскими компаниями (в их числе та же *Enron*) (см. pp. 258–260 и др.). В этот же период

США не переставали демагогически защищать свободу торговли, нарушая правила ВТО чаще любой другой страны в мире (см. p. 312). «*Каким-то образом*, (курсив мой. — В.И.), — пишет Стиглиц, — сообщая, как нация, мы то тут, то там действовали совершенно иначе, чем подсказывали нам наши индивидуальные убеждения» (p. XIX), и в результате «идеи, которые насаждались Америкой за ее рубежами, радикально отличались от тех, какими руководствовались в самих США» (p. XX).

Таким образом, хозяйственный рост 1990-х годов был обусловлен, по мнению Джозефа Стиглица, во-первых, экспансией «новой экономики», для развития которой в США были созданы скорее условия, чем предпосылки; во-вторых, уникальной, практически невозпроизводимой совокупностью макроэкономических факторов; в-третьих, беспринципной, если говорить предельно откровенно, американской политикой в отношении остального мира. Из этих трех факторов в наличии остался лишь последний.

Именно этим обусловлено сожаление автора по поводу того, что открывшиеся в 1990-е годы возможности не были использованы должным образом. Он, разумеется, отмечает значительные успехи администрации Клинтона — прежде всего преодоление бюджетного де-

фицита (см. pp. 46–53), сокращение безработицы с 7,3 до 3,8 % трудоспособного населения в условиях сдерживания инфляции (см. pp. 40, 71–74), а также наращивание социальных расходов и реформирование социального обеспечения (см. p. 172). Но были и неудачи. Это, в частности, дальнейшее сокращение доли промышленного производства в экономике, что снизило занятость в нем до беспрецедентно низкого уровня в 14,1 % совокупной рабочей силы (см. p. 5); сокращение реальной нормы сбережений; возросшая несбалансированность экономики (см. pp. 171, 200); ослабление внимания к вопросам финансирования сферы образования и культуры (см. pp. 17–18); непростительное игнорирование проблем совершенствования инфраструктуры. «Уже два десятилетия США недоинвестируют в инфраструктуру, — пишет Стиглиц, — и это весьма обостряет проблемы наших диспетчерских служб, дорожного хозяйства и т. д... [В результате] Америка стала мировым лидером по тем показателям, которыми невозможно гордиться». Если бы на соответствующие цели были направлены значительные инвестиции, заключает автор, «ВВП в 2000-м был бы выше, а потенциал экономического роста — значительнее» (pp. 52–53). Природу этих ошибок автор видит в слепой вере экономистов и по-

литиков в саморегулирующийся характер экономики, в пренебрежении регулирующей ролью государства. Однако приводимые в книге аргументы, кажущиеся на первый взгляд убедительными, при более внимательном рассмотрении вызывают немало вопросов. Автор утверждает: «На протяжении благополучных 1990-х годов набор устойчивых сдержек и противовесов... был в значительной мере принесен в жертву возвысившейся финансовой сфере... Была отброшена старая мудрость, предполагавшая использование различных политических приемов, по-разному воздействующих на различные группы населения, допускавшая компромиссные решения» (p. XIV). Говоря о негативных последствиях преувеличения роли финансовой сферы, Джозеф Стиглиц направляет острие своей критики, с одной стороны, на Алана Гринспена и Федеральную резервную систему, которую тот возглавлял (см. pp. 56–59, 67–70 и др.), и, с другой, на предпринимателей, «из воздуха» строивших иллюзии процветания своих компаний (подробнее см. pp. 140–169). Вывод, следующий из этой критики, заключается, по сути, в том, что экономика не может считаться здоровой, когда находящимся на ее ключевых постах людям кажется, «что они способны одним своим словом задержать раздувание «пу-

зыря» и тем самым спасти страну от последствий его лопания» (р. 58). Иначе говоря, американская экономика 1990-х в значительной мере была «экономикой слов». Но глубина научных выводов уменьшается в этой книге Стиглица по мере того, как он в своей излюбленной манере начинает сначала «тонко», а затем все более «прозрачно» намекать на связи далеко не последних соратников Билла Клинтона — в частности, Роберта Рубина, своего главного оппонента внутри администрации — с предпринимателями и фирмами, оказавшимися в центре наиболее шумевших скандалов того времени (см. pp. 260–261, 171 и др.). Трудно преодолеть впечатление, что жанр экономического анализа переходит здесь в банальное «выяснение отношений». Впрочем, приводимые в книге факты тотального мошенничества предпринимателей и некомпетентности чиновников позволяют усомниться, что главным источником экономических трудностей, возникших к исходу 1990-х годов, стала излишняя автономность финансовой сферы. Проблема заключалась не в доминировании финансовой сферы над экономикой, а, скорее, в небывалых масштабах нарушения установленных норм и практик, в принявших массовый характер грубых нарушениях закона, с которыми сегодня активно

разбирается уже республиканская администрация (впрочем, и нынешний генеральный прокурор Джон Эшкрофт, как считает автор, также не обеднел от деятельности *Enron* — см. р. 261). Между тем, говоря о своей собственной роли в деятельности администрации, ответственной за сложившуюся ситуацию, Стиглиц дает понять, что выступал против целого ряда сомнительных решений.

Например, пишет автор, для сдерживания «мыльного пузыря» на фондовом рынке не требовалось взвинчивать процентные ставки во второй половине 1990-х годов. Достаточной мерой явилось бы повышение (с установленных еще в 1974 году 50 % до, скажем, 80 %) нормативов обеспечения, определяющих, сколько акций должно быть куплено на собственные, а не на заемные средства, — и не было бы ни «пузыря», ни затруднявшего экономический рост высокого процента (см. pp. 64–65). Убедительны и его возражения против имевшего место в конце 1990-х массового преобразования инвестиционных банков из обществ с ограниченной ответственностью в открытые акционерные общества. Тогда этот процесс позволил инвестиционным банкам вывести свои акции на биржи и тем самым избавиться практически от любой ответственности за ущерб, который они могли нанести своим

клиентам (см. pp. 146–145). Но мог ли автор в те годы активно препятствовать подобным шагам администрации? Ведь вопрос о нормативах находился в ведении Гринспена, а акционирование банков лоббировал все тот же Рубин. Чьи возможности в администрации могли сравниться с возможностями этих влиятельнейших чиновников? Непонятно только, почему в своей книге Джозеф Стиглиц не раз так горячо благодарит Билла Клинтона за предоставленные ему в администрации широкие полномочия.

Но не будем судить автора слишком строго. Нарисованная им картина в некоторых аспектах оказывается такой захватывающей, что хочется не столько искать виновных, сколько восхищаться оригинальностью созданных ими схем личного обогащения. Банальные искажения отчетности, масштабные покупки у подставных компаний активов по заниженным ценам и реализация их другим фирмам-однодневкам втридорога, продажа «особо доверенным» клиентам выводимых на рынок бумаг очередной интернет-компании — все это не в счет. Бум 1990-х открывал совсем иные возможности. Продавая партии оборудования в Латинскую Америку на условиях лизинга, компания *Xerox*, например, тут же засчитывала все будущие доходы в прибыль, фиктивно

завышая ее «всего» на 6,4 млрд дол. Однако рынок, ориентированный на официальную отчетность, «оправдывал» эти действия, повышая капитализацию компании, которая достигла к 2000 году 38 млрд дол. (см. pp. 129–130).

WorldCom сумела отразить в официальной отчетности то, в какой мере фондовые трейдеры оценивают нематериальные активы компании, и увеличила балансовую стоимость своих активов более чем на 50 млрд дол. — сумму, превышающую ВВП Чехии (см. pp. 164–167). Крупнейшие компании прибегли к оплате труда менеджеров через опционы на покупку акций, но, так как опционы могли быть реализованы в будущем, этот вид увеличения издержек на оплату персонала не снижал прибыли отчетного периода и поддерживал иллюзию успешности компании. По приводимым Стиглицем данным, за 2001 год реальная прибыль у *Microsoft* составляла около трети объявленной, у *Intel* — менее одной пятой, а убытки *Yahoo!* были занижены в десять (!) раз (см. pp. 115–117). И даже эпидемия слияний и поглощений 1990-х объяснялась стремлением руководителей компаний реализовать свои опционы на покупку акций по низкой цене и выгодно продать их на волне ажиотажного спроса, возникающего при объявлении о слиянии фирм (см. pp. 162–163).

К сожалению, читатель не найдет в новой книге Джозефа Стиглица глубоких рекомендаций по оздоровлению экономической жизни Соединенных Штатов. При всем желании трудно считать таковыми развенчание «мифов», препятствующих адекватному восприятию современной хозяйственной реальности: мифов о невидимой руке рынка, об особой роли финансового сектора, о вреде сильного государства, о существовании глобального капитализма, мифа о возможной американизации мира (см. pp. 272–279). Эти рассуждения автора подытожены параграфом, красноречиво озаглавленным «Против чего мы выступаем» (см. pp. 283–287). В нем и изложена «конструктивная» позиция автора. Конечно, «установление верного баланса между правительством и рынком является наилучшим способом обеспечить устойчивый рост и долгосрочную эффективность» (p. 293). Однако вся книга свидетельствует не столько о важности регулирования, сколько о потребности в компетентных, последовательных и, главное, неподкупных «регулирующих». И если, как признает сам автор, реформы произвольно отклонялись от цели, реформаторы не в силах были придерживаться своих идеалов, а за пределами страны ее правительство руководствовалось принципами, которые оно дома побоялось

бы даже озвучить, — то остается непонятным, откуда могут появиться люди, достойные претворять в жизнь наиболее прогрессивные экономические теории.

И, наконец, самое главное. В своих «воспоминаниях» о периоде, который пока еще не остался в прошлом, профессор Стиглиц исходит из весьма странного для эксперта такого уровня представления, позволяющего рассматривать 1990-е годы как «десятилетие максимального процветания во всем мире». В чем и где увидел он это процветание? Ведь в 1960-е годы американцев, вышедших из-за черты бедности, насчитывалось больше, чем в 1990-е. А в начале 1970-х общество находилось гораздо ближе к идеалам равенства, о благотворности которого говорит автор. И разве не 1990-е стали «потерянным десятилетием» для Японии, не на этот ли период пришлось самые разрушительные экономические кризисы в странах бывшего СССР, финансовые катастрофы в Мексике и Восточной Азии, России и Южной Америке? Разве в эти годы не казалось, что социальные проблемы в Африке как никогда далеки от разрешения?

В последней книге Стиглица произошло смешение жанров — экономический анализ «непринужденно» переходит в воспоминания и наоборот. Качество анализа от этого не выиграло.

Памятка избранным и избирающимся: технология победы

Марк Шкундин

Дик Моррис. Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века. М.: Никколо М, 2003.

Дик Моррис — один из наиболее крупных американских политических консультантов, успешный руководитель более чем 30 кампаний по выборам в Конгресс. Он снижал широкую известность как автор ряда книг, в которых обобщил как личный, так и мировой опыт политического консультирования. Его работа «Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века» была опубликована в 1999 году. Естественно, она несет на себе отпечаток беспощадной борьбы, развернувшейся в американском истеблишменте в связи с попытками объявить импичмент Биллу Клинтону. Моррис был связан с ним с конца 1970-х, когда помогал молодому прокурору штата Арканзас стать губернатором. Очевидно, именно этим объясняется пессимистическая оценка текущего политического момента: стать президентом и управлять страной теперь гораздо

труднее, чем когда-либо в прошлом. Агрессивность средств массовой информации и практический отказ от этических норм в политической борьбе привели к тому, что честная победа на выборах и успешное исполнение обязанностей после избрания стали делом почти неосуществимым. Дик Моррис убежден: фундаментальная парадигма американской политической жизни — переход от представительной, мэдисоновской демократии к прямой, джефферсоновской. Представляется, что в определенной степени автор выдает желаемое за действительное. Более того, говоря о бюрократическом сопротивлении любым начинаниям президента, Моррис утверждает, что по-настоящему справиться с данной проблемой можно лишь путем единоличного принятия решений. Самая крупная доля электората сегодня (40 %) — это люди, не являющиеся приверженцами одной из двух основных политических партий и не голосующие за их программы. Они считают, что исполнительная власть и Конгресс

должны быть под контролем разных партий. Даже когда в общественном мнении наблюдается смещение баланса поддержки от одной партии к другой, происходит это за счет тех избирателей, которые раньше симпатизировали одной партии, а теперь стали сторонниками другой.

Моррис утверждает, что «идея важнее денег». Так, по его личным наблюдениям, из 24 победителей, которым он помогал на выборах, у 13 было меньше средств, чем у их противников, зато они выдвигали более привлекательные идеи. При этом автор не упускает возможность провести параллель между Народно-освободительной армией Китая и Республиканской партией: первая давит врага массой солдат, а вторая тратит на свои избирательные кампании гигантские суммы, заменяя деньгами стратегию, идеи и конкретные предложения.

Конкретные позиции, уверен Моррис, важнее имиджа. Для обоснования этого тезиса иллюстративным материалом ему служит политическая биография Клинтона с его взлетами и падениями. По мнению политтехнолога, избиратели узнают о том, что именно представляют собой их кандидаты, благодаря позициям последних по конкретным вопросам. Так возникают эпитеты и характеристики, которые закрепляются в сознании.

Запоминается только определение, а давшая ему жизнь ситуация забывается. Необходимо использовать конкретные вопросы так, чтобы появились подходящие эпитеты. В такой тактике и лежит ключ к успеху.

Важным и актуальным представляется вывод автора о «преимуществах позитива над негативом».

Отправной точкой в рассуждениях является тезис о ненависти избирателей к негативной рекламе. В 1960-е годы Америка была влюблена в своих политиков, но после кризисов 1970-х — вьетнамского, уотергейтского и энергетического — настроение избирателей изменилось к худшему и преимущество оказалось на стороне негативной рекламы. Но в 1990-м маятник качнулся в обратную сторону и негативная информация в СМИ стала вызывать у избирателей глубокие подозрения. В наши дни правило таково: «Утверждающий обязан доказать». И когда негативная реклама не отвечает этому важному требованию или содержащиеся в ней факты опровергаются ответным роликом, кандидат, запустивший рекламу, рискует потерять доверие. Именно это произошло с Доулом в 1996 году. Чтобы победить на выборах, необходимо обратиться к избирателям с позитивной программой. Ни один другой фактор, взятый в отдельности — ни преимущество в

финансировании, ни более действенная негативная реклама, ни отличная организация работы предвыборного штаба, — даже отдаленно не равен по значимости правильно составленному обращению, адресованному электорату в самом начале кампании.

Остановливаясь на такой важной составляющей американской политической жизни, как разоблачение реальных или мнимых нарушений власти имущими норм общественной морали или существующего законодательства, Моррис утверждает, что американцы устали от скандалов. Так, например, популярность Клинтона выросла на 5 % после импичмента, вынесенного ему Палатой представителей. С этим тесно связан и вывод о том, что стратегия избирательной кампании важнее «раскрутки» кандидата. Для разработки хорошей стратегии может потребоваться несколько месяцев, но сформулирована она должна быть кратко и сжато.

В стратегии, которая должна учитывать настроения общественности, слабости оппонента и собственные сильные стороны кандидата, следует оговорить принципиальный подход к проведению избирательной гонки и основную тему, вокруг которой будет строиться вся кампания. Секрет успеха в том, чтобы кандидат использовал любой вопрос, любое событие,

любые нападки для того, чтобы снова и снова повторять свои главные тезисы, не отвлекаясь от основной темы.

Анализируя современные избирательные кампании, Дик Моррис утверждает, что для победы на выборах надо «быть выше узкопартийных интересов» (с. 42). Ни одна партия не имеет монопольного права на те или иные темы. Кандидат, который хочет добиться успеха, должен переступать границы партийных традиций и показывать, что знает решение также и тех проблем, которые поднимает другая сторона. Причем важно довести до сведения избирателей, каким именно образом он намерен решать эти проблемы.

Один из самых существенных вопросов любой избирательной кампании — это вопрос соотношения экономических аспектов и социальных ценностей. Отвечая на него, Моррис приходит к однозначному выводу о приоритете последних.

В современном политическом процессе электорат требует, чтобы в центре внимания находились общественные проблемы. По словам Морриса, «традиционная иерархическая пирамида нашей политики перевернулась с ног на голову».

Если раньше в центре внимания политиков были сначала мужчины, потом женщины и в последнюю очередь дети, то теперь по-

рядок обратный. Есть и еще одно изменение: новые политические темы в США связаны больше с состраданием и любовью, чем с гневом и ненавистью. Таким образом, американцы склонны голосовать скорее «за», чем «против».

Если в первой, обзорной части Моррис вступает в полемику с «порочными воззрениями большинства политических аналитиков, которые переоценивают силу таких вещей, как деньги, раскрутка, скандал, эгоистический интерес избирателя и имидж» (с. 11), то во второй он рассматривает эти проблемы сквозь призму практики управления государством. Автор отмечает, что сложившаяся ситуация все более подтачивает формальные полномочия президентской власти. Так, например, экономикой управляет не президент, а Федеральная резервная система; негативное отношение американской общественности к возможным большим человеческим жертвам в будущих военных операциях сужает формальные полномочия президента как главнокомандующего.

По мере того как США все больше напоминают прямую демократию джефферсоновского типа, президентская власть становится более чувствительной к импульсам извне и обретает ту непрочность, которая характерна для парламентского устройства.

Избранный представитель испол-

нительной власти каждый день в течение всего срока своих полномочий нуждается в поддержке большинства населения. Как только его популярность опускается ниже отметки 50 процентов, он в функциональном отношении перестает быть президентом. При этом, замечает Моррис, сохранять за собой большинство — не значит отказываться от принципов. Это означает, что президент обращает достаточно внимания на то, каким образом он объясняет свою позицию, чтобы убедить нацию поддержать его (с. 61).

Политическому лидеру следует измерять температуру и пульс времени, в котором он живет, и в зависимости от результатов менять, вопреки гордыне, стиль отстаивания своих принципов. Речь не идет о том, чтобы подавлять в себе желание перемен или менять убеждения, — надо только следить, чтобы стиль подачи идей отвечал настроению народа. Политик, который следует своей натуре — яростной или миролюбивой, — грешит высокомерием, не желая прислушиваться к общественным настроениям. По мнению автора, успех гарантирован тому руководителю, который, опираясь как на собственную инициативу, так и на данные социологических опросов, найдет нужный момент для диалога и подаст в оптимальной форме правильную идею.

Современный электорат требует перемен и не признает неудач. Выборный глава государства должен постоянно помнить о том, что если он ничего не изменит и не выполнит свои предвыборные обещания, то, скорее всего, потеряет место. Для того чтобы продвигать реформы и следовать намеченным курсом, преодолевая бюрократические, юридические, процедурные, политические и финансовые препятствия, нужно иметь чуть ли не сверхчеловеческую энергию. Но это — главный вызов, стоящий перед любым избранным должностным лицом. Анализируя болезненный, но встающий перед каждым президентом вопрос об отношениях с собственной партией, Дик Моррис пишет: «Если кандидат независимо от своей партийной принадлежности хочет победить на выборах и успешно править, он должен принять меры к тому, чтобы не стать заложником экстремистов и идейных деятелей из своего же собственного лагеря. Ему необходимо переступить через партийные барьеры и обращаться к независимому центру» (с. 83).

Автор также рассматривает вопрос о взаимоотношениях политиков и средств массовой информации. Общественность, утверждает он, определяет свои приоритеты совершенно независимо от СМИ. Люди обращают внимание на то,

что их интересует, а не на то, что кажется важным журналистам.

Избиратели сами знают, что для них важнее.

В то время как СМИ переоценивают свои способности формировать общественное мнение, политики и мастера их «раскрутки» переоценивают свои возможности влиять на журналистов. Огромная часть времени, которую люди, избранные на публичные посты, или кандидаты тратят на то, чтобы предстать в новостях в выгодном свете, расходуется практически впустую.

Если в средствах массовой информации разрастается скандал, то, считает Моррис, возможности «победить» у политика не существует. Единственный путь уцелеть — это сказать правду, выдержать удар и двигаться дальше. Затем следует отвлечь общественность от скандала, сфокусировав внимание на других крупных политических вопросах.

Однако главная опасность, подстерегающая хозяина Белого дома, изменение личности. По утверждению Морриса, президенты достаточно быстро обнаруживают, что их зрение заволакивает своего рода туман, образующийся так же, как и в природе, в результате столкновения холодного и теплого фронтов, — иными словами, внешней критики и внутреннего низкопоклонства. У некоторых

президентов (автор называет Вильсона, Гувера, Джонсона, Никсона) горечь, паранойя и защитная реакция начинают преобладать и разрушают их и как людей, и как президентов. Моррис замечает также, что реальная оценка личности президента зависит от проводимого им внешнеполитического курса. Именно в сфере внешней политики проявляются такие качества лидера, как жесткость, сострадание, мужество и изобретательность. Как показывает история, в этой области чаще, чем в какой-либо другой, президенты либо укрепляют свой авторитет, либо теряют его.

Большой интерес представляют замечания Дика Морриса по таким деликатным, относящимся к «внутренней кухне» вопросам, как контроль над аппаратом Белого дома и кабинетом министров, отношения с первой леди и вице-президентом, а также необходимость играть роль «отца нации». Третья часть книги открывается обсуждением «гамлетовского вопроса» любого политика: «Стоит ли выдвигать свою кандидатуру?» Главное здесь — понять, назрело ли время для перемен, получить точную информацию о настроениях избирателей.

Если политик хочет выставить свою кандидатуру на должность, которая уже занята, то в таком случае правило гласит: «Не делай

этого, если нет настоятельной необходимости». Что же касается избрания на вакантное место, то, «если вы действительно серьезно намерены заняться политикой, попытайтесь» (с. 154).

Ключевая проблема — поиск темы, вокруг которой будет вестись кампания. Скептически настроенные избиратели просто не воспримут размещенное в платной рекламе восхваление достоинств и добродетелей кандидата. Затрагивать основные озабоченности избирателей, всегда пользоваться поддержкой большинства, существенно влиять на выбор электората — вот основные требования, предъявляемые к теме. Победителем становится тот, кто нашел лучшую тему и был наиболее настойчив в ее разъяснении и продвижении.

Вполне соответствует названию книги рекомендация автора по ведению полемики с оппонентом. Моррис считает, что согласие и похвала — это наиболее разрушительное оружие в любом политическом арсенале. Если ваш оппонент имеет явное преимущество в каком-либо вопросе, то в данном случае лучше всего «задушить своего противника в объятиях» и показать, что ваши позиции практически не расходятся.

Главный закон политического состязания состоит в том, что любое утверждение должно быть доказано. Каждое позитивное и негатив-

ное заявление, сделанное кандидатом или содержащееся в его рекламе, становится объектом скептицизма или предметом критики со стороны оппозиции. Если такое заявление окажется необоснованным или недостоверным, оно нанесет кандидату больше вреда, чем самая неудобная для него проблема.

Победа в дебатах с соперником — не главное для кандидата. Прежде всего он должен выиграть молчаливые дебаты между верой и скептицизмом в умах избирателей.

Именно от этого зависит исход выборов (с. 174).

Переходя к перспективам развития американского политического процесса, Дик Моррис выражает уверенность в том, что движение к принятию фундаментальных решений через прямое участие избирателя необратимо и законо-

мерно. Для всех, кто хочет добиться существенных результатов, с каждым годом будет возрастать необходимость владеть искусством проведения референдумов, а в перспективе и общенациональных интернет-референдумов.

Констатируя исчерпанность «ключевых тем, доминировавших в нашей глобальной политике», автор опирается на достижения 90-х годов XX века — сбалансированность бюджета, падение уровня преступности, сокращение наполовину расходов на выплату пособий. По мнению Дика Морриса, основными в ближайшие 20 лет станут вопросы, связанные с экологией, развитием генной инженерии и помощью странам Третьего мира. Политическая реальность начала XXI века внесла в этот прогноз свои коррективы.

Дипломатия на ветру перемен

Федор Лукьянов

Дубинин Ю.В. Время перемен. Записки посла в США. — М.: АВИАРУС-XXI. — 464 с., с ил. ISBN 5-901453-07-7.

Мировое сообщество возмущено односторонними действиями

США, которые в обход ООН наносят удары на Ближнем Востоке.

Пока лидеры великих держав обсуждают, как восстановить ведущую роль Объединенных Наций, американская администрация наращивает силу, принимая рекордные во-

енные бюджеты. Правда, в самой администрации явно наметились разногласия. «Ястребы» из Пентагона под руководством решительного и воинственного министра обороны считают, что Вашингтону нет нужды заботиться о мнении

Посол Дубинин (справа) и генерал Пауэлл

других стран. А «голуби» из Госдепартамента во главе с осторожным и умеренным госсекретарем не сомневаются: во всех своих начинаниях Белому дому следовало бы заручиться поддержкой союзников и по возможности согласовать позиции с оппонентами.

Не правда ли, знакомая картина? Если добавить модные слова «унилатерализм» и «мультилатерализм», а еще дописать пару фраз о перспективах много- или однополярного мира, то можно публиковать в рубрике актуальных комментариев. Между тем все эти коллизии почерпнуты не из свежих газет, а из книги мемуаров одного из самых известных и ува-

жаемых российских дипломатов Юрия Дубинина. И относятся они не к лету—осени 2003 года, а к концу 1980-х, когда автор находился в Соединенных Штатах: сначала в должности постоянного представителя СССР при ООН, а затем — советского посла в Вашингтоне. (Стоит пояснить, что «удары на Ближнем Востоке» — это бомбардировка Ливии по приказу Рональда Рейгана в 1986-м, главный «ястреб» — министр обороны США Каспар Уайнбергер, «голубь» — госсекретарь Джордж Шульц.)

Юрий Дубинин работал в США с 1986 по 1990 год, в период, пожалуй, самых радикальных за весь XX век изменений в отношениях между двумя сверхдержавами. Глава советской дипломатической миссии сыграл тогда ключевую роль, налаживая личные контакты с руководителями американского государства, прежде всего с президентами Рейганом и Бушем. Дубинин готовил важнейшие советско-американские саммиты, положившие конец гонке вооружений и определившие развитие всей мировой политики: встречи Михаила Горбачева и Рональда Рейгана в Рейкьявике и Москве, Горбачева и Джорджа Буша в Вашингтоне и на Мальте. Труд Юрия Дубинина — чтение весьма поучительное. Прежде всего потому что заставляет по-новому взглянуть не на прошлое (хотя

многое из описанного очень интересно именно с исторической точки зрения), а на настоящее. Вообще, воспринимать эту книгу как мемуары довольно сложно, ведь большинство действующих лиц до сих пор определяют линию поведения самой сильной державы мира. Дик Чейни, Колин Пауэлл, Кондолиза Райс, Ричард Перл входят в правящую элиту США, а такие люди, как экс-президент Буш-старший, его госсекретарь Джеймс Бейкер или тот же госсекретарь Рейгана Шульц, влияют на решения нынешней команды. Да и Джордж Буш-младший не раз говорил, что продолжает традиции предшественников-республиканцев — своего отца и Рейгана. Так что многие из описываемых в книге особенностей и секретов американской политики конца 1980-х помогут лучше понять и сегодняшнюю ситуацию.

Автор дает исчерпывающие характеристики государственным деятелям США, с которыми ему доводилось общаться. Рональд Рейган — человек «яркой индивидуальности», «огромных амбиций, неожиданных масштабных и твердых решений. Он не изменял их за счет полумер, не поддавался на уловки изощенной дипломатии» (с. 32).

Джорджа Шульца «отличала исключительно высокая точность в формулировании позиций... Он

умел, когда того требовала его позиция или тактика... жестко нассеть, крепко надавить не только существом своей мотивации, но и сухостью формулировок, но умел и уговаривать, разъяснять или вести беседу в располагающем дружественном ключе» (с. 288–289). Колин Пауэлл (в ту пору — помощник президента по национальной безопасности) «демонстрировал качества трезвомыслящего государственного деятеля высокой профессиональной подготовки, выходящей за рамки чисто военного опыта» (с. 216).

Ричард Перл (заместитель министра обороны) «при всей жесткости своих позиций был, в отличие от своего шефа (Уайнбергера. — Ред.), человеком творческого склада, готовым к поискам решений» (с. 171). Автор значительно более скуп на характеристики, когда речь заходит о советских лидерах. Излагая беседы с министром иностранных дел Эдуардом Шеварднадзе, генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым и другими руководителями, опытный дипломат Дубинин воздерживается от личных оценок. Лишь иногда он позволяет себе язвительные уколы в адрес иных «изоощренных умов» в Министерстве иностранных дел или в партийном руководстве, избревших «нетрадиционные» подходы к дипломатической практике. Пребывание Юрия Дубинина в

США совпало с нарастанием внутреннего кризиса в Советском Союзе, с началом процессов, которые вскоре привели к распаду страны. Автор упоминает знаменитый визит в США в 1989 году опального Бориса Ельцина (с. 322), а также встречу Джорджа Буша с премьером мятежной Литвы Казимерой Прунскене (с. 378). Дубинин и здесь избегает прямых оценок. Однако за сухими фразами о ситуации на родине проступает жесткая обида профессионала, который, потратив массу сил и энергии на укрепление позиций своего государства, понимает, что все идет прахом по причинам, над которыми он невластен. (Со сложностями работы в условиях политической нестабильности Юрий Дубинин столкнулся и в 1990-е годы, будучи главой российской делегации по переговорам с Украиной, а затем послом в Киеве. Тогда усилия дипломатов по отстаиванию национальных интересов зачастую перечеркивались в результате «неформальных» встреч на высшем уровне.)

«Середина мая 1990 года была, пожалуй, удачным моментом для того, чтобы покинуть Вашингтон (Юрий Дубинин был назначен послом СССР в Париже. — Ред.). Это было время, когда страна наша находилась в зените своей популярности в Соединенных Штатах, наши отношения с ними были

на подъеме, к нам относились, как к достойному, авторитетному и уважаемому партнеру. Оставались считанные дни до того, когда внутренние наши беды вырвутся наружу, разрушая и внешнюю политику нашей страны, и саму страну», — с горечью пишет автор (с. 397). Он явно не желает вступать в полемику относительно роли тех или иных политиков эпохи поздней перестройки, приводя вместо этого красноречивые факты и предоставляя слово другим очевидцам. Так, рассказывая о вашингтонском саммите Горбачева и Буша в конце мая 1990 года (Дубинин участвовал в его подготовке, но уже не в переговорах), автор приводит обширную цитату из воспоминаний Джорджа Буша. Экспрезидент США не скрывает изумления тем, как легко Михаил Горбачев согласился на членство объединенной Германии в НАТО, — это стало сюрпризом не только для американской стороны, которая была готова к долгим дискуссиям на натовскую тему, но и для всей советской делегации. «Все это было поразительно», — заключает Буш (с. 399).

Настоящие успехи на международной арене невозможны без крепких «тылов» внутри страны и логичной, внутренне непротиворечивой позиции — убедительным подтверждением этой неновой, но, увы, не теряющей актуально-

сти мысли является книга Юрия Дубинина.

«Время перемен» — хорошее успокоительное средство для тех, кто склонен драматизировать происходящее и предрекать катастрофическое крушение мирового порядка. На самом деле многое из того, что сегодня кажется нам революцион-

ным и беспрецедентным, в том или ином виде уже было. А выход можно найти практически из любой ситуации — если, конечно, действовать профессионально. В пользу этого свидетельствует непростой путь, пройденный СССР и США навстречу друг другу во второй половине 1980-х годов.

Когда воротимся мы в Портленд?

Станислав Кувалдин

Marshall I. Goldman. The Piratization of Russia: Russian Reform Goes Awry // London — New York, Routledge, 2003. x + 289 p. (Маршалл Голдман. Пиратизация России: российские реформы идут вкось. Лондон; Нью Йорк, 2003. x + 289 с.)

Книгу Маршалла Голдмана, одного из самых известных американских экспертов по России, содиректора Центра Дэвиса по изучению России и Евразии Гарвардского университета, можно считать ответом старого советолога тем западным советникам, которые влияли на российские реформы 1990-х годов. «Пиратизация России» буквально пронизана полемикой с книгой Максима Бойко, Андрея Шлейфера и Роберта

Вишны «Приватизация России» («*Privatizing Russia*»), защищавшей эти реформы.

Давая обзор экономического развития России в минувшем десятилетии, автор показывает, что оно абсолютно не соответствовало изначально поставленным целям преобразований. Однако автор не столько осуждает эти преобразования, сколько ищет причины их обескураживающих результатов. По мнению автора «Пиратизации», главная ошибка российских реформаторов и их западных советников — убежденность в универсальности применяемых методик и полный неучет исторических и культурных особенностей страны. В книге приводится признание руководителя Федеральной резервной системы США Алана Грин-

спена, который на основе российского опыта пришел к выводу: многое из того, что в западной рыночной системе принимают за естественные свойства человеческой природы, относится вовсе не к природе, а к национальной культуре (р. 29).

Особенностями развития российского общества еще до 1917-го автор считает зависимость бизнеса от государства (главный поставщик заказов), слабую организацию российской буржуазии.

Бизнес в этих условиях налаживал неформальные пути взаимодействия с властью, это укрепляло зависимое положение предпринимателей и открывало широкие возможности для коррупции.

После 1917 года тотальная роль государства в экономике предопределила ликвидацию всех рыночных институтов. Попытки по внедрению механизмов свободной конкуренции на государственных предприятиях при Горбачеве привели к многочисленным перекосам и уже тогда открыли перед руководителями предприятий первые возможности для установления личного контроля над производственными мощностями.

При этом к началу радикальных экономических реформ в стране отсутствовали инфраструктура, необходимая для функционирования рыночной экономики, и культура предпринимательства.

Реформу Егора Гайдара автор определяет как достаточно полное воплощение в жизнь теории оздоровления экономики, известной под названием «вашингтонский консенсус». В кругах радикальных рыночных экономистов она считалась в то время всеобщей панацеей и была положена в основу требований МВФ к странам-заемщикам. Голдман обращает особое внимание на то, что главные рабочие методы «шоковой терапии» — быстрый отпуск цен, либерализация внешней торговли и проведение приватизации — исходят из презумпции наличия в излечиваемой экономике рыночных институтов. Лишь в этом случае включение механизмов конкуренции способно привести к относительно быстрой стабилизации и созданию нового фундамента роста. Политика «шоковой терапии» призвана отладить неисправные и развить слабые рыночные институты, но не способна создать их. Это — отдельная работа, требующая многолетних усилий. В России же резкая либерализация цен и торговли произошла в условиях монопольной структуры экономики и полного отсутствия рыночных институтов.

Голдман не склонен преувеличивать значение западных советников, ссылаясь, между прочим, на утверждения Гайдара о том, что их роль была вспомогательной. Тем не менее автор не обходит сторо-

ной скандальные обвинения в недобросовестной деятельности и использовании инсайдерской информации в личных целях, предъявленные советникам Гайдара Андрею Шлейферу и Джонатану Хэю и поддержанные Министерством юстиции США.

Наиболее важным шагом гайдаровских реформ, оказавшим серьезное воздействие на дальнейший выбор направления в развитии российской экономики, Goldman называет программу ускоренной приватизации, необходимость которой реформаторы объясняли стремлением поставить барьер на пути возвращения к власти коммунистов. Одним из главных отрицательных итогов политических баталий вокруг различных приватизационных схем стало согласие правительства на предоставление руководству и коллективу предприятия права предварительного (до выпуска акций в публичную продажу) приобретения контрольного пакета, что означало возможность установления директорами контроля над предприятиями и лишало приватизацию реального смысла. Изначально подобная схема не предусматривалась в планах правительства Гайдара (в личном интервью Goldman он называл ее реализацию ошибкой), однако он сознательно сделал эту уступку, чтобы обеспечить прохождение закона о приватизации в Верховном Совете в 1992 году.

Большое внимание автор уделяет истории создания финансово-промышленных империй России. По способу приобретения собственности Goldman делит олигархов на бывших членов советской номенклатуры и тех, кто выплыл на поверхность самостоятельно. Он критично анализирует различные виды коррупционных схем приватизации, вывода активов, недобросовестного использования законодательства и пр. Существенным фактором, определившим развитие российского капитализма по олигархическому пути, стало наличие природных ресурсов, а также объектов их первичной переработки (нефтеперегонные заводы, металлургические комбинаты). Стать богатым в России было проще, не открывая новое производство, а получив контроль над нефтяной скважиной. На этом основании автор отмечает, что сравнение нынешних российских олигархов с первыми американскими миллиардерами, такими, как Морган или Рокфеллер, натянуто: последние тоже не стеснялись в методах накопления капитала, но они, по крайней мере, строили новые заводы, а не захватывали уже имеющиеся (р. 123). Отсутствие внимания к созданию новых производств автор называет патологической чертой российских реформ. Основная активность гос-

органов в 1990-е была направлена на контроль и запрещение, а не на стимулирование производителя, что также способствовало коррупции и обеспечивало широкую сферу деятельности для мафиозных групп. Выводы Маршалла Голдмана неутешительны: до настоящего оз-

доровления ситуации далеко. Тем более что никакие меры экономической политики не могут гарантировать успех без изменений в культуре российского предпринимательства. Если не приложить серьезных усилий, на это уйдут годы.

«Еврорусский» мост

Татьяна Игнаточкина, Очир Манджиков

Симомян Р.Х. Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2003. 456 с. ISBN 5-7380-0213-X.

После распада СССР отношения России со странами Балтии складывались весьма непросто. Обилие исторических обид и взаимных претензий препятствовало нахождению взаимопонимания в национальной, культурной, политической, экономической сферах. Попытки научного анализа процессов, происходивших в Балтийском регионе (как, впрочем, и на всем постсоветском пространстве), также не были свободны от субъективного, зачастую излишне политизированного подхода. Стремление переложить ответственность на противоположную сторону, нежелание признавать собственные ошибки, недостаток данных социологических исследований —

все это препятствовало формированию объективного взгляда. Только избавившись от распространенных стереотипов, можно сформулировать новую повестку дня в отношениях между Москвой и балтийскими столицами. А она необходима в свете предстоящего 1 мая 2004 года вступления Литвы, Латвии и Эстонии в Европейский союз.

Книга директора Российско-Балтийского центра Института социологии РАН Ренальда Симоныяна «Россия и страны Балтии» предлагает по-новому взглянуть на известные проблемы: от исторических до самых актуальных, таких, как пограничные разногласия, положение русскоязычного населения, калининградский транзит, членство балтийских государств в НАТО и т. д. Автор подробно анализирует менталитет, социально-психологиче-

ские установки, особенности религиозного сознания и психологии балтийских народов. Русским и прибалтам, полагает он, свойственны разные типы установок — «установка на конфронтацию» и «установка на компромисс» (с. 113).

Кстати, Ренальд Симонян считает несостоятельными утверждения о том, что балтийские республики были главными виновниками распада Советского Союза. В конце 1980-х именно эти страны предложили скорейшим образом подписать новый Союзный договор, дабы остановить центробежные тенденции. Однако союзное руководство не сумело трезво оценить сложившуюся ситуацию и упустило момент.

Обращаясь к самому болезненному вопросу отношений между Россией и странами Балтии, Симонян подробно останавливается на ситуации с русской диаспорой и прослеживает, как в регионе менялось отношение к русским. «После распада СССР русские... в глазах титульного населения становились олицетворением того самого тоталитарного режима, от которого только что удалось избавиться» (с. 120).

По данным проведенного социологического опроса на 2000 год, от 91 % (в Литве) до 98 % (в Латвии) респондентов «категорически не согласились бы вернуться в социалистическое прошлое» (с. 33).

В 1990-е годы российская элита в

странах Балтии, утратив привычное привилегированное положение, находилась в состоянии «фрустрации». Вину за это автор возлагает на российское руководство, которое «не сумело (или не захотело) использовать возможности для закрепления нормального правового статуса людей, бросив своих соотечественников, по существу, на произвол судьбы» (с. 128). «Тем самым оно невольно превратило их в фактор постоянной напряженности в межгосударственных отношениях с республиками Балтии» (с. 132). Тем не менее «характерные черты балтийского региона дают уникальную возможность российской общине реализовать новую модель выживания в новых условиях, избегая как ассимиляции, так и параллельного изолированного существования рядом с титульными этносами» (с. 171). Нужно только суметь правильно ими воспользоваться.

Русские составляют значительный процент населения всех крупных городов Балтии. Молодые представители русскоязычной общины быстро усваивают образ жизни, менталитет и ценности этих стран, приобретая тем самым «перекрестную идентификацию». «Еврорусские», то есть русскоязычная молодежь, которая интегрируется в местные общества, превращаются, по мнению автора, в новый субэтнос, промежуточный социальный слой,

который призван ослабить социальную и национальную поляризацию, обеспечить устойчивость всей общественной системы в регионе. Преодоление разрыва между общинами — процесс сложный и долгий. Так, Симонян обращает внимание на то, что титульная нация и русская община «живут каждая на отдельных островах, омываемых различными, а часто и разнонаправленными информационными потоками» (с. 349). Исследователь считает, что негативную роль зачастую играют российские СМИ, которые исходя из двойных стандартов при освещении ситуации в Балтии способствуют усилению межгосударственных, а значит, и межнациональных антагонизмов. Автор подробно останавливается на формировании новой общественной структуры в государствах Балтии, где одновременно происходили процессы реформирования и государства, и общества. «Здесь не было столь разительной социальной поляризации, не было и чрезмерных привилегий у государственно-административной бюрократии» (с. 247). Процесс модернизации государств Балтийского региона был «более плавным, прозрачным и правовым, менее криминальным и, главное, более безболезненным, чем в России» (с. 239). Источником сравнительно быстрых темпов развития автор считает тот факт, что в

отличие, например, от России местное население проявляет «готовность... к активному участию в этих процессах» (с. 200). Правда, Симонян оговаривается, что реформы в трех странах проходили по-разному, различной была роль государства в экономических преобразованиях, а многие проблемы постсоветского развития характерны и для балтийских республик. Книга завершается прогнозом на будущее. Прибалтика и прилегающий к ней российский Северо-Запад — единственный российский регион, который непосредственно граничит с Евросоюзом — имеют большой потенциал для развития взаимовыгодной торговли, да и вообще призваны стать мостом между Россией и ЕС. Автор предостерегает российских дипломатов от прямого давления на государства Балтии. «Россия должна действовать опосредованно, что гораздо эффективнее прямого давления, распространить принципы демократии на внешнеполитическую деятельность, чтобы сделать ее эффективной» (с. 438). Политический истеблишмент и народы стран Балтии и прежде всего России, считает Ренальд Симонян, должны пристальнее присмотреться друг к другу, осознать геостратегическую и цивилизационную необходимость построения взаимовыгодных отношений, основанных на прагматизме и идее о близости наших народов.

«Малый народ» и теория заговоров

Алексей Пименов

Amy Chua. World on Fire. New York, London, Toronto, Sydney, Auckland: Doubleday. 2003 (Эми Чуа. Мир в огне.)

«После падения Берлинской стены не только в западном мире, но и далеко за его пределами воцарилась непоколебимая уверенность в том, что волшебный сплав демократии со свободным рынком превратит наш мир в сообщество модернизированных и миролюбивых наций... И что такие приметы отсталости, как межэтнические распри и религиозный фанатизм, обречены на скорое исчезновение». Этими словами, вынесенными на обложку книги, Эми Чуа характеризует общепринятый взгляд на глобализацию — чтобы затем опровергнуть его. С первых же страниц читатель убеждается в том, что обещанное всеобщее примирение обернулось невиданным ростом шовинизма и расовой ненависти в самых разных точках земного шара. Специалист по экономике Третьего мира, ведущая в Йельском университете семинар на тему «Законность и развитие», Эми Чуа в деталях анализирует как историю застарелых болезней, так и причины их нынешнего обостре-

ния. Исследовательница подробно рассказывает о националистических мифах, с новой силой овладевающих массами. Однако значительно больше, чем кривые зеркала идеологий, ее интересует экономическая реальность, в них отражающаяся.

Что такое «межэтническая напряженность», Эми Чуа, американке китайского происхождения родом с Филиппин, довелось узнать задолго до того, как она начала изучать экономику развивающихся стран. Принадлежа по рождению к «малочисленному, но предприимчивому меньшинству» (составляющему всего около одного процента населения Филиппин, но контролирующему по меньшей мере 60 % частного сектора экономики страны, включая крупнейшие авиакомпании, банки и отели), она с детства знала о пропасти, отделяющей филиппинских китайцев от коренных островитян. «...Миллионы филиппинцев работают на китайцев, и почти никто из китайцев не работает на филиппинцев... За вычетом горстки коррумпированных политиков и нескольких испанских аристократических семейств, все филиппинские миллиардеры — китайского происхождения. Зато всю

черную работу выполняют филиппинцы. Все крестьяне — филиппинцы. Все домашние слуги, а также все нелегально проживающие — тоже филиппинцы... Мои родственники, — продолжает Чуа, — живут в буквальном смысле отгороженные стеной от филиппинских масс, в фешенебельных районах, населенных исключительно китайцами... где все входы охраняются хорошо вооруженной частной службой безопасности» (р. 4).

Реакция филиппинцев предсказуема. «Немотивированные» убийства китайцев следуют одно за другим. (В 1994 году список жертв пополнила тетка Эми Чуа, убитая собственным шофером. Исчезновение убийцы и освобождение его сообщников никого не удивило. «Здесь Филиппины, а не Америка», — объяснил дядя племяннице-американке (р. 2).)

На протяжении многих столетий китаец-предприниматель представлял собой ключевую фигуру всей восточноазиатской экономической жизни. Однако в эпоху глобализации разделение труда по этническому принципу приобрело почти гротескный характер. И дело отнюдь не только в «духе капитализма». «Глобализированный» рынок закрыт для новичков: выдержать конкуренцию здесь способен лишь тот, кому посчастливилось унаследовать значительный капитал и старые связи.

Основной результат экономических реформ на Филиппинах, в Индонезии, Бирме и т.д. заключается, таким образом, не просто в том, что богатые становятся богаче, а бедные — беднее, но и в том, что первые представляют собой этническое меньшинство, а вторые — коренное население. Неудивительно, что символом власти стал союз «отечественного» бюрократа с китайцем-финансистом, а антиправительственные выступления почти неизбежно сопровождаются китайскими погромами.

Могущественная китайская диаспора — вероятно, самый впечатляющий пример того, что Эми Чуа называет «меньшинством, господствующим на рынке». Подобные меньшинства существуют во многих странах. И реакция на них со стороны «большинства» — все более враждебная — определяет, по мнению Чуа, главное противоречие современности.

Особое место в картине, нарисованной Чуа, занимает Африка. Потомки европейских колонизаторов (белые в ЮАР), пришельцы с Ближнего Востока (ливанцы в западноафриканских странах), выходцы из Индии, контролирующие всю торгово-финансовую жизнь восточного побережья, а также «коренные» африканские элиты (кикуйу в Кении или ибо в Нигерии и Камеруне) — все эти группы населения роднит одно:

господствующая роль в экономике самого бедного континента на земле. В Руанде сходную роль еще недавно играли тутси — что и подготовило почву для их геноцида (pp. 97–122).

Глобализация принесла плоды и там, где этнический фактор прежде почти не использовался как оружие в политических битвах. В Латинской Америке конфликт между бедными и богатыми в последние годы все больше осознается как борьба угнетенных индейцев против «белых пришельцев» — креольской знати. Ее смысл несколько лет назад выразил Фелипе Киспе, харизматический лидер индейцев аймара из Боливии. На вопрос журналиста о причинах своего участия в террористической деятельности он без обиняков ответил: «Чтобы моя дочь не стала вашей служанкой!» (p. 50).

Даже конфликты, этническая природа которых очевидна (ближневосточный и балканский), Эми Чуа тоже толкует как реакцию «бедных» на экономическое господство «чуждого меньшинства». В роли ненавидимой рыночной элиты на этот раз выступают евреи-ашкенази (точнее, их потомки), а также словенцы и хорваты; по другую же сторону оказываются в одном случае арабы (а также восточные евреи), а в другом — сербы и черногорцы. И неудивительно, что крайнее обострение

этих конфликтов совпало с периодом глобализации.

Эми Чуа верна своей схеме и тогда, когда речь заходит о реформах в постсоветской России и, конечно, о всемогущих олигархах (pp. 77–94). Перечисляя (правда, не без ошибок) магнатов российского капитализма с еврейскими фамилиями, она ограничивается ссылками на довольно банальные рассуждения своих знакомых эмигрантов из СНГ о склонности евреев к бизнесу. Чуа весьма точно описывает популистскую реакцию на олигархический капитализм с ее явственно антисемитскими мотивами. Однако рассматривая олигархов как настоящих частных собственников, она игнорирует, во-первых, государственно-бюрократическую основу «олигархии» (подчас использующей «экзотических» менеджеров-назначенцев, чтобы «не засвечивать» подлинных хозяев), а во-вторых — реальное этническое многообразие современного российского рынка (кавказские и азиатские группы, русскую провинцию и т.д.).

Какие же силы в мире ведут сегодня непримиримую борьбу против экономических «меньшинств»? Независимо от региона картина везде одна и та же, пишет Чуа: угроза хозяевам рынка исходит именно от демократических сил, во всяком случае, от тех, кто апеллирует к чувствам

большинства; с диктаторами же (или, по крайней мере, с авторитарными правительствами) они легко находят общий язык. «Антиэлитистские» движения уже имеют если не общую идеологию, то общую направленность — антиамериканскую. И немудрено: как показывает Чуа, США сегодня являются собой крупнейшее в мире «меньшинство, господствующее на рынке» (pp. 229–259). Правда, в отличие от остальных подобных меньшинств, Америка доминирует не только в экономике, но и в политической и военной областях. Характерно и другое: в самих США таких меньшинств нет. (Вопреки частым спекуляциям на эту тему богатейшие американцы — сплошь белые англосаксы.) Тем не менее уход коммунизма с исторической авансены означал не ослабление антиамериканских настроений, а всего лишь изменение их концептуальной основы: «научный социализм» уступил место этнонационализму, наиболее радикальные глашатаи которого призывают ни много ни мало к уничтожению США. Не лучше обстоит дело и с союзниками: нередко (в частности, на Ближнем Востоке) именно наиболее авторитарные и коррумпированные режимы занимают проамериканские позиции. Капитализм и демократия вовсе не обязательно идут рука об руку, и Эми Чуа стремится предостеречь

западное общество от романтизации того и другого. В деле установления социальной справедливости и обеспечения прав личности рыночная экономика не всемогуща. Другое дело, что Чуа, как нетрудно заметить, выносит за скобки то, в чем описанные ею «доминирующие меньшинства» разнятся между собой. У китайских богачей Индонезии, африканеров ЮАР (вначале захвативших политическую власть и лишь затем поставивших рынок под свой контроль) и торговых диаспор Западной Африки не только разное прошлое, но и различная социальная роль в настоящем. Специалисту по Балканам сугубо «рыночная» трактовка югославского конфликта покажется явным упрощением. Наконец, существует различие между реальными «доминирующими» меньшинствами и теми, которым лишь выпало сыграть роль «символов» такого господства. Например, мифы о «еврейском заговоре» расцветали отнюдь не в те эпохи, когда еврейские банкиры контролировали экономику Европы, ссужая деньгами королей и императоров, но, напротив, тогда, когда их влияние стремительно уменьшалось. В какой мере эта тенденция обнаруживается в истории других «рыночных меньшинств»? Сделать все эти уточнения означало бы продолжить острый и необходимый разговор, начатый Эми Чуа.

Киотский протокол: за и против

Проблема изменения климата, еще относительно недавно волновавшая только специалистов-метеорологов, в последнее время превратилась в политический вопрос всемирного значения. После отказа Соединенных Штатов подписать Киотский протокол к рамочной Конвенции ООН об изменении климата судьба этого документа зависит от России.

Для вступления протокола в силу необходимо, чтобы его ратифицировали страны, на долю которых приходится не менее 55 % всех мировых выбросов парниковых газов. Без Москвы с ее 17 % выбросов необходимого уровня не достигнуть. В связи с этим сторонники протокола, а наиболее активную позицию занимает Европейский союз, пытаются повлиять на российское правительство, чередуя заманчивые обещания с довольно жестким давлением. В России же нет единства взглядов на тему о ратификации Киотского протокола.

Накануне Всемирной конференции по изменению климата, которая прошла в Москве в конце

сентября – начале октября 2003 года, журнал «Россия в глобальной политике» и Совет по внешней и оборонной политике провели конференцию **«Ратификация Киотского протокола: экономические последствия для России»**. В ней участвовали представители всех ведомств, организаций и исследовательских центров, имеющих отношение к данной теме.

По мнению многих выступавших, проблема носит противоречивый характер, и выбор, перед которым стоит Россия, весьма непрост. Ведь, как заявил председатель правления «Центра климатических проектов совместного осуществления» Росгидромета **Виктор Потапов**, «не ратифицировать Киотский протокол на сегодняшний день политически невыгодно – ратифицировать его, не имея национальной системы регулирования выбросов парниковых газов, невыгодно экономически... Затягивание же сроков создания такой системы в России не выгодно ни политически, ни экономически».

Именно противоречивость проб-

лемы ратификации Киотского протокола обуславливает необходимость ее дополнительного изучения и проведения общественной экспертизы. «Требуется широчайшая общественная дискуссия, прежде чем такое решение будет принято», — отметил заместитель председателя правления холдинга «Интеррос» **Андрей Бугров**. Тем более что, как подчеркнул первый заместитель директора Института мировой экономики и международных отношений РАН **Александр Дынкин**, с одной стороны, «Киотский процесс возник в связи с идеей борьбы с глобальным потеплением», а с другой — «геологи, например, утверждают, что основной парниковый газ — это водяной пар, и его концентрация практически не зависит от антропогенных воздействий». Кроме того, напоминает Дынкин, «помимо водяного пара есть и другая проблема. Выбросы в результате таяния вечной мерзлоты и тундры уже через 20 лет превысят антропогенное воздействие». Поэтому Киотский протокол — это не ответ на вопрос об изменении климата. Докладчик выступил решительно «против потребительского, упрощенного взгляда на Киотский процесс — ратифицировать, немедленно продавать, получать сотни миллиардов... Киотская стратегия в целом затратна, но

она, безусловно, ориентирует бизнес на инвестиции в экологически чистые энергосберегающие технологии. Важно понять, что здесь есть шанс для наших технологий и для увеличения спроса на эти технологии». Временный поверенный в делах Европейской Комиссии в России **Винсент Пикет** не сомневается: «России с экономической точки зрения выгодны международная торговля эмиссией, а также проекты совместного осуществления. Страна выиграет от передачи современных технологий и значительных инвестиций». Отказ же от ратификации «не принесет России ни единой копейки».

Как заявил председатель Росгидромета **Александр Бедрицкий**, Росгидромет и Федеральная служба России по метеорологии и мониторингу окружающей среды также осознают «определенное несовершенство и противоречивость некоторых положений Киотского протокола». Однако обе службы рекомендовали Правительству России ратифицировать документ «при реализации ряда подготовительных мер». Вместе с тем Киотский протокол — это только «первый шаг, который надо сделать, чтобы вместе работать над решением глобальной проблемы выбросов парниковых газов». Международный переговорный процесс будет раз-

виваться, отметил председатель Росгидромета и подчеркнул, что Россия не должна оказаться на обочине, вне этого процесса. Однажды подобное уже произошло со вступлением в ВТО, и теперь приходится нести дополнительные издержки, чтобы войти в группу стран, которые формируют правила игры.

Сергей Рогинко, руководитель группы «Экология и развитие» Института Европы РАН, тоже считает, что именно Киотский процесс позволяет принять участие в формировании правил игры: «Реально на сегодняшний момент существует лишь один легитимный способ продажи квот. Это проекты совместного осуществления». Вместе с тем он сомневается в возможности получить выгоды от продажи квот: «Это рынок не продавца, а покупателя, на нем можно продать только ограниченное количество квот».

В отличие от Рогинко, заместитель министра экономического развития и торговли **Мухамед Циканов** уверен, что «мы действительно можем иметь и, скорее всего, будем иметь хотя бы минимум экономических выгод от этого протокола. Во-первых, это капитализация компаний, которые имеют углекислый газ. Во-вторых, это реальная возможность торговли квотами или ис-

пользование других механизмов гибкости Киотского протокола». Однозначную выгоду в ратификации Киотского протокола видит директор Института водных проблем РАН **Виктор Данилов-Данильян**. «Не торговля квотами является главным в Киотском протоколе, а механизм совместного осуществления. Даже если вообще никакой торговли квотами не будет, все равно ратификация протокола исключительно выгодна для России с экономической точки зрения». «Конечно, никакого золотого дождя на Россию не прольется, — полагает он, — но надо работать. Экономические последствия весьма благоприятны... А ждать, когда будет разработан идеальный документ, нельзя. Пока мы будем ждать, мы все умрем, и наши дети не родятся. Надо действовать». С ним согласен лидер движения «Кедр» **Анатолий Панфилов**: «Киотский протокол — это первый шаг, после которого Россия может выступить экологическим донором». Между тем большинство экспертов, в том числе и сторонники ратификации, сходятся в одном: не существует убедительных доказательств того, что именно выбросы углекислого газа являются источником глобального потепления. И усилия Киотского процесса направлены не на изменение климата, а, скорее, на совер-

шенствование технологий. По большому счету это вопрос мировой экономики. «Киотский протокол — это, конечно, не решение климатической проблемы, — считает исполнительный директор Центра по эффективному использованию энергии **Игорь Башмаков**. — Он и не нацелен спасти планету от глобального потепления. Он нацелен только на одно: понять и оценить наши возможности, затраты и выгоды».

Для России Киотский процесс представляет собой некую направляющую в русле мирового развития. «Киотский протокол может стать технологической планкой, с которой, может быть, мы начнем устойчивое продвижение в некоем разумном направлении», — надеется, в частности, **Сергей Бобылев** (факультет экономики МГУ). А по мнению председателя президиума Института проблем глобализации **Михаила Делягина**, «это вопрос не столько экологии и даже не столько международного престижа, сколько нового позиционирования России в мире»: «Мы должны сформулировать наши требования в рамках Киотского протокола. И поскольку экономическая выгода действительно есть, но она не критична, то мы можем жестко навязывать эти требования».

«Безусловно, — утверждает президент Ассоциации независимых

центров экономического анализа **Леонид Григорьев**, — с политической точки зрения очень важно, чтобы Россию не считали причиной остановки Киотского процесса, однако отсутствует ясность в отношении конкретных экономических выгод». «Мы находимся в ловушке “великодержавности” — нам стыдно торговаться». Как полагает Григорьев, «в конечном итоге нам не удастся получить большие деньги по торговле собственными квотами, но мы должны настаивать на включении нас во все эти механизмы». При этом на уровне предприятий необходимо связать квоты с инвестициями помимо дополнительных проектов — «это было бы полезно для экономики, поскольку означает дополнительные инвестиции в модернизацию». В связи с этим возникает еще одна проблема — «проблема создания внутренних механизмов и очень серьезной координации внешней и внутренней экономической политики». Механизмы принятия и реализации решений, связанных с Киотским протоколом, нуждаются в тщательной разработке. «Понятно желание европейцев организовать рынок для своей продукции, — констатирует вице-президент «СУАЛ-холдинга» **Василий Киселев**. — Но если мы это понимаем, то для нас самый главный вопрос: как встроить свою отечест-

венную мысль, технологию и науку в этот процесс?»

А вот президент фонда «Политика» **Вячеслав Никонов** полагает, что «у человечества есть не менее важные проблемы, для решения которых необходимы экономический рост, прогресс и развитие». «Угроза парниковых газов для климата планеты, и об этом много говорили, не доказана. Между тем миллиард людей на планете голодает; 1,6 млрд на планете не имеют доступа к электричеству, и 2,5 млрд — пользуются биомассой в качестве средства энергетики». «Позиция России сейчас абсолютно моральна: она лидирует в мире не только по выполнению, но и по перевыполнению Киотского протокола». Что же касается обещания продавать в будущем свои квоты, то оно несостоятельно. К тому же «Соединенные Штаты — основные потенциальные покупатели квот — никогда не вернутся в Киотский протокол», а ЕС — весьма несговорчивый партнер, когда дело касается России, и вряд ли он пойдет на уступки. Выполнение обязательств по протоколу наложит на Россию определенные ограничения. Ратифицировав Киотский протокол, «мы можем просто продать свой будущий экономический рост за цену, которую пока даже не знаем», резюмировал Никонов.

От принятия поспешных решений предостерег и председатель Комитета по природопользованию и экологии ТПП РФ **Сергей Алексеев**. Он не уверен, что наша промышленность сможет играть по своим правилам и в свою игру. Россия не готова подписывать Киотский протокол сегодня. «В Киотском протоколе есть очень здравые экономические механизмы, но принимать на себя сегодня обязательства в рамках протокола несколько преждевременно», отметил докладчик, согласившись с тезисом о необходимости создания национальной системы регулирования выбросов парниковых газов.

Член правления РАО «ЕЭС России» **Анатолий Зелинский** призвал не затягивать с ратификацией протокола и обратил внимание присутствующих на последствия отказа. В этом случае, уверен он, к уже имеющимся претензиям, которые выдвигаются в Европе в адрес российских товаров в рамках антидемпинговых процедур, добавиться экологическая составляющая.

Одна из проблем, связанных с Киотским процессом, состоит в несовершенстве самого протокола. «В том виде, в каком существует сейчас Киотский протокол, он не устраивает никого. Сейчас речь идет о модернизации Киотского протокола или разработке нового

соглашения, в основе которого — технологический прорыв, экономическая эффективность и глобальный охват, то есть участие всех стран с учетом их особенностей», — сообщил помощник главы Росгидромета, ответственный секретарь межведомственной Комиссии по проблемам изменения климата **Евгений Уткин**.

Таким образом, для решения всех проблем, связанных с Киотским процессом, и мировому сообществу в целом, и России в частно-

сти предстоит еще многое сделать. Как заметил **Сергей Сибиряков**, президент инновационной компании «ТЕТ-технологии 3000», «вся проблема у нас внутри. А дальше, если мы ее начнем решать, мы решим очень многие проблемы».

Совет по внешней и оборонной политике и журнал «Россия в глобальной политике» будут внимательно следить за развитием дискуссии по вопросу о ратификации Киотского протокола.

Полную стенограмму конференции читайте на сайте www.globalaffairs.ru

Алфавитный указатель статей, опубликованных в 2002—2003 годах

- Аба Аль-Хейль М.* Эгоизм силы // т. 1, №1, 2003
- Адамишин А.* На пути к мировому правительству // №1, 2002
- Акаев А.* Куда идет Центральная Азия? // т. 1, №4, 2003
- Алфёров Ж., Велихов Е.* Энергия без границ // т. 1, №1, 2003
- Арбатов А.* Какая армия нам нужна? // т. 1, №1, 2003
- Арбатова Н.* Модель на выброс // т. 1, №4, 2003
- Балуевский Ю.* Стратегическая стабильность в эпоху глобализации // т. 1, №4, 2003
- Бильдт К.* Моральный долг «антисоветчика» // т. 1, №2, 2003
- Ближний Восток: принуждение к миру. Ситуационный анализ под председательством академика Е. Примакова // №1, 2002
- «Большая восьмерка»: возрождение лидерства. Среди авторов – Ф. Бергстен, Л. Бриттен, П. Волкер, Г. Киссинджер, Т. де Монбриаль, Дж. Най, Р. Руджеро и другие // т. 1, №2, 2003
- Бордачёв Т.* Объективное познание Европы // т. 1, №4, 2003
- Бордачёв Т., Романова Т.* Модель на вырост // т. 1, №2, 2003
- Бульчёв Г.* Эволюция или революция // т. 1, №2, 2003
- Васильев Е.* Центральноазиатский перекресток // т. 1, №1, 2003
- Виктор Д., Виктор Н.* Нужна ли нам «ось нефти»? // т. 1, №2, 2003
- Вишневский А.* Великая малонаселенная держава // т. 1, №3, 2003
- Гелб Л., Розентал Дж.* Мораль во внешней политике // т. 1, №3, 2003
- Гленнон М.* Совет Безопасности: в чем причина провала? // т. 1, №3, 2003
- Гольц А.* Неправильная война // т. 1, №3, 2003
- Григорьев Л.* XXI век: расходящиеся дороги развития // №1, 2002
- Дворкин В.* Профилактика вместо возмездия // №1, 2002
- Долгов С.* Реальность глобализации и критика антиглобалистов // т. 1, №4, 2003
- Доллар Д., Край А.* Путь к процветанию // №1, 2002
- Евтушенков В.* Нефтедоллару придется потесниться // т. 1, №1, 2003
- Ергин Д., Стоппард М.* Следующая цель – мировой рынок газа // т. 1, №3, 2003
- Знание как религиозный долг (Из доклада Программы развития ООН) // т. 1, №4, 2003
- Иванов И.* Международная безопасность в эпоху глобализации // т. 1, №1, 2003
- Иноземцев В.* Глобализация и неравенство: что – причина, что – следствие? // т. 1, №1, 2003
- Иран: что дальше? Ситуационный анализ под председательством академика Е. Примакова // т. 1, №2, 2003

- Караганов С.* Шансы и угрозы нового мира // т. 1, №2, 2003
- Квасъневский А.* Открытая Европа // т. 1, №4, 2003
- Козн А.* Холодная война возвращается // т. 1, №4, 2003
- Лейни Дж., Шэплин Дж.* Что делать с Северной Кореей? // т. 1, №2, 2003
- Ломанов А.* Красная Книга перемен // т. 1, №1, 2003
- Лукин В.* Российский мост через Атлантику // №1, 2002
- Льюис Б.* Ислам: что пошло не так? // т. 1, №1, 2003
- Люфт Г.* «Живая бомба» Палестины // т. 1, №1, 2003
- Малашенко А.* Между реформами и коллапсом // т. 1, №3, 2003
- Маргелов М.* Победа по очкам // т. 1, №3, 2003
- Мау В.* Искушение «дешевыми деньгами» // т. 1, №2, 2003
- Мирский Г.* Багдадская головоломка // т. 1, №1, 2003
- Мирский Г.* Вторая жизнь партии Баас // т. 1, №2, 2003
- Мордашов А.* Обогнать конкурентов на поворотах // №1, 2002
- Най-младший Дж.* После Ирака: мощь и стратегия США // т. 1, №3, 2003
- Нанн С.* Восемь шагов к выживанию // т. 1, №1, 2003
- Никонов В.* Назад, к Концерту // №1, 2002
- Никонов В.* Соблазн особого пути // т. 1, №3, 2003
- Олбрайт М.* Сотрудничать, бомбить или угрожать? // т. 1, №4, 2003
- Орлов В.* Пациент в реанимации // т. 1, №3, 2003
- Пенттиля Р.* «Большая тройка» в «большой восьмерке» // т. 1, №3, 2003
- Перкович Дж.* Ядерная революция Буша // т. 1, №2, 2003
- Пикко Дж.* Инструмент, который требует мастерства // т. 1, №3, 2003
- Поллак К.* Как сделать Персидский залив безопасным // т. 1, №4, 2003
- Потанин В.* Корпоративное управление: на пути к «российской модели» // т. 1, №3, 2003
- Примаков Е.* Мир без сверхдержав // т. 1, №3, 2003
- Разговор о будущем. Энергетический диалог России и Европейского союза. Материал подготовлен Л. Григорьевым и А. Чаплыгиной // т. 1, №2, 2003
- Райс К.* Полюс свободы и справедливости // т. 1, №3, 2003
- Ришар Ж.-Ф.* Двадцать лет спустя // т. 1, №2, 2003
- Сантер Ж.* Голос Европы должен быть услышан // т. 1, №2, 2003
- Сарамагу Ж.* Почему я поддерживаю антиглобалистов // т. 1, №1, 2003
- Сонин К.* Бесконечный передел // т. 1, №4, 2003
- Тренин Д.* Евро-тихоокеанская держава // т. 1, №1, 2003
- Уткин А.* Под сенью новой империи // №1, 2002
- Фейгин В.* Глобальный газовый рынок – взгляд из России // т. 1, №4, 2003
- Филлипс М.* Мировой капитализм: требуется ремонт // т. 1, №3, 2003
- Хакимов Р.* Критическое мышление и обновление ислама // т. 1, №4, 2003

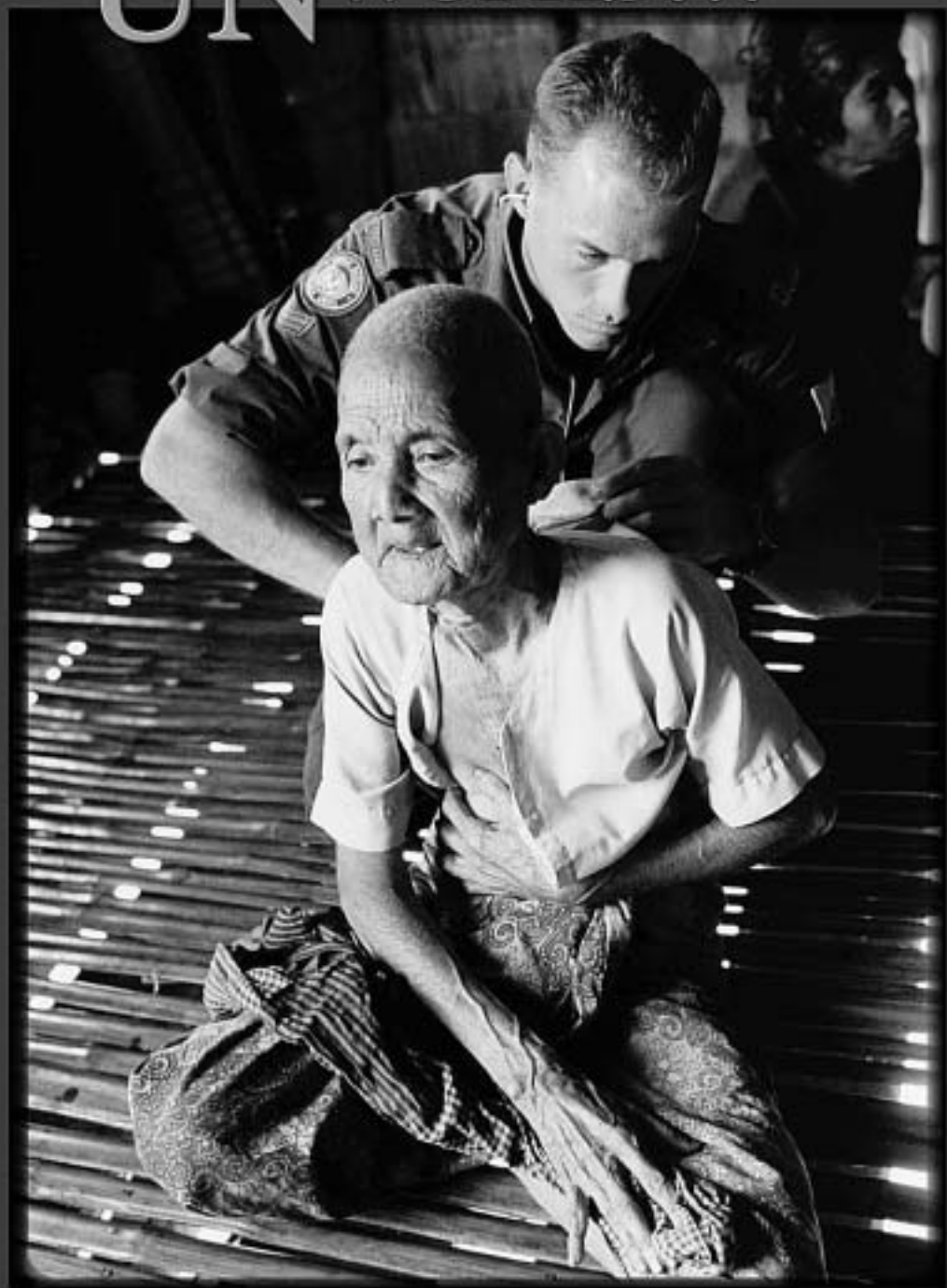
- Хёрш М.* Джордж Буш и внешний мир // №1, 2002
Ховард М. Что значит «бороться с терроризмом» // т. 1, №1, 2003
Хоффман С. Столкновение глобализаций // т. 1, №1, 2003
Храмчихин А. России нужна не реформа армии, а новая армия // т. 1, №4, 2003
Чубарьян А. Европа единая, но делимая // т. 1, №2, 2003
Шмидт Г. Время глобальной ответственности // №1, 2002
Шмидт Г. Мир завтрашнего дня // т. 1, №4, 2003
Эксуорси Т. Коллективные стенания и имперское искушение // т. 1, №4, 2003
Эллисон Г. Худшее еще впереди? // №1, 2002

Рецензии и обзоры

- Игнаточкина Т., Манджиков О.* «Еврорусский» мост (Симолян Р.Х. Россия и страны Балтии) // т. 1, №4, 2003
Иноземцев В. «Воспоминания» о настоящем (Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Новая история самого благополучного мирового десятилетия) // т. 1, №4, 2003
Иноземцев В. Несвободные от будущего (Закариа Ф. Будущее свободы. Нелиберальная демократия дома и за границей) // т. 1, №3, 2003
Иноземцев В. Одержима ли Европа антиамериканизмом? (Ревель Ж-Ф. Одержимость антиамериканизмом. Ее действие, ее причины, ее нецелесообразность) // т. 1, №1, 2003
Иноземцев В. Приближение к истине (Д'Суза Д. В чем величие Америки) // №1, 2002
Иноземцев В. Страшно далеки они от реальности (Горбачев М. и др. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития; Зюганов Г. Глобализация и судьба человечества) // т. 1, №2, 2003
Киотский протокол: за и против (Обзор конференции) // т. 1, №4, 2003
Кривохижа В. Еще раз о прогнозах (Ли Вл. Теория международного прогнозирования) // т. 1, №3, 2003
Кувалдин С. Бремя Юга (Малашенко А., Тренин Д. Время юга) // т. 1, №1, 2003
Кувалдин С. Когда воротимся мы в Портленд? (Голдман М. Пиратизация России: российские реформы идут вкось) // т. 1, №4, 2003
Кувалдин С. Предварительный диагноз (Россия после падения. Под редакцией Качинса А.) // т. 1, №2, 2003
Кузнецова Е. Миф, завоевавший мир (Тодд Э. После империи) // т. 1, №3, 2003
Ломанов А. Убить «бумажного дракона» (Чан Г. Грядущий крах Китая) // №1, 2002
Лукьянов Ф. Дипломатия на ветру перемен (Дубинин Ю. Время перемен. Записки посла в США) // т. 1, №4, 2003

- Менделсон С.* Взгляд свысока: российская политика Клинтона (*Тэлботт С.* Ответственный по России) // №1, 2002
- Наумов А.* Вильсон – предтеча Трумэна (*Дэвис Д.И., Трейни Ю.П.* Первая холодная война: наследие Вудро Вильсона в американско-советских отношениях) // №1, 2002
- Наумов А.* Прежняя страна за новым фасадом (*Грэм Т.Е.* Упадок и неуверенное возрождение России) // №1, 2002
- Никонов А.* После «конца истории» (*Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее) // №1, 2002
- Никонов А.* Про Марс и Венеру (*Кейган Р.* О рае и могуществе: Америка и Европа в новом мировом порядке) // т. 1, №3, 2003
- Никонов В.* Евангелие многополярности (*Примаков Е.* Мир после 11 сентября) // т. 1, №1, 2003
- Паршин Л.* «Вторая русская революция» глазами британца (*Брейтуэйт Р.* По другую сторону Москвы-реки: Мир перевернулся вверх дном) // т. 1, №1, 2003
- Пименов А.* Инстинкт превыше всего (*Вудворд Б.* Буш на войне) // т. 1, №1, 2003
- Пименов А.* «Малый народ» и теория заговоров (Чуа Э. Мир в огне) // т. 1, №4, 2003
- Пименов А.* На секретной службе демократии (*Пауэрс Т.* Разведывательные войны. Тайная история Америки от Гитлера до «Аль-Каиды») // т. 1, №2, 2003
Россия и новое мировое устройство (Обзор международной конференции) // т. 1, №3, 2003
- Сидоров И.* «Железный занавес» эпохи Просвещения (*Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения) // т. 1, №2, 2003
- Сидоров И.* Каспийский гордиев узел (*Гусейнов В.* Каспийская нефть. Экономика и геополитика) // т. 1, №1, 2003
- Чугров С.* Хрестоматия по российской внешней политике (*Иванов И.* Внешняя политика России в эпоху глобализации) // №1, 2002
- Шкундин М.* Верить в лучшее, противостоять худшему (*Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира) // т. 1, №2, 2003
- Шкундин М.* Очень своевременная книга (*Нетаньяху Б.* Война с терроризмом. Как демократии могут нанести поражение сети международного терроризма) // т. 1, №1, 2003
- Шкундин М.* Памятка избранным и избирающимся: технология победы (*Моррис Д.* Новый государь. Новая версия Макиавелли для двадцать первого века) // т. 1, №4, 2003

The UN works...

in war and peace

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по обороне, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ** Маргги президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич** д. и. н., профессор исторического факультета МГУ (заместитель председателя) им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН** Фред доктор экономики, директор Института международной экономики, бывший заместитель министра финансов США по международным делам
- БИЛЬДТ** Карл премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович заместитель министра по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций, бывший глава издательства «Вагриус» (в личном качестве)
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич председатель Комитета Государственной думы РФ по бюджету и налогам
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей», бывший заместитель руководителя Администрации Президента РФ
- ИВАНОВ**
Игорь Сергеевич к. и. н., министр иностранных дел РФ (в личном качестве)
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике»
- КАЙЗЕР** Карл профессор, глава Германского общества внешней политики
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., ранее – главный редактор газеты «Известия»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН, ранее – секретарь Совета безопасности, первый заместитель министра обороны РФ
- КОЛЬ** Гельмут канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. и. н., старший вице-президент АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики

- ЛИВШИЦ Александр Яковлевич** д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий», ранее — помощник Президента РФ по экономическим вопросам, министр финансов РФ, заместитель руководителя Администрации Президента РФ
- ЛУКИН Владимир Петрович** д. и. н., профессор, заместитель председателя Государственной думы РФ, президент Паралимпийского комитета России, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- ЛУКЪЯНОВ Федор Александрович** главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
- МАУ Владимир Александрович** д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, ранее — руководитель Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ
- МОНБРИАЛЬ Тьерри де** президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
- НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич** (заместитель председателя) д. и. н., президент фонда «Политика»
- ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович** д. ю. н., советник Секретариата Организации Договора о коллективной безопасности, генерал-майор милиции в отставке
- ОЗЕРОВ Михаил Витальевич** (заместитель председателя) собственный корреспондент «Литературной газеты» в Великобритании
- ПОЗНЕР Владимир Владимирович** президент Российской телевизионной академии, ведущий авторской телепрограммы «Времена»
- ПРИМАКОВ Евгений Максимович** академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, депутат Государственной думы РФ, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
- ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович** заместитель руководителя Администрации Президента РФ — начальник управления Администрации Президента РФ по внешней политике (в личном качестве)
- РЫЖКОВ Владимир Александрович** к. и. н., депутат Государственной думы РФ
- ТЕЛЬЧИК Хорст** председатель *Teltschik Associates*, бывший руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ
- ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич** д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИДа РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
- УОЛЛЕС Уильям, лорд** профессор Лондонской школы экономики
- ХАКАМАДА Ирина Муцуовна** к. э. н., доцент, заместитель председателя Государственной думы РФ, сопредседатель партии «Союз правых сил»
- ХОУГ Джеймс** главный редактор журнала *Foreign Affairs*
- ЭЛЛИСОН Грэм** профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
- ЮРГЕНС Игорь Юрьевич** к. э. н., вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)

ЯСТРЖЕМБСКИЙ
Сергей Владимирович

к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ (в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН
Анатолий Леонидович

к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ

БУТОРИНА
Ольга Витальевна

д. э. н., заведующая кафедрой европейской интеграции МГИМО МИД РФ

ГРИГОРЬЕВ
Леонид Маркович

к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых экономических центров

ЛОМАНОВ
Александр Владимирович

д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН

МИРСКИЙ Георгий Ильич

д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН

ШКУНДИН Марк Зусьевич

к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН

ЭНТИН Владимир Львович

к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности

ЮРЬЕВ Александр Иванович

д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир
Олегович (председатель)

президент холдинговой компании «Интеррос»

ВАЙНШТОК
Семен Михайлович

президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук

ВАРДАНЯН Рубен Карленович

президент группы компаний «Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ
Виктор Феликсович

президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ Сергей
Владимирович

председатель постоянной Комиссии Государственной думы РФ по защите прав инвесторов

ЕВТУШЕНКОВ
Владимир Петрович

к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»

КУЗЫК Борис Николаевич

член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор холдинговой промышленной компании «Новые программы и концепции», президент Института экономических стратегий

КУЗЯЕВ Андрей Равелевич

президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ
Валерий Михайлович

генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»

ЦВЕТКОВ
Николай Александрович

к. э. н., президент ФК «НИКойл»

ЖУРНАЛ
«РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ»
ВЫХОДИТ ТЕПЕРЬ
ШЕСТЬ РАЗ В ГОД

ПОДПИСКА НА РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Подписной индекс

в Объединенном каталоге «Пресса России», том 1: 15577

	<p>АБОНЕМЕНТ на газету журнал</p>	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; width: 60px; margin: 0 auto;">15577</div> <p style="font-size: small;">индекс издания</p>																									
	<p>Россия в глобальной политике</p> <p style="font-size: x-small;">(наименование издания)</p>	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; width: 60px; margin: 0 auto;">Количество комплектов</div>																									
	<p>на 2004 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
	<p>Куда <input style="width: 80%;" type="text"/></p> <p style="font-size: x-small; text-align: center;">Почтовый индекс (адрес)</p>																										
	<p>Кому _____</p> <p style="font-size: x-small; text-align: center;">(фамилия, инициалы)</p>																										
	<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>ПВ</td><td>место</td><td>литер</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>	ПВ	место	литер				<p>ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА</p>	<div style="border: 1px solid black; padding: 2px; width: 60px; margin: 0 auto;">15577</div> <p style="font-size: small;">индекс издания</p>																		
ПВ	место	литер																									
		<p>на газету журнал</p>																									
		<p>Россия в глобальной политике</p> <p style="font-size: x-small;">(наименование издания)</p>																									
	<p>Стоимость подписки _____ руб. _____ коп.</p> <p>_____ руб. _____ коп.</p>	<p>Количество комплектов _____</p>																									
	<p>на 2004 год по месяцам</p> <table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse; text-align: center;"> <tr> <td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td><td>8</td><td>9</td><td>10</td><td>11</td><td>12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12													
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12																
	<p>Куда <input style="width: 80%;" type="text"/></p> <p style="font-size: x-small; text-align: center;">Почтовый индекс (адрес)</p>																										
	<p>Кому _____</p> <p style="font-size: x-small; text-align: center;">(фамилия, инициалы)</p>																										

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

– заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
– заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об
оплате (или ее копией) по факсу: (095) 206-8661,
по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru
или письмом по адресу:
АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера (русскоязычное издание):

с почтовой доставкой – **180 руб.**
с курьерской доставкой (г. Москва) – **230 руб.**

Цена одного номера (англоязычное издание):

с почтовой доставкой – **250 руб.**
с курьерской доставкой (г. Москва) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: **10877**

ЗАО «МК-Периодика»
129110, Москва, ул. Гиляровского, 39
Тел.: (095) 281-9137, 281-9763;
Факс: (095) 281-3798
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму **East View Publications**

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: **14216**
для англоязычного издания: **14464**

East View Publications
3020 Harbor Lane N.
Minneapolis, MN 55447
USA

Тел.: 1-763-550-0961
Факс: 1-763-559-2931
E-mail: eastview@eastview.com
<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал и ваш номер телефона (для оперативной связи).

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписки: I полугодие январь - март апрель - июнь

II полугодие июль - сентябрь октябрь - декабрь

Форма доставки курьером (в пределах г. Москвы)
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО РИД "Глобус"

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ _____ р/сч. 40703810200000000114

(номер счета получателя платежа)

АКБ "ПРОМТОРГБАНК", г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

к/с 30101810800000000139

БИК 044583139

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - март апрель - июнь

II полугодие июль - сентябрь октябрь - декабрь

Форма доставки курьером (в пределах г. Москвы)
 заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" _____ " _____ 20 _____ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)